

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский научный центр

ТРУДЫ
ОБЪЕДИНЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ
2005

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2006

УДК 001
ББК 72г(2)
Т78

Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2005 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. — СПб.: Наука, 2006. — 154 с.

Редакторы-составители:

Ю. А. ПЕТРОСЯН, Э. А. ТРОПП, Е. А. ИВАНОВА

*Настоящее издание выполнено при финансовой поддержке
Научной программы СПбНЦ РАН 2005 года*

ISBN 5-02-026475-X

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2006
© Издательство «Наука», оформление, 2006

I. АКАДЕМИЧЕСКИЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ЧАСТЬ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В. П. ЛЕОНОВ

БИБЛИОТЕКА И НАУКА: К ВЫХОДУ В СВЕТ ПЕРВОГО ТОМА «ЛЕТОПИСИ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

Осенью 2004 г. исполнилось 290 лет со времени основания Библиотеки Академии наук — старейшего академического учреждения и первой научной библиотеки России. «Императорская Библиотека Императорской Академии наук имеющаяся, которая пространством состоит в разных департаментах, в собрании на разных языках, во многих тысящах книг, которая при сем царствующем Санктпетербурге, начала собираться по всевысочайшему указу Государя Императора Петра Великого с 1714 году».¹

БАН является прямой наследницей «Библиотеки его царского величества», или «Библиотеки его величества». В разные годы она называлась по-разному: в 1714—1725 гг. — «общедоступная», «публичная», «казенная»; в 1725—1747 гг. — «Императорская Петербургская библиотека»; в 1747—1917 гг. — «Библиотека Императорской Академии наук»; в 1917—1925 гг. — «Библиотека Российской Академии наук»; в 1925—1992 гг. — «Библиотека АН СССР», и с 1992 г. — «Библиотека РАН». До открытия в 1814 г. Императорской публичной библиотеки БАН оставалась единственной общедоступной библиотекой. Только сюда начиная с 1746 г. поступает обязательный экземпляр всех академических изданий, а с 1783 г. — обязательный экземпляр печатной продукции России.

В настоящее время Библиотека Российской Академии наук — одна из крупнейших библиотек мира. Централизованная библиотечная система БАН включает более 30-ти специальных научных библиотек при петербургских учреждениях Российской Академии наук (на правах ее отделов и секторов), обслуживает ученых и специалистов независимо от принадлежности учреждений, в которых они работают. БАН является всероссийским государственным хранилищем универсального профиля со статусом научно-исследовательского института в области библиотековедения, библиографоведения, информатики, книговедения, научного описания рукописей, консервации и реставрации документов, безопасности библиотек и архивов. Благодаря новейшим информационным и библиотечным технологиям БАН входит в мировое информационное

¹ Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. 1749—1751 гг. СПб., 1997. С. 165.

пространство. Она является членом Международной федерации библиотечных ассоциаций и институтов (ИФЛА) с 1989 г. и Международной ассоциации библиофилов (АИБ) с 2001 г., сотрудничает с ЮНЕСКО и другими международными организациями, крупнейшими библиотеками, информационными и реставрационными центрами мира.

БАН — особая гордость Санкт-Петербурга, его неотъемлемая часть, пережившая все великие преобразования, все потрясения, происходившие в городе. Она возникла за 10 лет до основания Академии наук, и ее собрание стало книжным базисом научной деятельности первых в России профессиональных ученых — российских академиков. Именно на фондах Библиотеки взращивалась новая — западноевропейская — культура страны. Город стал колыбелью другой — ориентированной на общеевропейские ценности — русской цивилизации. Фонды Библиотеки стали для государя-преобразователя средством воспитания граждан молодой России в духе интереса к западноевропейской культуре и западноевропейскому знанию. В этом заключается особая миссия Библиотеки РАН, которую она с честью пронесла через свою почти трехвековую историю.

Первая национальная библиотека Российского государства стала примером для многих крупных библиотек Европы и Америки. В 1720 г. в Париже станет доступной для ученых старейшая Королевская библиотека, переименованная в 1795 г. Конвентом в Национальную. В 1753 г. в Лондоне будет основана Библиотека Британского музея, и, наконец, под занавес XVIII в. станет известно о создании еще двух библиотек — Императорской публичной в Санкт-Петербурге (1795) и Библиотеки конгресса США (1800). Великолепная парадигма! И в ней Библиотека Императорской Академии наук по праву занимает первое место. Это значит, что БАН обречена идти впереди, первой принимать удары судьбы, накапливать опыт выживания, делиться им, постепенно превращаясь в крупнейшую национальную академическую библиотеку мира.

БАН — средоточие литературы о человеке, его особенностях, достижениях научной мысли. И хотя исторически сложившийся профиль комплектования Библиотеки — естественнонаучная литература, ее задачи никогда не ограничивались целью обеспечить только естественнонаучное познание. Потому что сквозь естественные науки, которые дают человеку знание о мире и его свойствах, как бы «прорастают» науки гуманитарные, помогающие человеку осмыслить свое место в мире, то, что он в нем делает, во что его преобразует. Естественнонаучный и гуманитарный аспекты в науке и в научной — академической — библиотеке переплетаются, и научная литература воспринимается как материальный результат мыслительной деятельности человечества, страны, народа, отдельного человека, а сама Библиотека — как слепок с истории мыслительной и культурной деятельности человечества.

Возвращаясь к истории Библиотеки, следует подчеркнуть, что замысел царя о ее создании складывался, видимо, спонтанно, исходя из опыта собственного обучения и увиденного за границей, а также из общения с учеными и государственными деятелями. Тем не менее ясно было одно — новая царская библиотека должна была принадлежать, как и прежде, государю и одновременно быть публичной, и вход в нее два раза в неделю «всякому свободен». Значение этого факта даже сегодня трудно переоценить. С маленького объявления в петербургской газете «Ведомости» от 26 ноября 1728 г. в России закрепляется

важнейшее правило библиотечной работы — обеспечение общедоступности национального книгохранилища для всех читателей.

Молодая Россия прилагала значительные усилия и потратила огромные средства на организацию в северной столице библиотеки нового типа. За первые сорок лет своего существования Библиотеке удалось сформировать язык общения между набирающей силу академической наукой Петербурга и Западом, превратиться в международный центр притяжения научной и общественной мысли, создать комфортную информационную среду, открытую и доступную для зарубежных партнеров.

В 1725 г., когда БАН, вместе с Кунсткамерой, была присоединена к Петербургской АН, ее читателями становятся как члены АН — профессора и адъюнкты (например, М. В. Ломоносов, С. К. Котельников), так и лица, отношения к ней не имеющие, т. е. «прочие охотники книг».

Члены Академии рассматривали БАН как свою творческую лабораторию. Они занимались комплектованием фондов, «каждый академик обязан в своей науке добрых авторов, которые в иных государствах издаются, читать. И тако ему легко будет экстракт из оных сочинять. Сии экстракты, с прочими рассуждениями, имеют быть от Академии в назначенные времена в печать отданы быть».²

Особая тема — это читатель БАН, удивительный феномен русской культуры, формировавшийся вместе с библиотекой. Но БАН это еще и сотрудники: библиотекари, библиографы, книговеды, историки, филологи — личности, отдавшие ей свои лучшие годы и оставившие неизгладимый след в ее истории.

Среди первых читателей Библиотеки были представители знати (Я. В. Брюс, А. И. Остерман, цесаревна Анна), духовенства (Феофан Прокопович, Афанасий Кондоиди), ученые Академии наук (Л. Л. Блюментрост, И. Д. Шумахер, И. Г. Гмелин, И. П. Коль). Феофану Прокоповичу принадлежат прекрасные слова: «Без Библиотеки как без души Академия».

Огромную Библиотеку можно изучать, начав с архитектуры сооружений, обзорежая здания, в которых она находилась, постепенно углубляясь во внутреннюю жизнь. Ознакомительная, поверхностная казалось бы, экскурсия по местам, где ранее размещалась предшественница Библиотеки Академии наук (Летний дворец, Кикины палаты, Университетская набережная, дом Демидовых, Биржевая линия), останавливает наше внимание на деталях, которые при углубленном постижении вдруг оказываются очень важными для познания ее истории.

Библиотека расширяется, растет ее известность. В 1751 г. в Париже выходит второй том «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. В нем помещена большая обзорная статья «Библиотеки» с описанием крупнейших книгохранилищ Европы. Автор статьи Д. Дидро собрал для нее обширный материал из различных источников. Слухи о библиотеке в Петербурге дошли и до энциклопедистов. Вот фрагмент статьи с упоминанием о БАН: «Что касается России, известно, что, за исключением нескольких сочинений о религии на славянском языке, там не было никаких научных книг и даже почти тени литературы до царя Петра Первого, который между военными походами способствовал расцвету искусств и наук и основал множество академий в различных частях своей импе-

---

² История АН СССР. М., 1958. Т. 1. С. 431.

рии. Этот великий монарх собрал весьма значительные фонды для библиотеки своей Петербургской Академии, которая в большом числе обеспечена книгами по всем областям науки».³

В 1795 г. объявляется о создании в Петербурге другой библиотеки — Императорской публичной, что болезненно скажется на дальнейшем становлении и развитии БАН. Сформулирую одну из «загадок» для современников: почему при наличии с 1714 г. академической библиотеки Екатерина II решает основать новую императорскую, на этот раз публичную, библиотеку? Это событие было описано и документировано полно и тщательно многими его очевидцами и участниками. Но чем дальше отступает оно в прошлое, тем больше гипотез и легенд создается вокруг него.

БАН оставалась верной служению науке, вся ее деятельность была направлена на это, и, возможно, академики и библиотекари не помышляли иное. Может, деятельность Академии наук и БАН показалась Екатерине II «узким» местом в идеологии эпохи Просвещения, поскольку радикально менялась культурная ситуация? Мы никогда не получим исчерпывающего ответа на этот вопрос, но сравнение научного и культурного окружения библиотек на первое место выводит влияние фактора среды на их развитие. А в среде вокруг новой библиотеки с 1814 г. прививались литературные и культурные традиции, сочетавшиеся с идеологией публичной библиотеки (чего не было в академической среде). Эти традиции были продолжены в Москве, когда в 1862 г. стало известно о новой библиотеке — Библиотеке публичного Румянцевского музея (позднее — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, переименованная в 90-е годы ушедшего столетия в Российскую государственную библиотеку).

В XIX в. БАН вошла измененной, разделенной на два отделения (русское и иностранное), связь между которыми была ограничена; у каждого был свой директор, свое финансирование и разные задачи обслуживания нужд академической науки. В отечественной библиотечной культуре это единичный случай. В чем была необходимость разрушения единства национальной по рождению библиотеки, постепенно превращающейся в глазах власти в ведомственную? Вся жизнь Библиотеки теперь определяется ролью и значением Академии наук в обществе, авторитетом ее президента.

После 1921 г. Библиотека попадает в тиски бюрократии; ее, как и Академию наук, последовательно обвиняют в служении сначала царизму, много позже — большевикам и КПСС. Она постоянно испытывает дефицит денег, помещений, ей угрожают затопления и пожары. В общем, ее можно рассматривать как еще одну жертву от науки и культуры не только советского периода, но и перестройки и, наконец, современного этапа преобразований в России. Даже такой взгляд на БАН, не приспособившуюся к режиму власти и оказавшуюся «лишней», побуждает исследователя к изучению и анализу всех периодов ее жизни.

С 1934 по 1938 г. для подготовки документации о полной реорганизации БАН и создания проекта ее нового здания в Москве по указанию Правительства

---

³ Bibliothèque. Encyclopédie ou dictionnaire raisonnés des arts et des métiers, par une Société des Gens de Lettres. Mis en ordre et publié par M. Diderot, de l'Académie Royale des Sciences et des Belles-Lettres de Prusse, et quant à la Partie Mathématique, par M. d'Alembert. Paris, 1751. T. 2. P. 234.

СССР работала специальная библиотечная комиссия, которую возглавил академик И. В. Гребенщиков. В разработке проекта принимали участие архитекторы И. Н. Кудрявцев и Д. Д. Пашенко (архитектурно-пространственное решение нового здания и ансамбля с окружающими его строениями), И. В. Жолтовский (внутренняя планировка здания), А. В. Щусев (освещение книгохранилищ) и эксперт по консервации и реставрации документов С. А. Зайцев.

В новом здании планировали разместить президиум АН и БАН, в которую должны были влиться Фундаментальная библиотека общественных наук (ныне ИНИОН) и Библиотека Ленинградского института материальной культуры. Суммарный фонд реорганизованной Библиотеки составил бы 10 млн томов. Строился новый гигант советской науки.

На ход дальнейших событий могли повлиять два «особых» мнения члена комиссии академика Д. С. Рождественского. Он предложил: во-первых, придать будущей БАН статус правительственной библиотеки (по аналогии с Библиотекой конгресса США), а во-вторых, подверг сомнению необходимость существования в Москве Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, аргументировав это тем, что ее фонды — 6,5 млн томов — во многом будут дублировать и качественно совпадать с фондами новой БАН. В 1941 г. проектирование здания продолжалось и на 12 июня 1942 г. было запланировано новоселье. Великая Отечественная война разрушила все эти планы, а затем они и вовсе были преданы забвению.

Впоследствии, с начала пятидесятых годов, уже как реакция на отсутствие универсальной академической библиотеки в Москве, в течение двадцати лет в столице появлялись новые или реорганизованные информационно-библиотечные институты: ВИНТИ, ИНИОН, Библиотека по естественным наукам (БЕН РАН). Координация библиотечной деятельности в Академии наук станет медленно разрушаться, преобладать начнут локальные интересы.

Следует отметить, что в истории библиотечного дела России, как и в истории вообще, один и тот же исторический факт или событие можно рассматривать с двух точек зрения: научной и идеологической. С точки зрения научной, изучение истории библиотечного дела преследует цель выявления, накопления и пересмотра устоявшихся знаний по мере развития общества. С точки зрения идеологической, описание библиотечных событий и фактов, их толкование во многом зависят от власти, и потому история библиотечного дела подвергалась искажениям и фальсификациям. Эту зависимость от власти, видимо, так и не удастся изжить полностью, так как все определяется степенью взаимопроникновения научной и идеологической сторон друг в друга. Сегодня библиотековеды располагают богатым арсеналом знаний, разрабатывают новые подходы к их интерпретации и готовы, пусть медленно, распутывать многочисленные идеологические загадки, накопившиеся за прошлые годы.

Казалось бы, что ни скажешь о Библиотеке Академии наук, как на нее ни посмотришь — возвеличишь, низвергнешь, поместишь в середину, — постоянно преследует ощущение, что ломишься в открытую дверь. История БАН многократно рассказывалась и пересказывалась в учебниках, монографиях, статьях и диссертациях. БАН, та или иная, у всех на слуху, по крайней мере в Петербурге, как сказал бы Гоголь, и, добавим, не только в библиотечной среде.

Что мы знаем о ней? Знаем ли мы настоящее, подлинное ее лицо? И если да, то какой она была в детстве, ранней юности, в пору зрелости? Что ее ждет впереди, какое у нее будущее?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо попытаться воссоздать жизнь БАН без домыслов и вымыслов, следуя документальной основе, максимально приближаясь к реальности, погружаясь в прошлое и чувствуя пульс того времени. Осуществить этот гигантский труд по плечу историкам, владеющим методикой реконструкции научного объекта. Однако, чтобы понять библиотечный мир, профессионализма историка недостаточно. Это странно только на первый взгляд. В библиотечном мире нужно пожить (хоть какое-то время), «пропустить» его через себя, побыть с ним в контакте, ощутить, что в нем когда-то происходило.

Например, почувствовать и понять, что благодаря не только фактору «среды» БАН как первая национальная, публичная и универсальная библиотека XVIII столетия оказалась практически вытесненной из истории Российского государства и эпохи Просвещения. Сегодня в основу профессионального библиотечного праздника страны положен не 1714 год (основание Петром I Императорской библиотеки), а год 1795 — дата основания Императорской публичной библиотеки Екатериной II. И это не случайно. Так переписывается библиотечная история. Еще пример. В вышедшем недавно тиражом 10 тыс. экз. трехтомном «Российском гуманитарном энциклопедическом словаре»,⁴ при участии 450 авторов, а раздел «Книговедение и библиография» курировался А. Н. Антоненко, статьи о Библиотеке Российской Академии наук нет вообще. Есть статьи: «Анекдот», «Бокс», «Водка», а БАН нет. Видимо, она осталась вне поля зрения петербургских гуманитариев как не заслуживающая особого внимания среди других библиотек.

На каждом витке истории люди, приближенные к власти, и сама власть постоянно изменяли, а порой извращали исходный замысел и образ БАН как национальной русской библиотеки, подчиняя ее своим интересам и вкусам. Взаимоотношения, в результате которых происходили и происходят эти изменения, можно «уложить» в обобщенном виде в следующую схему, которая будет ясна, говоря словами Пушкина в «Моцарте и Сальери», как простая гамма.

С одной стороны, БАН как память человечества, с другой — бездуховность; БАН как национальная библиотека России и ведомственный практицизм; БАН как комфортная информационная среда и неблагоприятная «наружная атмосфера» (по С.Ф. Платонову); БАН как сообщество профессионалов и насилие над личностью. Видимо, Библиотеке так и не удастся вернуться к тому образу, который был задуман ее создателем.

БАН представляет собой **срединный этап** в русской библиотечной истории. Она стала первой национальной библиотекой нового типа, ее внутренняя природа соответствовала потребностям XVIII в. В сотворении этой библиотеки проявилось не только влияние внешних условий, но и сказалось сильное индивидуальное начало. В течение столетия, выполняя волю Петра и следуя установленным им традициям, она динамично развивалась. Это было время, когда Императорская библиотека переживала «романтический» период своей истории. Она стала библиотекой, которая не столько отвечала требованиям внешней среды, сколько эту среду собой представляла.

К началу XX в. она все еще оставалась первоклассной библиотекой, в которой работали такие выдающиеся ученые, как А. Шахматов, К. Залеман, В. Срезневский, Н. Никольский, С. Платонов. В начале 20-х гг. Библиотека сно-

---

⁴ Российский гуманитарный энциклопедический словарь. В 3 т. М.; СПб., 2002.

ва стала управляться одним директором. Казалось, худшее позади и вот-вот наступят лучшие времена.

«Академическое дело 1929—1931 гг.» похоронило все надежды на возрождение БАН, и с 30-х гг. она постепенно превращается в ведомственную, еще более изолированную, в ту, которую знали как Библиотеку Академии наук СССР, выполняющую функции главного методического центра по отношению к библиотекам академической системы.

К большому сожалению, исторически сложилось так, что Академия наук в России не признавала и не признает библиотековедение и библиографоведение как академические дисциплины. Это отношение к ним отчасти кроется в том, что представители естественных наук, избираемые обычно президентами Академии, не относят библиотековедение к наукам, заслуживающим своего места в структуре РАН, считая его прикладной, во многом субъективной, слабо контролируемой дисциплиной. Видимо, чтобы лучше осуществлять контроль, все крупные академические библиотеки и институты информации подчинили президиуму РАН, но в результате они оказались бесхозными и не защищенными от новых политических или финансовых потрясений. Вот почему библиотеко- и библиографоведение традиционно развивались и развиваются в неакадемических учреждениях: в вузах культуры и искусства, педагогических институтах, а теперь — в университетах и академиях культуры и искусств.

Неверно реализованная тенденция объединения академических библиотечно-информационных ресурсов в стране, распыление научных сил вели и ведут объективно к снижению уровня качества библиотековедческой науки, что укрепляет старое представление, бытующее в Академии наук и сегодня, о библиотековедении как о науке, которой занимаются не настоящие ученые, а любители.

Если говорить о настоящем времени, то постижение БАН начинается с трудностей определения отношений Библиотеки с внешней средой, средой обитания, где ее оппонентами выступают не только президиум Академии наук и Академия в целом, но и город Санкт-Петербург, в котором главная библиотека Академии наук с 30-х гг. XX в. оказалась оторванной от своего московского руководства. В результате мы, находясь внутри БАН, остались со своими проблемами, которые хорошо знаем и понимаем, один на один. (Как иначе объяснить факт, что несмотря на неоднократные обращения о присвоении БАН статуса объекта национального достояния народов Российской Федерации, мы до сих пор его не получили?). Для того чтобы составить адекватное о ней представление «наверху», нужна отправная точка для анализа «снаружи», но ее нет. И получается, что Академия наук и город, влияя на БАН, не понимая ее внутренней жизни, изменяют Библиотеку по-своему. Как, в какую сторону?

В первом приближении выход видится в формировании в структуре Академии наук самостоятельного библиотечного подразделения. Это даст возможность наладить постоянное общение с академической наукой, построить конструктивный диалог с учеными таким образом, чтобы изменить их видение деятельности БАН, чтобы можно было избежать стратегических ошибок в определении этапов и путей развития главной библиотеки Российской Академии наук.

Великая библиотека является и великой индивидуальностью. Мы воочию убеждаемся в многообразии великих библиотек. При несомненной общности они своеобразны, у каждой есть что-то особенное и неповторимое. Как-то сам

собой возник вопрос: какая из национальных библиотек России имеет счастливую судьбу: БАН или Российская национальная библиотека, Российская национальная или Российская государственная библиотека? И что это такое вообще — счастливая судьба библиотеки? (Так и напрашивается ответ, что каждая библиотека несчастлива по-своему).

Как жить дальше? Психологи считают, что разница между живым и мертвым состоит, помимо всяких физиологических подробностей, в том, что мертвое всегда равно самому себе, живое удваивает мир, и этот мир не является копией мира материального. Так и библиотека. Она не может быть равна самой себе. Этот тезис в форме библиотечного закона сформулировал индийский библиотеквед Шиали Ранганатан: «Библиотека, — заключил он, — растущий организм».

Для того чтобы попытаться увидеть будущее наших библиотек, разобраться и понять смысл библиотечных проблем, может легче опереться не на вчерашний, а на позавчерашний исторический день? Перефразируя З. Фрейда, можно сказать: «Изучите детство интересующего вас человека — и вы поймете все». И тогда мысли Петра, Шумахера, Блюментроста, Ломоносова, их видение Библиотеки, общие понятия и правила, формировавшиеся в XVIII в., пригодятся, смогут послужить ключом к пониманию положения дел сегодня.

Между духовным содержанием процесса и его материальным обеспечением существует некоторый промежуток, разница, которую ученые называют «дельтой». Вот ее-то у нас пытаются отнять, вычеркнуть. Когда проверили алгеброй библиотечную гармонию, то библиотечное дело постепенно превратилось в функциональный придаток культуры и науки. Стала исчезать духовность. Чиновники, рассуждающие наверху о культуре и науке, — сами по себе, а БАН — «сама по себе» в сопротивлении падению вниз, в желании решить проблемы.

В судьбе БАН, особенно в судьбе ее руководителей, заметную роль играла не случайность, а закономерность жизненных компромиссов. Рядовые библиотекари идут на компромиссы, большей частью не замечая этого или не задумываясь над их последствиями. У руководителя все сложнее. Его поступки, как правило, отражаются не только на дальнейшей деятельности коллег, но и выходят за пределы библиотеки. В них проявляется двойственность его положения: личное отношение к происходящему и ответственность за вверенное ему учреждение.

Однако Библиотека, несмотря на огромные трудности и недостаток внимания власти, продолжает жить и развиваться. Сегодня БАН — централизованная библиотечная система, включающая центральную библиотеку и 31 библиотеку при научно-исследовательских учреждениях РАН Санкт-Петербурга. Среди них библиотеки Главной астрономической обсерватории, Ботанического института, Зоологического института, Пушкинского Дома, Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера), Физико-технического института и др. Единый книжный фонд БАН, включая бронированный и обменно-резервный, насчитывает более 20-ти млн отечественных и зарубежных изданий, рукописей, карт, гравюр и т.п. Ежегодные поступления в БАН составляют 450—500 тыс. экз. документов.

Библиотека осуществляет информационно-библиотечное обеспечение российской фундаментальной науки, ежегодно обслуживает более 30 тыс. ученых РАН, исследователей, деятелей культуры и специалистов независимо от

ведомственной принадлежности учреждений, предприятий и организаций, в которых они работают.

В Библиотеке формируются информационные базы и банки данных, пользователям предоставляется доступ к отечественным и зарубежным ресурсам; с 1958 г. издается ежегодник «Библиография изданий Академии наук»; осуществляется международное сотрудничество: ведется международный книгообмен научной литературой с 2525 партнерами, выполняются программы с зарубежными библиотеками, архивами, музеями, информационными центрами, международными организациями. БАН проводит международные конференции, совещания, семинары, симпозиумы; участвует в работе отечественных и международных библиотечных ассоциаций и обществ.

Накануне 290-летия со дня основания Библиотеки Российской Академии наук ее уникальные фонды требуют особой заботы со стороны государства.

Феномен БАН — это почти три века споров, ошибок, прозрений, раздумий с участием А. И. Богданова, С. К. Котельникова, К. М. Бэра, А. А. Куника, А. А. Шахматова, С. Ф. Платонова и других «не самых темных» людей. Библиотеку Академии наук возносили на пьедестал и свергали с него. И не заметили, как первая национальная русская библиотека, достойная по качеству и количеству своих фондов стоять в одном ряду с Национальной библиотекой Франции, Британской библиотекой, Библиотекой конгресса США, Российской государственной и Российской национальной библиотеками, была подмечена мраморным двойником, одинаково удобным для преклонения и поношения. Как нелегко и долог путь (и даже подступы) постижения исторической правды!

Изучением истории БАН занимались многие исследователи. Более сорока лет миновало с тех пор, как была опубликована коллективная монография «История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964».⁵ У этого фундаментального труда, подготовленного преимущественно историками, сотрудниками БАН и отпечатанного тиражом 3.2 тыс. экз., оказалась странная судьба. Невероятно, но факт: интересная уникальная книга прошла незамеченной в отечественной библиотечной литературе. Учитывая повод и время подготовки монографии, издающую организацию, качество публикации, — мне трудно найти формальное объяснение. Были, видимо, на то разные причины. Однако, думаю, чтобы написать и издать такую книгу, посвященную 250-летию БАН нужна была особая духовная и моральная атмосфера 60—70-х гг., когда надежды и устремления читательской аудитории были связаны с наукой, культурой, искусством. Новые информационные технологии не составляли еще мощной конкуренции, они только-только набирали силу. Книга в ее традиционной форме считалась незаменимой, поскольку до появления Интернета с его особыми законами существования документов было еще очень далеко. Нужно было убедить читателя в том, что советская наука стоит выше западной, что Россия, которая несколько столетий училась у европейцев, теперь развила свой духовный потенциал настолько, что он оказался выше, чем у учителей. Поэтому «Историю БАН...», вышедшую в 1964 г., я рассматриваю как воплощенную мечту советской академической науки и советского библиотечного строительства. Это был «библиотечный» памятник эпохи политической целесообразности.

---

⁵ История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.; Л.: Наука, 1964. 599 с.

Теперь настала пора нового подведения итогов. Мир изменился, и поколение конца XX в. видит и воспринимает прошлое иначе. Появилось много новых источников по самым разным аспектам библиотечного и книжного дела, были сняты цензурные ограничения, открыты архивы, недоступные в советский период, появилась возможность изучать БАН свободно и без запретов, которых было предостаточно в недавнем прошлом.

Родилось новое издание по истории БАН — «Летопись Библиотеки Российской академии наук» — уникальное, как и сама Библиотека, издание, в котором впервые в хронологической последовательности день за днем прослеживается ее исторический путь.

Осмысление собственной истории — важнейшее из направлений процесса самоидентификации, который в любом социуме идет постоянно. Это вполне характерно и для таких форм сообщества, как коллектив библиотеки. И наиболее интенсивным этот процесс становится с приближением знаменательных дат. Поэтому в год своего 290-летия, и в канун другого, гораздо более значимого, юбилея, который БАН будет отмечать в 2014 г., сотрудники Библиотеки Российской академии наук неизбежно должны были ответить себе на вечные вопросы истории: «Кто мы? Зачем мы? Куда идем?» Но для этого нужно было найти ответы на те вопросы, что им предшествуют: «Когда и как это было?» Действительно, как и когда? Из поиска ответов и родилась «Летопись...».

Пока вышел только первый том издания, которое предполагается выпустить в двух томах. Он охватывает период от начала разбора книг, свезенных по приказанию Петра Великого в его Летний дворец, — что принято считать датой рождения Библиотеки, — до 1900 г. Второй том будет посвящен истории Библиотеки с 1900 г. до наших дней.

Деление повествования на две хронологически неравные части (два века и один), с нашей точки зрения, вполне оправданно. Историю Библиотеки от начала ее функционирования до конца XIX в. можно считать периодом ее становления, уточнения государственного статуса, строительства и структурирования ее фондов. С 1900 г. начинается период государственного реформирования библиотечного дела, период интенсивного роста фондов Библиотеки, умножения ее филиалов, становления и совершенствования сетевых отношений в обслуживании академического читателя. Тем самым каждая из частей «Летописи Библиотеки Российской академии наук» имеет вполне логичную внутреннюю ориентацию, которая соответствует глобальным чертам развития Библиотеки.

Выбранная форма изложения материала — летопись — показалась нам удачной. Она позволяет представить читателю исторические факты, не навязывая ему своей точки зрения. В описании событий мы сознательно избегали эмоциональности, используя только беспристрастные строки документов, которых собрано более 1400. Нами руководило желание проверить тем самым собственные, давно ставшие привычными, выводы и дать возможность сделать самостоятельное заключение будущим читателям. Летописная форма позволяет за повседневными событиями увидеть и оценить основные тенденции развития Библиотеки, дать всестороннее представление о количественных и качественных изменениях, происходивших в главном академическом книгохранилище в XVIII—XIX вв. Ведь Библиотека уже с самого начала своего существования воспринималась как культурный феномен европейского масштаба. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что ее посещение стало непременным пунктом «культурной программы» для иностранных дипломатов и просто про-

священных путешественников. И летопись Библиотеки прекрасно показывает ее в этой функции, являясь своего рода «дневником» таких посещений.

Форма летописи позволила коллективу Библиотеки не только соблюсти принцип преемственности в подаче исторического материала в описании хронологии академических событий, поскольку «Летопись Библиотеки Российской академии наук» перекликается с «Летописью Российской академии наук» (СПб., 2000—2003). Такая подача материала помогает представить исторические факты в системе, в виде неких хронологических таблиц, что позволяет воспринимать академические события одновременно в их синхронии и диахронии и открывает определенные перспективы для их исторической оценки.

В соответствии с выбранной летописной формой для подачи событий принят календарный принцип. Материал расположен в хронологическом порядке по годам, месяцам, дням. Запись о событии, конкретную дату которого установить не удалось, помещена в начале года. Каждая запись снабжена ссылкой на источник информации.

Книга содержит обширный материал, позволяющий реконструировать персональный вклад выдающихся российских ученых, руководивших Библиотекой или являвшихся ее сотрудниками. Имеется большой справочный аппарат, куда входят именной и географический указатели, список использованных источников. Подготовлен и краткий словарь «Руководители и сотрудники Библиотеки Российской академии наук в XVIII—XIX вв.», включающий информацию о 185 лицах. Приводятся годы жизни каждого из них, сведения об их работе в Библиотеке, а также другие биографические данные, если они позволяют дать более полную информацию о личности данного служащего.

Основными источниками создания «Летописи Библиотеки Российской академии наук» стали «Протоколы заседаний академической Конференции Императорской академии наук, 1725—1803 гг.» и материалы Санкт-Петербургского филиала Архива Академии наук. Кроме того, использованы документы, опубликованные в монографии «История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964» (М.; Л., 1964), труды сотрудников, посвященные ей, воспоминания читателей и ученых.

Проект был задуман в 2000 г. и выполнялся с ведома и «под смотрением» куратора Библиотеки РАН — Председателя президиума Санкт-Петербургского научного центра Российской Академии наук академика Жореса Ивановича Алферова.

Летопись свидетельствует о том, что формированием Библиотеки Академии наук занимались, и это важно подчеркнуть, первые лица государства, представители научной элиты и библиотекари-профессионалы. Поэтому Библиотека была и национальной, и публичной, и научной.

Без книги нет науки. Библиотека изначально являлась главной исследовательской лабораторией Академии. Исходя из этого по инициативе академической Конференции устанавливались связи со старейшими научными центрами Европы и Америки, налаживались отношения с книготорговцами в столицах многих государств. В результате начавшегося международного книгообмена в Санкт-Петербург с начала 20-х гг. XVIII столетия в Библиотеку поступают уникальные научные сочинения, формируются бесценные коллекции. В БАН складываются свои особенные традиции, которые вот уже почти три столетия поддерживаются благодаря профессионализму сотрудников и компетентности руководства.

За всю историю своего существования Библиотеке Российской Академии наук не раз пришлось пройти через войны, наводнения и пожары. Но вся ее деятельность была направлена на сохранение и приумножение российской культурной и научной традиции. В настоящее время, когда БАН переживает трудности, связанные со становлением нашего нового государства, она продолжает выполнять свой долг — пополнять и сохранять документальную память человечества и представлять свои издания читателям.

Завершение в 2004 г. работы над проектом и выпуск в свет «Летописи Библиотеки Российской Академии наук» позволили не только хронологически проследить и по достоинству оценить тот огромный труд, который был вложен правительством, культурной и научной элитой государства, руководством БАН и ее персоналом в создание главной академической библиотеки нашей страны. Эта книга дает возможность наглядно продемонстрировать современникам и потомкам всю необходимость беречь и приумножать созданные предками культурные и научные традиции. В наше сложное время это не просто важно, это жизненно необходимо, поскольку только так можно самоопределиваться, выработать свою стратегию и тактику борьбы за будущее.

Библиотека как социальный институт предназначена соединять, сближать под одной крышей людей самых разных возрастов и профессий. Сотни примеров можно привести, когда Библиотека помогала и помогает выжить, спастись и вернуться к нормальной жизни. В свою очередь то же происходило и с БАН, особенно в периоды потрясений (революции, войны, блокада). Открывая себя тысячам душ, Библиотека как бы напоминает людям об их изначальном сообществе. И в этом состоит счастье работать в Библиотеке и любить ее. Но любить БАН — значит нести тяжкий крест...

История дает нам урок: то, что она поглощает, она отдает обратно. БАН медленно, но настойчиво возвращается. Главное ее достижение в XX в., равно как и в отечественной библиотековедческой мысли, в том, что Библиотека Академии наук содействовала и содействует поискам исторической правды, выходу из круга искажений. Следовательно, у нее есть не только великое прошлое, но настоящее и будущее. Задача Библиотеки шире, чем просто накопление, систематизация и обеспечение поиска. Она — в раскрытии сущности человеческого бытия и деятельности человека в конкретную эпоху. История Библиотеки отражает путь, пройденный цивилизацией; ее вид, способ ее самоорганизации связаны с типом цивилизации. Потому что образ человека, оставляемый в книгах, в каждую эпоху разный. Книги в библиотеке — как археологические слои: сколько культур — столько слоев. Поэтому библиотеки так важны для человеческой цивилизации. С исчезновением цивилизаций исчезают библиотеки. С исчезновением библиотек исчезают цивилизации...

БАН — первая национальная русская библиотека — это пропуск для новых поколений читателей в прошлое библиотечного дела, науки и культуры страны. БАН на пороге XXI в. — это национальная русская библиотека Российской Академии наук — послание из прошлого настоящему и будущему России.

II. АКАДЕМИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Б. В. АНАНЬИЧ, В. М. ПАНЕЯХ

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В АКАДЕМИИ И АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ПЕТЕРБУРГА

Академия наук была основана в 1724—1725 гг., до появления в России университетов. Это во многом предопределило особенности ее организации и развития. Она была задумана Петром I как научное и одновременно учебное учреждение. Члены Российской Академии наук получали звание профессоров, обязаны были читать публичные лекции и вести занятия в Академической гимназии и Академическом университете. К академику-профессору прикреплялись один или два адъюнкта в качестве помощников. Академия должна была способствовать распространению, наряду с математическими, физическими, также и гуманитарных знаний, изучению древней и современной истории. Однако осуществление в полной мере намеченных при основании Академии проектов столкнулось с серьезными трудностями, связанными прежде всего с отсутствием для этого необходимых кадров разного уровня.

В 1725 г. начала работать Академическая гимназия. Она должна была готовить студентов для Академического университета. Изучение истории входило в ее программу. Но попытка открытия Академического университета была предпринята только в 1747 г. В этом же году был принят новый академический устав. Вместо предусмотренного первоначальным проектом специального гуманитарного класса при Академии были созданы Исторический департамент и Историческое собрание. Последнее должно было обеспечить условия для преподавания в Университете гуманитарных наук. Однако университетское образование в пределах Российской Академии наук не привилось и не получило должного развития.

До прихода в Академию в 1742 г. М. В. Ломоносова академиками были только иностранцы. Среди академиков-историков, назначенных в 1725 г., заслуживают внимания Федор Иванович (Герард Фридрих) Миллер (Мюллер) и Готлиб или Теофил-Зигфрид Байер.

Когда Миллер приехал в 1725 г. в Петербург из ганзейского города Герфорда и поступил на службу в Академию наук, ему было 20 лет. В России юный бакалавр сразу же стал адъюнктом по истории, а пять лет спустя — профессором. Миллер связал свою жизнь с Россией и Академией наук. Он умер

в Петербурге в 1783 г. Известность историка и археографа Миллеру принесли собранные им во время Второй камчатской экспедиции (1733—1743) материалы по истории, географии и этнографии Сибири и написанные на основе этих источников сочинения, прежде всего его главный труд «История Сибири».¹ Миллер вел занятия в Академической гимназии и в течение трех лет, начиная с 1747 г., был ректором Академического университета. Он впервые в отечественной историографии стал разрабатывать научную критику источника.²

В отличие от Миллера Готлиб-Зигфрид Байер был уже известен в научных кругах у себя на родине, когда был приглашен на службу в Академию наук. Он родился в Кенигсберге в 1694 г. и там в 1710 г. поступил в университет. Затем продолжил образование в Берлине и Галле и наконец в Лейпциге в 1716 г. получил степень бакалавра, а в 1717 г. — магистра.³

Научные интересы Байера и его занятия в Академии наук были достаточно разнообразны: восточные языки, древняя история Китая и Индии, античность и древняя история России. Байер не знал русского языка и при изучении русской истории использовал античные, византийские и скандинавские источники.⁴ По мнению Э. Д. Фролова, Байер был исследователем-новатором, в частности в таких областях исторического знания, как «восточный эллинизм», происхождение, расселение скифов и их отношения с жителями греческих колоний в Причерноморье, федеративное движение в Греции в эллинистическую эпоху.⁵ Байер писал сочинения и на темы, живо интересовавшие современников в связи с Персидским и Азовским походами Петра I, например о древних укреплениях на Кавказе, он использовал при этом полученные от Антиоха Кантемира записки Дмитрия Кантемира — участника петровского похода 1722 г., а также об истории Азова. Последняя работа была переведена на русский язык и издана в виде отдельной книги.⁶ Ее перевел Иван Иванович (Иоганн Каспар) Тауберт, в мае 1738 г. получивший в Академии наук звание адъюнкта по истории. По мнению Э. Д. Фролова, Байера можно считать «прямым предтечей современной науки об античности». Благодаря ему «в Петербургской Академии наук оказалось представленным новое, тогда еще только нарождавшееся в европейском антиковедении направление, знаменовавшее переход от наивного

---

¹ Труд этот неоднократно переиздавался. См. последнее издание на русском языке: Миллер Г. Ф. История Сибири. В 2 т. Изд. 2-е, дополн. М., 1999. Отсылаем также читателя к статьям С. В. Бахрушина «Г. Ф. Миллер как историк Сибири» и А. И. Андреева «Труды Г. Ф. Миллера о Сибири», опубликованным в первом томе. В этих статьях дана обстоятельная характеристика его творчества.

² См.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 114. Это мнение Н. Л. Рубинштейна полностью разделяет Т. Н. Джаксон. См. ее статью о Г. Ф. Миллере в книге: Историки России. Биографии // Сост., отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001. С. 15—18.

³ См.: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 180—196. См. также очерк о научных интересах и деятельности Байера в книге: Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Там же. С. 66—70.

⁶ Там же. С. 69. «Краткое описание всех случаев, касающихся Азова от создания сего города до возвращения оного под российскую державу» Байера было издано в Петербурге в 1738 г. и переиздано в 1768 г.

эрудитства, столь характерного для времени Возрождения и раннего Просвещения, к критическому переосмыслению традиций».⁷

Байер оставил заметный след в жизни Академии и как педагог. В 1727 г. он был назначен заведующим Академической гимназией. Байер умер в Петербурге в феврале 1738 г.

Несомненным событием, способствовавшим развитию в России исторической науки, было назначение в 1762 г. адъюнктом по истории, а в 1765 г. профессором истории и статистики Августа Людвиг Шлецера (1735—1809). Он получил образование в Виттенбергском и Геттингенском университетах и был учеником выдающегося филолога И. Михаэлиса. По его рекомендации Герард Миллер пригласил Шлецера в качестве помощника и учителя его детей. В 1761 г. Шлецер приехал в Петербург. По условиям подписанного с ним контракта он мог совмещать службу в Академии с поездками в Германию и работой в Геттингенском университете. В 1767 г. он уехал из России, хотя продолжал поддерживать отношения с Академией и заниматься изучением российской истории. Шлецер считал необходимым критическое изучение летописей и других памятников прошлого. Он способствовал научному изданию первого тома Никоновской летописи, появлению первого издания «Русской Правды» и «Судебника» Ивана IV, обнаруженных Татищевым.⁸ По мнению С. Н. Валка, «Шлецер образовался как историк под сильнейшим воздействием Вольтера и явился представителем молодой еще тогда, скромной по своим устремлениям немецкой просветительной историографии и публицистики».⁹

Известно, что Шлецер восторженно отзывался об «Истории Российской» В. Н. Татищева и даже представил И. К. Тауберту подробный план ее издания. «Татищев — русский, он является отцом русской истории, — писал Шлецер, — и мир должен знать, что русский, а не какой-либо немец проломит лед в русской истории». Однако этому плану не суждено было осуществиться.¹⁰ Последние годы своей жизни он посвятил подготовке к изданию своего главного труда «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные».¹¹

---

⁷ Фролов Э. Д. Русская наука об античности. С. 71—72. По мнению Э. Д. Фролова, «специальное изучение античной истории, начатое в Петербургской Академии наук Байером, с ним закончилось», а его последователи, выходцы из Германии Иоганн Георг Люттер, профессор красноречия и греко-римских древностей (в Академии наук с 1733 по 1737 г.), и Христиан Готфрид Крузиус (в Академии наук с марта 1740 г., адъюнкт по истории и с октября 1746 г. по май 1749 г. профессор по разряду древностей и истории литературной) не оставили заметного следа в антиковедении. Между тем «плодотворными» для его развития оказались работы филологов М. В. Ломоносова и В. А. Третьяковского (Там же. С. 86).

⁸ Общую характеристику научных планов и издательской деятельности Шлецера см.: *Джаксон Т. Н.* Шлецер Август Людвиг (1735—1809) // *Историки России: Биографии.* М., 2001. С. 62—66.

⁹ *Валк С. Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX века // *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 205. См. также: *Валк С. Н.* Исторический источник в русской историографии XVIII в. // *Проблемы истории докапиталистических обществ.* 1934. № 7—8. С. 44—46.

¹⁰ См.: *Валк С. Н.* «История Российская» В. Н. Татищева в трудах отечественных исследователей XIX—начала XX века. Подготовительные фрагменты // *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. С. 473.

¹¹ Русское издание этого сочинения: СПб., 1809—1819. Ч. 1—3.

Норманнские теории происхождения русского государства Миллера, Байера и Шлецера подвергались резкой критике в сочинениях М. В. Ломоносова. Во второй половине 1740-х гг. он начал уделять внимание историческим исследованиям. В результате этих занятий появились такие его труды, как «Замечания на диссертацию Г. Ф. Миллера „Происхождение имени и народа Российского”» и «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 г.».

Заслуживает внимания наблюдение Э. Д. Фролова о значении филологических занятий М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского для развития исторической науки: «Обращение этих первых академиков из русских к античной истории и литературе было продиктовано не столько специальным интересом к античности, сколько заботами о дальнейшем развитии русского языка и литературы; однако как бы то ни было, их занятия оказались в высшей степени плодотворными и для русского антиковедения».¹² Э. Д. Фролов подчеркивает, что изучение античности в XVIII в. было «преимущественно делом Академии», хотя «в деле подготовки людей с классическим образованием у Академии наук уже с середины века появился важный помощник — Московский университет».¹³ В конце XVIII в. началось, а со вступлением России в XIX столетие развилось сотрудничество академической науки с наукой университетской.

Научные школы стали формироваться в университетах, опираясь на достижения академической науки и при активном участии членов Академии. Один из примеров такого сотрудничества — обсуждение представленной в Академию наук в 1814 г. записки Иоганна Георга Неймана «О важности познания и обработки древнего славянского права для объяснения древнейших русских законов и для русской и славянской истории вообще». Нейман был приглашен из Германии для работы в Комиссии составления законов и стал профессором права в Казанском, а затем в Дерптском университетах. Он выдвинул теорию о существовании древнего общеславянского права и о наличии в Русской Правде очевидных его признаков. Эта теория получила поддержку в Академии. С благожелательными отзывами на записку Неймана выступил Андрей Карлович (Генрих Фридрих) Шторх, член-корреспондент по политической экономии и статистике с апреля 1796 г. и ординарный академик с февраля 1804 г., а также Филипп Иванович (Иоганн Филипп) Круг, адъюнкт по истории с марта 1805 г., экстраординарный академик с марта 1807 г. и ординарный академик с августа 1815 г.¹⁴ Круг одним из первых в Академии стал заниматься хронологией и нумизматикой Древней Руси. Вместе с Августом (Ароном) Христианом Лербергом, адъюнктом по истории с марта 1807 г. и экстраординарным академиком с февраля 1810 г., избравшим для своих занятий историческую геогра-

¹² Фролов Э. Д. Русская наука об античности. С. 86—87.

¹³ Там же. С. 99—100.

¹⁴ Подробнее см.: Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20—40-х гг. XIX века // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. С. 266—268. Впрочем, уже в начале XIX в. финансирование университетов значительно превосходило финансирование Академии, в связи с чем наметился упадок академической науки. Жалованье профессора Дерптского университета составляло 2000 рублей и в два раза превосходило жалованье академика. См.: Трохачев С. Ю., Хартанович М. Ф. Санкт-Петербургская Академия наук на рубеже веков: письмо академика Н. П. Фукса министру народного просвещения гр. П. В. Завадовскому от 17 января 1803 г. // Деятели русской науки XIX—XX веков. Вып. первый. СПб., 2000. С. 319.

фию и генеалогию, Н. Ф. Круг выступил сторонником использования наряду с летописями не только «Истории Российской» Татищева, но также «Истории Российского государства» адъюнкта по истории с 1779 г. и почетного члена Академии с 1787 г. Ивана Михайловича (Иоганн Готгильф) Стриттера (Штриттер) и «Истории Российской от древнейших времен» почетного члена Академии с 1776 г. Михаила Михайловича Щербатова.¹⁵ Важным событием в развитии гуманитарного образования в Петербурге и в истории сотрудничества академической и университетской наук стал 1819 г.: учреждение на основе Педагогического института Петербургского университета. Однако «воздухом науки повеяло на исторической кафедре университета лишь в тридцатых годах, когда в 1835 г. преподавание русской истории перешло в руки Н. Г. Устрялова, а всеобщей истории — Куторги».¹⁶ Николай Герасимович Устрялов стал в 1837 г. адъюнктом Академии наук по русской истории и древности, в 1842 г. экстраординарным академиком, а в 1844 г. ординарным академиком по Историко-филологическому отделению. В 1848 г. в состав этого же отделения вошел и Михаил Семенович Куторга как член-корреспондент по разряду исторических и политических наук.

Устрялов в течение многих лет возглавлял университетскую кафедру, был автором первых учебников по русской истории и оказал большое влияние на развитие высшего и среднего исторического образования в России.¹⁷ Как исследователь он причислял себя к сторонникам прагматического подхода к изучению прошлого, внимательного отношения к фактам и научной их систематизации. «Система прагматической истории» Устрялова претендовала на то, чтобы стать своеобразным направлением в русской исторической мысли.

Сочувственно к методу Устрялова относился, в частности, Константин Николаевич Бестужев-Рюмин, воспитанник Московского университета, профессор Петербургского университета, с 1872 г. член-корреспондент Академии наук, а с 1890 г. ординарный академик по Отделению русского языка и словесности.¹⁸ Устрялов приобрел широкую известность благодаря не только подготовленному им первому университетскому курсу «Русская история» и исследованию «История Петра Великого», но и главным образом благодаря изданиям источников, таких, в частности, как «Сказания современников о Дмитрие Самозванце» и «Сказания князя Курбского». Однако, хотя «от преподавания Устрялова и повеяло свежим воздухом», ему «не хватало подготовки» и у него «не было также ясного сознания значения выработки научных приемов исторического исследования» для того, чтобы стать «создателем университетской школы» или «творцом нового направления в нашей историографии».¹⁹

Между тем процесс развития науки в области гуманитарного знания, и в первую очередь совершенствования в западных университетах, подготовил условия для возникновения «петербургской исторической школы» на основе университетского образования. Ее признанным основателем стал М. С. Куторга, основоположник также «первой русской школы исследователей античнос-

¹⁵ Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. С. 476, 478, 510.

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ Дурновцев В. И., Бачинин А. Н. Прагматический бытописатель: Николай Герасимович Устрялов // Историки России. XVIII—начало XX века. М., 1996. С. 174—175.

¹⁸ Там же. С. 177.

¹⁹ Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. С. 7—8.

ти».²⁰ Основные его исследования были посвящены ранней истории Афин. Куторга прошел подготовку в Дерптском университете, а также в университетах Парижа, Мюнхена, Гейдельберга и Берлина. Он был хорошо знаком с достижениями европейской науки и находился под известным влиянием немецкого исторического романтизма и французской романтической школы, в частности работ Ф. Гизо.²¹ Вместе с тем получило общее признание суждение В. П. Бузескула, что Куторга «не разделял многих из господствовавших в науке того времени воззрений, был вообще против ходячих мнений и приходил к своим, большей частью своеобразным, выводам».²² Куторга много внимания уделял общим проблемам развития науки и был сторонником критического подхода к изучению прошлого. «Где нет критики, там нет и истории», «где нет методы, нет и науки», — эти известные высказывания Куторги лежали в основе его творческой и преподавательской работы.²³ Куторга читал в университете курс «Введение в науку истории», а также курсы по древней, средневековой и новой истории и, кроме того, впервые в России вел на дому семинарские занятия. Петербургская историческая школа получила свое развитие в творчестве учеников и последователей Куторги, в том числе в трудах М. М. Стасюлевича, Ф. Ф. Соколова, В. Г. Васильевского, а также их учеников. К середине XIX в. обозначилось уже и некоторое расхождение между петербургской и московской историческими школами в подходе к источнику и его толкованию. В 1849 г. только что защитивший магистерскую диссертацию М. М. Стасюлевич подверг критике докторскую диссертацию одного из самых известных профессоров Московского университета Т. Н. Грановского. Молодой магистр на страницах выходившего под редакцией М. П. Погодина «Москвитянина» рискнул упрекнуть московского мэтра в недостаточно критическом отношении к предмету исследования. Московские историки решительно выступили в защиту Грановского. Рецензия Стасюлевича отражала взгляды Куторги и его окружения. Вспыхнула полемика.²⁴ Существо разногласий между столичными школами хорошо передал И. М. Гревс в написанной им, но не опубликованной биографии В. Г. Васильевского. По мнению И. М. Гревса, Куторге «недоставало той красоты нравственного энтузиазма, чистоты и возвышенного вкуса и высокого благородства, какие покоряли сердца друзей и учеников в знаменитом московском профессоре; но по твердости и выработанности метода и глубине

---

²⁰ Фролов Э. Д. Русская наука об античности. С. 126. Э. Д. Фролов приводит также и довольно обширный список статей, содержащих оценку творчества М. С. Куторги. Наиболее полная характеристика роли Куторги в отечественной историографии дана в статьях С. Н. Валка (см. его «Избранные труды по историографии и источниковедению»), а также в цитируемой книге Э. Д. Фролова. При этом оба автора ссылаются на мнение В. П. Бузескула, что Куторга был «первым выдающимся и совершенно самостоятельным русским исследователем в области изучения греческой истории», «первоначальником у нас науки об эллинизме» (Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Пг., 1915. С. 303).

²¹ Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. С. 10—11; Фролов Э. Д. Русская наука об античности. С. 163.

²² Бузескул В. Введение в историю Греции. С. 304.

²³ См.: Куторга М. С. 1) Очерки новейших историков Западной Европы // Библиотека для чтения. 1850 г. Т. 99. Ч. 2. С. 107—111; 2) О науке и ее значении в государстве // Русский вестник. М., 1873. Т. 104. С. 2—61.

²⁴ См.: Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. С. 13—19.

критического отношения к материалу Куторга превосходил Грановского».²⁵ Стасюлевич читал на историко-филологическом факультете курсы средневековой и новой истории, а после 1861 г. вынужден был покинуть университет. Более заметный след в университетской и академической науке Петербурга оставили Федор Федорович Соколов и Василий Григорьевич Васильевский, хотя и не прямые ученики Куторги, но его последователи. Ф. Ф. Соколов, историк-эллинист и археолог, был избран в 1900 г. членом-корреспондентом Академии по разряду классической филологии и археологии Историко-филологического отделения. Свою приверженность созданному Куторгой научному направлению Соколов продемонстрировал даже в названии своей магистерской диссертации: «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии». Соколов заложил основы нового эпиграфического направления в отечественном антиковедении. «Именно Соколов, — как отмечает Э. Д. Фролов, — первым в России сформулировал принципиальное положение о необходимости строгого фактического, в документах, исследования древности, и он же одним из первых дал классические образцы такого исследования в своих эпиграфических работах. Более того, Соколову удалось создать целую школу русских эпиграфистов, удачно совмещавших в своем лице филологов и историков. Этой школе суждено было занять ведущее место в дореволюционной русской науке об античности».²⁶ В числе многочисленных учеников Соколова можно назвать таких выдающихся исследователей, как Василий Васильевич Латышев, филолог-классик, эпиграфист и историк, член-корреспондент по разряду классической филологии и археологии с 1890 г., а с 1893-го — ординарный академик по Историко-филологическому отделению; Сергей Александрович Жебелев, историк-эллинист, археолог, эпиграфист и филолог-классик, член-корреспондент по разряду классической филологии и археологии с 1914 г. и академик с 1927 г. по Отделению исторических наук и филологии; Борис Александрович Тураев, востоковед-египтолог, ассириолог, эфиопист, член-корреспондент по разряду восточной словесности с 1913 г. и академик с 1918 г. по Отделению исторических наук и филологии (литература и история азиатских народов). Если Ф. Ф. Соколова можно назвать основоположником русской эпиграфики, то В. Г. Васильевский по праву считается основателем русской школы византинистов. Как историк-византинист он был избран в 1876 г. членом-корреспондентом Академии наук по разряду историко-политических наук (русская и византийская история), а в 1890 г. — ординарным академиком.

Васильевский отличался чрезвычайно широким кругозором и кроме византиноведения занимался также античностью и славистикой. Его магистерская диссертация «Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка» (СПб., 1869) сразу же привлекла внимание русского общества, ибо затронутые в ней проблемы перекликались с российскими реформами 1860-х гг. Присущий Васильевскому интерес к социальным явлениям нашел свое отражение и в его работах по истории Византии.²⁷ Преподаватель-

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ Фролов Э. Д. Русская наука об античности. С. 170, 178.

²⁷ См.: Литаврин Г. Г. Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838—1899) // Византийский временник. 1994. Т. 55 (80). С. 6—10. См. также: Quiescet in pace: к столетию со дня смерти В. Г. Васильевского (С.-Петербург). Глава «Последний год жизни» из неопубликованной монографии И. М. Гревса / Подг. к печати И. П. Медведев // Византийский времен-

ская деятельность Васильевского, как и Соколова, созданные ими школы подготовили качественные перемены в развитии петербургской исторической школы. К началу XX в. исследования лучших ее представителей успешно сочетали в себе достижения европейской науки с накопленным в России опытом критического отношения к источникам как иностранного, так и российского происхождения. Важнейшей предпосылкой формирования петербургской исторической школы стала также работа по изданию исторических источников. С начала XIX в. Академия наук сосредоточилась прежде всего именно на их разыскании и публикации. Особо следует выделить издание «Писем и бумаг Петра Великого», начатое А. Ф. Бычковым в 1872 г. в связи с 200-летием со дня рождения Петра I. До 1918 г. вышло в свет 6 томов. В «Записках Императорской Академии наук» были напечатаны материалы о деятельности М. В. Ломоносова и В. Н. Татищева, об Отечественной войне 1812 г., о пугачевском восстании. Основную роль в издании исторических источников стали играть археографические экспедиции Академии наук, начатые историком и археографом Павлом Михайловичем Строевым в 1817 г. Поиски документов велись в подмосковных монастырях, в архивах Свято-Троицкой Сергиевой лавры, Соловецкого монастыря, Софийского собора в Новгороде, в монастырских хранилищах Архангельской, Ярославской, Псковской и других губерний. Всего было обследовано более 200 хранилищ, в результате чего П. М. Строев представил в Академию наук четыре тома актов, изданных под грифом Академии в 1836 г.²⁸ В 1834 г. Археографическая экспедиция была преобразована в Археографическую комиссию, которая, хотя и учреждалась при Министерстве народного просвещения, но была тесными узами связана с Академией наук. В частности, в ее состав первоначально вошли: П. М. Строев, член-корреспондент с 1826 г., адъюнкт по Отделению русского языка и словесности с 1841 г., экстраординарный академик с 1847 г., ординарный академик с 1849 г.; а также историк и археограф Яков Иванович Беренников, адъюнкт по Отделению русского языка и словесности с 1841 г., экстраординарный академик с 1845 г. и ординарный академик с 1847 г. Активное участие в работе Археографической комиссии принимали: историк, филолог, этнограф и нумизмат Арист Аристович (Эрнест Эдуард) Куник, с 1844 г. адъюнкт по Историко-филологическому отделению и с 1850 г. экстраординарный академик; а также Афанасий Федорович Бычков, историк, археограф, библиограф, лексиколог, член-корреспондент по Отделению русского языка и словесности с 1855 г., экстраординарный академик с 1866 г. и ординарный академик с 1869 г. Позднее в Археографической комиссии важную роль играли: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский, адъюнкт по Истори-

---

ник. 1999. Т. 58 (83). С. 220—235. В своих воспоминаниях о Васильевском И. М. Гревс подчеркивал значение преемственности в науке. «Революция, — писал он, — круто повернула на совсем новую дорогу судьбы России, социальные и духовные, осудила и разрушила многое в прошлом, как злые или мертвые начала. Но порвать окончательно с ним она не может и не должна; отрицать все наследие веков было бы слепотою и неоправдываемою расточительностью. Есть нечто вечное, что связывает времена, что обуславливает передачу от поколения в поколение, из эпохи в эпоху плодов труда человеческого. Дело А. Г. В-ского направлено было на создание ценностей, нужных всегда и для всех». (Там же. С. 235).

²⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1 (1294—1598 гг.); Т. 2 (1598—1613 гг.); Т. 3 (1613—1645 гг.); Т. 4 (1645—1700 гг.).

ко-филологическому отделению с 1899 г., экстраординарный академик с 1902 г. и ординарный академик с 1905 г.; Сергей Федорович Платонов, член-корреспондент по разряду историко-политических наук Историко-филологического отделения с 1909 г., академик по Отделению исторических наук и филологии с 1920 г.; и другие члены Академии. Археографическая комиссия издавала два комплекса источников: летописи и акты. Публикация «Полного собрания русских летописей» была начата в 1841 г. Я. И. Бередниковым, продолжена А. Ф. Бычковым, затем С. Ф. Платоновым, Василием Григорьевичем Дружининым, историком, археографом, палеографом, членом-корреспондентом по разряду историко-политических наук Отделения исторических наук и филологии с 1920 г.; К. Н. Бестужевым-Рюминым; Алексеем Александровичем Шахматовым, филологом, языковедом, историком древнерусской культуры, адъюнктом по Отделению русского языка и словесности с 1894 г., экстраординарным академиком с 1897 г. и ординарным академиком с 1899 г.; а также Г. З. Кунцевичем, С. А. Адриановым, П. Г. Васенко, Ф. П. Покровским. До 1921 г. в Петербурге было издано 24 тома.²⁹ В 1841—1842 гг. вышли в свет 5 томов «Актов исторических».³⁰ Затем были изданы 12 томов «Дополнений к Актам историческим».³¹ Кроме того, были опубликованы: «Акты юридические»,³² 5 томов «Актов, относящихся к истории Западной России»,³³ 15 томов «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России»,³⁴ 6 томов «Новгородских писцовых книг».³⁵ Работа петербургских ученых-историков и археографов получила признание их московских коллег. Так, директор Московского главного архива Министерства иностранных дел, один из известнейших русских историков-архивистов князь М. А. Оболенский писал 15 апреля 1842 г. Я. И. Бередникову: «Об вас, петербуржцах, и говорить нечего. Вы скачете на почтовых, где же нам за вами гнаться на своих бедных клячонках. И журналистика, история и филология, одним словом, все науки и искусство у вас идут быстрыми шагами. Мы и вполнину не успеваем прочитать всего того, что вы пишете по части наук и истории. Ваша Археографическая комиссия воздвигла себе прочный памятник, который переживет многое и многих».³⁶

До октября 1917 г. коллекция документов, собранных Археографической комиссией, находилась в ее ведении и составляла единый комплекс. Конечно, об издании его в полном объеме речи не шло, но и опубликованная его часть

²⁹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1841—1921. Т. 1—24.

³⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1 (1334—1598 гг.); 1841. Т. 2 (1598—1613 гг.); 1848. Т. 3 (1613—1645 гг.); 1851. Т. 4 (1645—1676 гг.); 1853. Т. 5 (1633—1699 гг.).

³¹ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1872. Т. 1—12.

³² Акты юридические, или Собрание форм старинного законодательства. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1838.

³³ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою экспедициею. СПб., 1846—1853. Т. 1—5.

³⁴ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1863—1892. Т. 1—15.

³⁵ Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1895—1910. Т. 1—6.

³⁶ Бухерт В. Г., Шохин Л. И. Обзор переписки М. А. Оболенского с историками Я. И. Бередниковым, Н. Г. Устряловым и А. Хыждеу // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 280.

представляет собой грандиозный корпус источников по русской истории, в подготовке к печати которого активное участие приняли члены-корреспонденты и действительные члены Академии наук. Это дало возможность приступить к систематическому исследованию истории России. Массовая публикация источников способствовала разработке таких вспомогательных исторических дисциплин, как археография, дипломатика, историческая хронология. Если критическое направление в исторической науке, которое сформировало петербургскую историческую школу, восходит прежде всего к трудам специалистов по истории античности, средних веков, Византии, то ученые, занимавшиеся историей России, встали на этот путь несколько позднее. В этом не было ничего странного. Документы по древней и средневековой истории зарубежных стран интенсивно издавались в странах Запада, а начало публикации источников по русской истории относится только к концу XVIII в. Массовое же их издание было предпринято лишь с середины XIX в. Археографической комиссией. Это обстоятельство по-разному было оценено московскими и петербургскими историками. Москвичи приступили к созданию общих работ, охватывающих огромные периоды истории России (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский), — петербургские же историки России, с одной стороны, работавшие в университете вместе с коллегами, занимавшимися историей стран Запада, под влиянием которых формировалась петербургская школа, а с другой стороны, принимавшие активное участие в подготовке к печати и изданию огромного количества исторических источников, вступили на путь их предварительного исследования. Петербургский университет ощущал дефицит специалистов по отечественной истории. Следствием этого и стало приглашение в 1865 г. К. Н. Бестужева-Рюмина, не имевшего тогда еще даже магистерской степени, занять вакантную кафедру русской истории. Выпускник Московского университета (1851 г.), находившийся в студенческую пору под влиянием прежде всего С. М. Соловьева, а также Т. Н. Грановского и К. Д. Кавелина, он за пять лет до прихода в Петербургский университет встал в решительную оппозицию к московской исторической школе. К. Н. Бестужев-Рюмин заявил, что «не принадлежит к числу почитателей г. Соловьева», упрекнул его в подчинении «русской истории гегелевской отвлеченной схеме». Он отдал предпочтение труду Карамзина с его критикой источников, а «будущий исследователь», с его точки зрения, даже «не помянет о книге Соловьева».³⁷ Выступив с такой негативной оценкой трудов С. М. Соловьева, К. Н. Бестужев-Рюмин в преподавании и научном творчестве оказался, по словам С. Н. Валка, «весьма близко к тому, что развивала петербургская историческая школа в лице Куторги и его учеников».³⁸ Это новое направление в историографии, к которому примкнул К. Н. Бестужев-Рюмин, отличалось, по его словам, тем, что исследователь должен был идти «не от общей мысли к факту, но от факта к общей мысли».³⁹ Он считал, что основная задача исторической науки состоит в том, чтобы «подглядеть законы развития общества», но в связи с тем, что пока еще «почти не существует» «предварительных работ», это требование в настоящий момент является «совершенно неприменимым». Именно «при таком состоянии науки всего полезнее было бы

³⁷ Шмурло Е. Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829—1897. Юрьев, 1899. С. 68, 79—81.

³⁸ Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. С. 48.

³⁹ Шмурло Е. Ф. Очерк жизни... С. 119.

критическое изложение русской истории, то есть оценка всех известных летописных, всех оставшихся памятников и, наконец, проверка всех ходячих мнений». Без этого «невидного, тяжелого, на первый взгляд, неблагодарного труда, может быть, превышающего силы одного человека, но труда положительно необходимого, русская история создается на песке».⁴⁰ На вступительной лекции в Петербургском университете К. Н. Бестужев-Рюмин снова говорил о том, что «воспроизведению прошлого, суда над ним, и, тем более, определению общих законов развития должно предшествовать строгое и внимательное изучение источников».⁴¹ Критической оценке летописей была посвящена и его магистерская диссертация «О составе русских летописей до конца XIV века»,⁴² за которую ему была сразу присвоена докторская степень. В отличие от историков XVIII в. и первых десятилетий XIX в., и прежде всего А. Л. Шлецера, стремившихся «очистить» Несторовую летопись от чтений позднейших списков и восстановить «подлинный» текст, восходящий к Нестору, К. Н. Бестужев-Рюмин поставил задачу исследовать состав каждой летописи. Он пришел к выводу, что они были «сводами», сборниками разнородного материала, и стремился выявить их источники. Таким образом, им была произведена своеобразная «расшивка» летописных сводов, и на основании выделенных им элементов и их источников К. Н. Бестужев-Рюмин считал возможным приступить к историческим построениям. Начиная с этой работы и до появления трудов А. А. Шахматова эта методика исследования летописей доминировала в русской науке.

В изданном в 1872 г. первом томе своего университетского лекционного курса⁴³ Бестужев-Рюмин его треть уделил введению, содержащему обзор источников и исторической литературы. При этом он стремился дать представление о «понятии об истории», показать, как историк анализирует источники с целью дать картину внутреннего состояния русского общества. К. Н. Бестужев-Рюмин особенно обращал внимание на необходимость исторической критики, сравнительного изучения источников, выяснения, насколько достоверно они отражали прошлое. Показательно, что это введение было переведено на немецкий язык и издано отдельной книгой.

Творческий путь К. Н. Бестужева-Рюмина был увенчан избранием его академиком в 1890 г. Хотя сам К. Н. Бестужев-Рюмин осознавал, что был лишен дара руководить теми, кто делал первые шаги в науке,⁴⁴ да и С. Ф. Платонов писал, что «Бестужев как будто боялся руководить»,⁴⁵ он оказал большое влияние на многих студентов Петербургского университета, даже на тех, кто не считал себя его учениками. Тем самым он способствовал формированию петербургской исторической школы именно в сфере изучения отечественной исто-

⁴⁰ Там же. С. 123—124, 128—129.

⁴¹ *Бестужев-Рюмин К.* Вступительная лекция в курсе русской истории, читанная в С.-Петербургском университете 2 сентября 1865 г. // *Отечественные записки.* 1865. Т. XII. С. 243—255.

⁴² *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868.

⁴³ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. СПб., 1872.

⁴⁴ См.: *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. С. 50, 95.

⁴⁵ *Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // *Дела и дни.* 1921. Кн. 2. С. 122.

рии.⁴⁶ Те, кто считал себя его учениками или испытал на себе его влияние (многие еще студенты) объединились в 1884 г. в неформальный кружок, который они сами называли «кружком русских историков». Он собирался, как правило, дома у В. Г. Дружинина (в будущем члена-корреспондента Академии), близкого друга С. Ф. Платонова. В кружок первоначально входили будущий член-корреспондент Академии Н. Д. Чечулин, Е. Ф. Шмурло, С. М. Середонин, будущие академики А. С. Лаппо-Данилевский и М. А. Дьяконов, а также будущий член-корреспондент Академии И. А. Шляпкин, И. А. Козеко, Н. М. Лисовский и ряд других лиц. Безусловным лидером этого кружка был С. Ф. Платонов, который писал о нем: «Мы жили в новой для нас области русской историографии, как в каком-то ученом братстве, где все дышали одними общими учеными интересами и жаждою народного самосознания. Работа на ученом поприще родной истории являлась перед нами в ореоле духовного подвижничества и сулила высшее духовное удовлетворение».⁴⁷ На формирование взглядов С. Ф. Платонова кроме Бестужева-Рюмина большое влияние оказал В. Г. Васильевский. Платонов с увлечением работал в его семинаре и особо отмечал, что профессор вел «простую беседу о каком-нибудь эпизоде византийско-русских, византийско-арабских или готских отношений, ставя учеников лицом к лицу с текстом первоисточника и извлекая из этого текста выводы, так сказать, на их глазах».⁴⁸ На выбор С. Ф. Платоновым темы магистерской диссертации оказала влияние та традиция, которая утвердилась в Петербургском университете. В речи перед ее защитой он говорил, что «из нашего университета вместе с навыками научной критики (...) вынес стремление к отвлеченным научным построениям и веру в то, что плодотворна только та историческая работа, которая идет от широкой исторической идеи и приводит к такой же идее». «Общая схема» русской истории натолкнула С. Ф. Платонова на исследование Смутного времени, в котором он видел «узел, связующий старую Русь с новой Россией».⁴⁹ Но, как отметил С. Н. Валк, «занятия у Бестужева-Рюмина и Васильевского не прошли бесследно» для С. Ф. Платонова.⁵⁰ И действительно, изучение исторических источников, в которых нашла отражение эта проблематика, привело его к выводу о необходимости предварить исследование о Смуте начала XVII в. источниковедческим исследованием, в котором критическому анализу подверглись бы древнерусские сказания и повести о Смутном времени.⁵¹ С. Ф. Платонов дал обстоятельную характеристику этим источникам, показал, как они возникли в условиях острой политической борьбы, какие возможности они открывают для изучения истории Смуты. Подготовка книги потребовала восемь лет напряженной работы. Она была удостоена Уваровской премии Академии наук. Лишь через несколько лет С. Ф. Платонов приступил к реализации своего плана — к написанию монографии «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.». Она вышла в свет в 1899 г. и была защищена в качестве док-

⁴⁶ О К. Н. Бестужева-Рюмине см. работу: *Киреев Р. А.* К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. М., 1990.

⁴⁷ *Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах. С. 112. См. также: *Шмидт С. О.* Пути историка. М., 1997. С. 501—502.

⁴⁸ *Платонов С. Ф.* Из воспоминаний. Симферополь, 1927. С. 1—2.

⁴⁹ *Платонов С. Ф.* Соч. СПб., 2-е изд. 1913. Т. 11. С. XIV—XV.

⁵⁰ *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. С. 53.

⁵¹ *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888.

торской диссертации.⁵² Этот выдающийся труд стал большим событием в русской историографии и оказал громадное влияние на всю последующую историческую литературу. С. Ф. Платонов сосредоточил свое внимание на изображении деятельности руководивших общественной жизнью кругов и на характеристике массовых движений. Сам С. Ф. Платонов позднее писал, что он старался «построить свое изложение так, чтобы оно освещало главный смысл переживаемых русским обществом политических несчастий и социального междоусобия и чтобы читатель всем ходом изложения был подведен» к основному его выводу — «о перемене господствующего класса в Московском государстве и о влиянии этой перемены на общий порядок XVII века».⁵³ Наряду с этим прагматическим и источниковедческим (иногда квалифицируемым как эмпирическое) направлением, развиваемым крупнейшими учеными, по справедливости относящими себя к петербургской исторической школе, в ее недрах зародилось и теоретическое (методологическое) направление, представленное прежде всего А. С. Лаппо-Данилевским. Его формирование как исследователя проходило под влиянием К. Н. Бестужева-Рюмина, В. Г. Васильевского, Е. Е. Замысловского, но ни одного из них он не считал своим учителем, хотя формально его руководителем был Е. Е. Замысловский. После окончания в 1886 г. Петербургского университета А. С. Лаппо-Данилевский был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию и в 1890 г. защитил магистерскую диссертацию «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (СПб., 1890). Уже на самой защите вскрылось расхождение между этими двумя направлениями. С. Ф. Платонов, выступивший в качестве одного из официальных оппонентов на диспуте А. С. Лаппо-Данилевского, хотя и дал в целом весьма положительную оценку этому исследованию, все же отметил узость взгляда на русскую историю XVII в., выразившуюся в чрезмерной теоретизированности подхода автора («теоретическая странность»), приверженности постулатам юридической школы С. М. Соловьева—Б. Н. Чичерина, и вследствие этого недостаточное внимание к истории народного хозяйства.⁵⁴ Позднее в рецензии на эту книгу С. Ф. Платонов намекнул и на дефицит, с его точки зрения, источниковедческого оснащения работы.⁵⁵ Все же эта книга стала событием в исторической науке, свидетельством чего было получение автором авторитетнейшей премии графа Уварова. П. Н. Милюков, написавший на нее в связи с этим отзыв, отметил, что труд А. С. Лаппо-Данилевского «представляет достоинства, которые нечасто можно встретить в нашей ученой литературе».⁵⁶

⁵² Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899.

⁵³ Платонов С. Ф. Автобиография // Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 272.

⁵⁴ Исторические диспуты // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 1890 г. СПб., 1890. Т. 1. С. 293; Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов. (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. СПб., 1999. С. 136—137.

⁵⁵ Юридическая летопись. 1890. № 11. С. 417—418.

⁵⁶ Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 1.

Сразу же после успешной защиты магистерской диссертации А. С. Лаппо-Данилевский был приглашен в качестве приват-доцента преподавать в Петербургском университете, где С. Ф. Платонов к этому времени уже был профессором и играл ведущую роль, в частности он ежегодно читал основной общий курс русской истории и возглавлял кафедру. В этих условиях А. С. Лаппо-Данилевскому нелегко было находить свое место в университетском преподавании. Первоначально он читал курс по истории сословий, впоследствии по истории России XVIII в., философским проблемам общественных наук, наконец, с 1906 г. — обязательный курс «Методология истории», который повторялся на протяжении ряда лет. Отчасти результатом этого стал двухтомный фундаментальный труд «Методология истории», написанный под влиянием неокантианства.⁵⁷ Первый том этого исследования был посвящен, по словам А. С. Лаппо-Данилевского, «систематическому изложению теории исторического знания <...> а также учению об объекте исторического знания; второй — содержит рассмотрение методов исторического изучения <...> в той их части, которая касается методологии источниковедения, т. е. главным образом учения об источниках, об их интерпретации и критике».⁵⁸

Именно теоретические изыскания А. С. Лаппо-Данилевского были положены в основу прочитанного им курса по дипломатике частного акта, готовившегося к изданию, но незавершенного и опубликованного посмертно.⁵⁹ Основной, по мнению самого А. С. Лаппо-Данилевского, его труд — «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» — так и не был издан ни при его жизни, ни посмертно. Лишь только его первый том, составляющий одну треть исследования, опубликован в 1990 г.⁶⁰ В Петербургском университете А. С. Лаппо-Данилевский на протяжении ряда лет вел знаменитый семинарий по дипломатике частных актов, из которого вышел ряд крупнейших специалистов, прежде всего С. Н. Валк и А. И. Андреев. Именно ими, под руководством ученого, была разработана научная дисциплина — дипломатика. Уже в 1899 г. А. С. Лаппо-Данилевский, не получивший еще докторскую научную степень (докторскую диссертацию он, впрочем, так и не защитил), по настоянию авторитетнейшего академика В. Г. Васильевского был избран адъюнктом Академии наук, в 1902 г. он стал экстраординарным, а в 1905 г. — ординарным академиком. В Академии наук А. С. Лаппо-Данилевский составил план издания архивных документов XIV—XVIII вв., встал во главе подготовки к изданию «Сборника грамот Коллегии экономии», «Памятников русского законодательства», «Писем и бумаг Петра Великого». Особое значение имеет подготовка под его руководством правил издания «Грамот Коллегии экономии», ставших основой для составления впоследствии научно-обоснованных правил издания исторических источников. Тем самым он поставил на научную основу археографию. В качестве академика А. С. Лаппо-Данилевский представлял российскую науку в международных исторических конгрессах, был инициатором проведения в Петербур-

⁵⁷ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1910—1913. Вып. 1—2.

⁵⁸ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. С. 408.

⁵⁹ *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатии частных актов. Пг., 1920.

⁶⁰ *Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли и культуры. XVII—XVIII вв. М., 1990.

ге международного исторического конгресса и возглавил его оргкомитет, этот конгресс не состоялся из-за первой мировой войны и революции.⁶¹

Безусловно, С. Н. Валк был прав, утверждая, что А. С. Лаппо-Данилевский «оказал свое неоспоримое влияние» не только на тех, «кто непосредственно являлся его учениками», но и «на сложение умонастроения основных петербургских исторических кадров».⁶² Среди них и выдающийся историк А. Е. Пресняков. Он окончил Петербургский университет в 1893 г., считался учеником С. Ф. Платонова и был избран членом-корреспондентом Академии в 1920 г. Весьма симптоматично, что свою первую работу он посвятил анализу летописного источника — «Царственной книге».⁶³ В 90-е гг. XIX в. он продолжил исследование русских летописей.⁶⁴ Это свидетельствует о том, что А. Е. Пресняков усвоил уроки своих предшественников и учителей, представителей петербургской исторической школы — анализу прошлого предпосылать тщательное изучение исторических источников. Только благодаря такой последовательности исследовательских процедур ему удалось создать выдающиеся работы, и прежде всего монографии «Княжое право в Древней Руси» (СПб., 1912) и «Образование Великорусского государства XIII—XV столетий» (Пг., 1918), защищенные им в качестве магистерской и докторской диссертаций. Они также тесным образом связаны с преподаванием А. Е. Преснякова начиная с 1907 г. в Петербургском университете, где он прочитал ряд специальных курсов, являвшихся разделами общего, шедшими в параллель с обязательным общим курсом С. Ф. Платонова. По справедливому замечанию С. Н. Валка, «ученый путь А. Е. Преснякова (...) и его ученое творчество явились ярким завершением создания дореволюционной „петербургской исторической школы“», при этом «никто лучше, чем сам Пресняков, не осознал той традиции, которую он своими трудами продолжал, и никто лучше его не представил основных черт ее научного облика».⁶⁵

Уже в своей магистерской диссертации А. Е. Пресняков подверг критике построения знаменитых московских историков С. М. Соловьева (и тем самым углубил негативную оценку его взглядов К. Н. Бестужевым-Рюминым) и В. О. Ключевского, особенно выведение С. М. Соловьевым из одного начала и изображение им в виде неразрывного последовательного процесса ряда форм политического быта, сменявшихся в России с половины XI в. В докторской же диссертации и в речи перед докторским диспутом он показал, что московские историки, деятели «героического периода» русской историографии, были «строителями исторических систем», возведенных на отвлеченных основани-

---

⁶¹ Об академической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского см.: *Ольденбург С. Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // *Русский исторический журнал.* 1920. Кн. 6. С. 164—180; *Ростовцев Е. А.* Деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в Российской Академии наук // *Источник, историк, история.* Сборник научных работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 135—246.

⁶² *Валк С. Н.* Историческая наука в Петербургском университете за 125 лет // *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. С. 59.

⁶³ *Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета.* СПб., 1893. Т. 31. Вып. 2.

⁶⁴ *Пресняков А. Е.* Московская историческая энциклопедия XVI века // *Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук.* СПб., 1900. Т. V. Кн. 3. С. 824—876.

⁶⁵ *Валк С. Н.* Историческая наука в Петербургском университете за 125 лет. С. 62.

ях — соловьевской теории родового быта, славянофильской общинной теории, договорной теории Чичерина. При этом А. Е. Пресняков отметил, что у этих исследователей, особенно у Соловьева и Ключевского, «теоретический подход к материалу ⟨...⟩ обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, не из них выведенной схемы, защищаемой историко-социологической доктрины». Эти историки отбирали заведомо менее достоверные источники, в частности отдавали предпочтение поздним источникам, отказывались при этом от более ранних, исключительно потому, что «они лучше иллюстрируют принятую схему»; «господство теоретических построений ⟨...⟩ привело к такому одностороннему подбору данных, при котором отпадало из комплекса все, что не годилось для иллюстрации установленной схемы, не подтверждало ее предпосылок». Эта система исторического мышления, по мнению А. Е. Преснякова, сложилась «под влиянием немецкой идеалистической философии и представляла собой отражение гегельянства».

Московской исторической школе, которая отличалась идеологизированностью, склонностью к систематизации, А. Е. Пресняков противопоставил петербургскую историческую школу, доминирующую черту которой он определил как «научный реализм, сказывавшийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции», в восстановлении прав источника и факта, получающих более полное и непосредственное значение вне подчинения их подбора, анализа и построения какой-либо заранее установленной схеме, вне социологического догматизма, вредящего критическому отношению к источникам.⁶⁶ Как справедливо отметил С. В. Чирков, дело было в различном «отношении историков к письменному памятнику и источнику и тех корнях исследовательской методики, которую можно обозначить как культуру исследования». При этом тщательно документированное изложение в трудах петербуржцев, где «слово не от источников» расценивалось как «слово от лукавого», противостояло затушевыванию москвичами-историками, особенно В. О. Ключевским, огромной предварительной работы над источником. Художественно-исторический синтез москвичей противостоял «результату скрупулезного документального анализа петербуржцев».⁶⁷

Говоря об историках петербургской школы, необходимо иметь в виду, что избранный академиком и переехавший в 1894 г. из Москвы в Петербург А. А. Шахматов, будучи филологом, своими трудами по истории русского летописания поддержал и в значительной степени создал источниковедческий фундамент под историческими построениями петербургских ученых. Естественно, что именно среди них, по словам С. Н. Валка, он «нашел первое признание своих совершенно новых взглядов на историю летописания, на задачи и приемы ее изучения».⁶⁸

⁶⁶ Пресняков А. Е. 1) Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великоорусского государства». Пг., 1920. С. 5—6; 2) Образование Великоорусского государства XIII—XV столетий. Пг., 1918. С. 125—126.

⁶⁷ Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX—начала XX в. // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 161—162; См. также: Ананьич Б. В., Панеях В. М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 106—113.

⁶⁸ Валк С. Н. Историческая наука в Петербургском университете за 125 лет. С. 63—64.

Выработанные петербургской исторической школой инструменталистские дисциплины — источниковедение, археография, дипломатика, летописное источниковедение и ряд других специальных (вспомогательных) дисциплин — признаются достоянием всей российской исторической науки. Эти достижения могли стать предпосылками для нового ее взлета. Однако судьба историков петербургской школы (как, впрочем, и московской) после октября 1917 г. сложилась трагично.

Академия наук отнеслась к октябрьскому перевороту в Петрограде враждебно. Общее экстраординарное собрание Академии 21 ноября/3 декабря 1917 г. единогласно приняло резолюцию против «насильников, захвативших власть», и призвало присоединиться к ней высшие учебные заведения.⁶⁹ Академия наук возлагала надежды на Учредительное собрание. Она медленно воспринимала перемены, происходившие в политической жизни страны. Но уже с 1918 г. руководство Академии устанавливает контакт с новой властью. Убедившись в ее прочности, академическое сообщество постепенно переходит от неприятия к лояльности, а затем, по мере увеличения финансирования науки, к сотрудничеству.⁷⁰ Академия продолжает проводить выборы, в том числе и по гуманитарным отделениям. В ноябре 1918 г. академиком по Отделению исторических наук и филологии был избран Борис Александрович Тураев, скончавшийся от голода и болезней летом 1920 г. в Петрограде. В период «военного коммунизма» умерло много историков, среди которых академики А. С. Лаппо-Данилевский, М. А. Дьяконов, А. А. Шахматов. В апреле 1920 г. академиком был избран С. Ф. Платонов, а в 1921 г. членами-корреспондентами были избраны: в декабре 1920 г. — Александр Евгеньевич Пресняков и Сергей Васильевич Рождественский, в декабре 1921 г. — Евгений Викторович Тарле. Петербургская историческая школа продемонстрировала свою жизнестойкость в трудных условиях начала 1920-х гг. и немало способствовала возрождению и развитию отечественной науки. Это проявилось в создании многочисленных неформальных научных кружков. Они собирались и работали, как это было и в дореволюционное время, на квартирах их участников. Особая роль среди неформальных научных объединений принадлежала «кружку молодых историков». В его работе принимали участие преимущественно ученики С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, Н. И. Кареева, А. Е. Преснякова, С. Ф. Рождественского. На заседаниях кружка отмечались юбилеи Е. В. Тарле, М. М. Богословского, а также избрание Богословского в 1921 г. действительным членом Академии наук. Кружки были тесно связаны с историческими журналами, выходившими тогда в Петрограде—Ленинграде, в особенности с такими изданиями, как «Дела и дни», «Русское прошлое», «Анналы», «Русский исторический журнал», в редактировании которых принимали участие А. Е. Пресняков, Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов, С. В. Рождественский. В 1920-е гг. в Петрограде—Ленинграде складывалось своеобразное направление в исторической науке. Оно опиралось на академические традиции, хотя претендовало на особое место в отечественной историографии и было представлено не только профессионалами старого

⁶⁹ Протоколы Общих собраний РАН от 18 и 21 ноября 1917 г. // Память (исторический сборник). М., 1979; Париж, 1981. Вып. 4. С. 465.

⁷⁰ Подробно см.: *Кольцов А. В.* Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л., 1969; *Вознесенский И.* Только востоковеды // Память (исторический сборник). М., 1978; Париж, 1980. Вып. 3. С. 447—452.

поколения, но и их учениками — одаренными молодыми учеными, получившими профессиональное образование до революции, такими, например, как Б. А. Романов, А. Н. Шебунин, С. Н. Валк, А. Н. Насонов и другие.

Особенность этого направления состояла в том, что многие его представители, прежде всего молодые ученые, значительно расширили хронологические рамки исследований и стали заниматься историей XIX и начала XX в., несмотря на то что некоторые из их учителей, в частности С. Ф. Платонов, С. А. Жебелев, И. М. Гревс, следуя академической традиции, отрицательно относились к занятиям новой и особенно новейшей историей, «недавним прошлым». Среди сторонников занятий новейшей историей были А. Е. Пресняков и Е. В. Тарле. Так, в 1926 г. Пресняков опубликовал монографию «14 декабря 1825 г.», в 1928 г. была издана книга его ученика Б. А. Романова «Россия в Маньчжурии (1892—1906)», а в 1927 г. вышло в свет исследование избранного в том же году академиком Тарле «Европа в эпоху империализма. 1871—1919 гг.».

В 1920-е гг. в партийном и государственном руководстве страны было много влиятельных сторонников закрытия Академии и замены ее другими научными учреждениями, непосредственно подчиненными центральной власти и лишенными каких бы то ни было остатков академических свобод. Так, уже в 1918 г. Наркомат народного просвещения Союза коммун Северной области выступил с инициативой ликвидировать Академию наук и подобные ей учреждения как «совершенно ненужные пережитки ложно-классической эпохи развития классового общества».⁷¹ Среди решительных и последовательных противников Академии одно из первых мест принадлежало М. Н. Покровскому — заместителю наркома просвещения, главе Коммунистической академии, Общества историков-марксистов и Центрархива. В 1926 г. он предлагал подвергнуть ревизии «все учреждения, входящие в состав Академии» и относительно каждого поставить «вопрос: нужно ли оно?» По убеждению Покровского, это прежде всего относилось к историко-филологическому отделению Академии: «Нужно либо радикально реорганизовать, и в смысле личного состава, и в отношении программы занятий, гуманитарное отделение Академии или вовсе его прикрыть. С точки зрения экономии средств последнее было бы правильным», — заявлял М. Н. Покровский.⁷² Однако правительством в конечном счете было принято решение о сохранении Академии и использовании ее в деле социалистического строительства. С 1925 г. она стала именоваться Академией наук СССР и из ведения Наркомпроса перешла в ведение СНК СССР. В декабре 1925 г. была создана специальная комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) для связи и наблюдения за работой Академии наук. Ведущая роль в этой комиссии принадлежала М. Н. Покровскому.⁷³ 18 июня 1927 г. был издан новый, первый советский, устав АН СССР. Академия разделялась на два отделения: Отделение физико-математических наук и Отделение гуманитарных наук. Последнее было образовано в результате слияния Отделения русского языка и словесно-

⁷¹ Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 6—8. С. 20. (Подробно см.: *Кольцов А. В.* Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. *Вознесенский И.* Только востоковеды // Память (исторический сборник). Вып. 3. С. 447—452).

⁷² *Покровский М. Н.* К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г. // Звенья (исторический альманах). М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 592.

⁷³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 730. Л. 5.

сти и Отделения исторических наук и филологии. Каждое из отделений должно было руководить работой входивших в его состав музеев, лабораторий и других научных учреждений. Таким образом, радикально была изменена структура Академии. Новый устав не только подчинял Академию правительству, но и ограничивал ее самостоятельность. Была введена новая система выборов. Она облегчала внедрение в Академию наук ученых, угодных властям.⁷⁴ В течение 1920-х гг. правительство планомерно вело наступление на учреждения и журналы, в той или иной мере связанные со старыми академическими традициями. Например, осенью 1921 г. А. Е. Пресняков возглавил образованный при университете по инициативе «старой профессуры» Исторический научно-исследовательский институт, но уже в 1923 г. он был закрыт как «гнездо» «буржуазной науки».⁷⁵ В конце 1920-х гг. был переведен в Комакадемию Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов, поскольку в нем работали представители старой школы. Прекратилось издание таких замечательных журналов, как «Дела и дни» (в 1922 г.), «Русский исторический журнал» (в 1922 г.), «Анналы» (в 1924 г.), «Былое» (в 1926 г.).

Поворотными в судьбе Академии наук стали 1929—1930 гг. 12 января 1929 г. на общем собрании АН СССР состоялись выборы новых членов Академии. В апреле 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) создало специальную «Комиссию по проведению выборов».⁷⁶ Но еще до ее создания в марте 1928 г. управляющий делами Совнаркома Н. П. Горбунов в конфиденциальной беседе с Непременным секретарем АН СССР С. Ф. Ольденбургом прямо заявил, что «Москва желает видеть избранными Бухарина, Покровского, Рязанова, Кржижановского, Баха, Деборина и других коммунистов».⁷⁷

В результате на выборах 1929 г. по Отделению гуманитарных наук (история) кроме Михаила Сергеевича Грушевского, Матвея Кузьмича Любавского, Дмитрия Моисеевича Петрушевского были избраны в академики Михаил Николаевич Покровский, Давид Борисович Рязанов и Николай Михайлович Лукин. Выборы приняли скандальный характер. А. М. Деборин, Н. М. Лукин и В. М. Фриче первоначально были забаллотированы на общем собрании 12 января 1929 г., и только в результате созыва экстраординарного общего собрания 13 февраля и проведения повторных выборов с нарушением процедуры они стали академиками.⁷⁸

Летом 1929 г. была создана Комиссия по чистке АН СССР под председательством Ю. П. Фигатнера, последовали массовые увольнения сотрудников Библиотеки Академии наук, Пушкинского Дома, Археографической комиссии. В октябре 1929 г. начались единичные аресты сотрудников Академии, а в конце 1929 г. и начале 1930-го они приняли массовый характер. По указанию По-

⁷⁴ См.: Уставы Российской академии наук. М., 1999. С. 135—146.

⁷⁵ *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 60.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 730. Л. 5; *Кольцов А. В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926—1932. Л., 1982. С. 63.

⁷⁷ Цит. по: *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья (исторический альманах). М., 1991. Вып. 1. С. 175.

⁷⁸ Подробно о выборах в АН СССР в 1929 г. см.: *Кольцов А. В.* Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1990. № 3. С. 53—56; *Коковцов П. К.* Для установления истины // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1993. Вып. 1. С. 151—156.

литбюро ЦК ВКП(б) Полномочным представительством Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе на основании ложных обвинений было сфабриковано так называемое «Академическое дело». Жертвами его стала большая группа (более 150 человек) известных ученых, в том числе академики С. Ф. Платонов, избранный незадолго до ареста в марте 1929 г. академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский, несколько членов-корреспондентов, включая таких одаренных ученых, как В. Н. Бенешевич, Ю. В. Готье, Д. Н. Егоров, С. В. Рождественский. Правительство стремилось подчинить себе Академию наук и поставить на службу социалистическому строительству. «Академическое дело» должно было запугать тех, кто еще проявлял непокорность. Были арестованы и осуждены большинство участников неформальных кружков, в том числе почти все организаторы и члены «Кружка молодых историков». Следствие по «Академическому делу» было закончено в 1931 г. Приговор был вынесен тройками и коллегией ОГПУ. Шесть осужденных по этому делу сотрудников Академии наук (бывших офицеров) были приговорены к расстрелу. Остальные заключены в концлагерь на сроки от 3 до 10 лет. С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский, С. В. Рождественский и другие видные историки были сосланы в отдаленные места СССР сроком на пять-десять лет. Многие представители старшего поколения умерли в ссылке и концлагерях. Часть оставшихся в живых и их ученики, отбыв назначенные им сроки заключения и ссылки, стали в середине 1930-х гг. постепенно возвращаться в Ленинград.⁷⁹ Одновременно с чистками и арестами шел процесс радикальной перестройки Академии наук. В 1929 г. при Академии была создана аспирантура для подготовки молодого поколения ученых-марксистов. В связи с «Академическим делом» был уволен с поста Непременного секретаря Академии наук известный востоковед-индолог С. Ф. Ольденбург и назначен на этот пост 3 марта 1930 г. Вячеслав Петрович Волгин, избранный академиком по Отделению гуманитарных наук (история) 1 февраля 1930 г. Он возглавил также Редакционно-издательский совет Академии.

23 мая 1930 г. был принят новый Устав Академии наук СССР. На общем собрании Академии 3 октября 1930 г. по докладу вице-президента академика Н. Я. Марра были утверждены общие принципы планирования научной работы Академии. Центром работы АН по истории России и народов СССР был сделан Историко-археографический институт (ИАИ), преобразованный в 1931 г. из Археографической комиссии. Его возглавил историк-большевик Семен Григорьевич Томсинский, избранный в 1933 г. членом-корреспондентом АН по Отделению общественных наук (история). Перед ним была поставлена задача продолжать работу Археографической комиссии по изданию источников. Но теперь публиковать было необходимо документы по экономической истории, истории классово-борьбы и по истории народов СССР, а также проводить исследования в области исторической науки и вспомогательных исторических дисциплин. В течение 1930—1933 гг. сотрудники института были заняты изучением проблем феодализма. Началась подготовка комментированного издания Русской Правды, были подготовлены и изданы сборники документов «Кре-

---

⁷⁹ См.: Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. СПб., 1998.

постная мануфактура в России» (тт. I—V, Л., 1930—1934), «Разгром разинщины» (Л., 1934), «Булавинское восстание» (М., 1935), документы по истории Карельской, Татарской, Узбекской, Таджикской и Туркменской республик СССР. Проблемами книговедения, истории книги и письма стал заниматься образованный в 1931 г. на основе музея Институт книги, документа и письма. Его возглавил избранный в 1931 г. по Отделению общественных наук (история литературы) академик Александр Сергеевич Орлов.⁸⁰

В 1932 г. умер М. Н. Покровский, но его ученики в ленинградских отделениях Комакадемии и Общества историков-марксистов, а также в Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), совместно с соратниками Н. Я. Марра, стали верными наследниками идей Покровского и продолжали его политику. В этих учреждениях обсуждалась и разрабатывалась теория общественно-экономических формаций. После выступления И. В. Сталина в 1933 г. на съезде колхозников-ударников эта теория была дополнена концепцией о переходе от одной формации к другой только революционным путем.⁸¹ Уже в начале 1930-х гг. И. В. Сталин был занят разработкой новой идеологической доктрины, отличной от взглядов М. Н. Покровского. Это нашло свое отражение в том, что Сталин резко осудил в 1930 г. Демьяна Бедного за сатирическое изображение прошлого России в его фельетонах и обвинил в клевете «на СССР, на его прошлое, на его настоящее».⁸² Идеи мировой революции и особого рода интернационализма и пролетарской солидарности стали изживать себя. Им на смену выдвигались идеи патриотизма.⁸³ Новый курс нашел свое отражение в целом ряде партийных и правительственных документов: в письме И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» в 1931 г.; в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории в школах СССР, в замечаниях И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории от 8 и 9 августа 1935 г. В 1936 г. И. В. Сталин начал кампанию против школы М. Н. Покровского. В 1938 г. вышла в свет «История ЦК ВКП(б). Краткий курс». В ней были сформулированы выдвинутые Сталиным новые идеологические приоритеты. В одной из глав книги (о диалектическом и историческом материализме) были представлены методологические основы марксистско-ленинского учения в сталинском его понимании. «Краткий курс» стал каноническим сочинением и оставался таковым вплоть до середины 1950-х гг.

После 1934 г. начала формироваться новая советская историография. С 1 сентября 1934 г. были восстановлены исторические факультеты в Ленинградском и Московском университетах. Возобновилось преподавание истории в школах. В 1934 г. Академия наук была переведена из Ленинграда в Москву. Резиденцией главного научного учреждения страны отныне стала столица СССР, соответственно там были сосредоточены головные академические институты и учреждения, обслуживавшие Академию наук. В Ленинграде были

⁸⁰ См.: Академия наук XVII партсъезду. I. Общий отчет. Л., 1934.

⁸¹ *Сталин И. В.* Речь на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 г. // *Сталин И. В. Сочинения.* М., 1952. Т. 13. С. 239—240.

⁸² *Сталин И. В.* Тов. Демьяну Бедному (выдержки из письма) // Там же. С. 23—27.

⁸³ *Ганелин Р. Ш.* Сталин и советская историография предвоенных лет // *Новый часовой.* 1998. № 6—7. С. 100—117.

созданы их отделения. В 1936 г. на базе Историко-археографического института было образовано Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ), в которое были включены также сотрудники ликвидированных Ленинградского отделения Комакадемии и частично ГАИМКа. ЛОИИ возглавил Б. Д. Греков, избранный в 1934 г. членом-корреспондентом, в 1935 г. академиком по Отделению общественных наук.

Политический и идеологический поворот не мог не отразиться на исторической науке. Очень скоро по предписанию властей произошел частичный возврат к ее дореволюционным истокам. В науку постепенно стали возвращаться многие из подвергавшихся преследованиям в 1920-е, начале 1930-х гг., т. е. кому удалось сохранить жизнь и способность работать. В частности, сотрудником ЛОИИ стал Е. В. Тарле. И. В. Сталин решил поставить на службу официальной идеологии опыт и профессионализм дореволюционной исторической науки. Он предпринял попытку создать историческую школу, которая опиралась бы отчасти на идеологию марксизма, приспособленного к проводившейся им политике.

Зигзаги в правительственной политике начала 1930-х гг. в полной мере отразились на научной биографии и судьбе Б. Д. Грекова. Он встретил революцию 1917 г. приват-доцентом Петроградского университета. В годы гражданской войны Греков преподавал в Таврическом университете. В 1921 г. он вернулся в Петроград и начал работать в Археографической комиссии под руководством С. Ф. Платонова. 6 сентября 1930 г. Б. Д. Греков был арестован по «Академическому делу». Больше месяца он пробыл в заключении и был освобожден⁸⁴ предположительно благодаря хлопотам за него М. Н. Покровского, М. М. Цвибака и директора Историко-археографического института С. Г. Томсинского.⁸⁵

В 1933 г. Греков предложил свою концепцию происхождения и общественно-политического устройства Киевской Руси, построенную на основе марксистско-ленинской методологии. Эта концепция была сформулирована им в работе «Рабство и феодализм в Киевской Руси», опубликованной в 1934 г. в 86-м выпуске «Известий ГАИМК». Она получила дальнейшее развитие в более поздних работах Б. Д. Грекова, прежде всего в его капитальном труде «Киевская Русь». Книга выдержала до 1953 г. шесть изданий. Б. Д. Греков доказывал в своих работах, что в Киевской Руси уже на довольно ранней стадии развития общества сложились феодальные отношения, и оно миновало рабовладельческую формацию. Концепция Б. Д. Грекова получила официальное признание, хотя оставалась и остается предметом постоянной полемики. В середине 1930-х гг. чрезвычайно возросло влияние Б. Д. Грекова как в университетской, так и в академической науке. Он стал основателем довольно влиятельной школы. В 1937 г. он был назначен вместо смещенного с этого поста и репрессированного академика Н. М. Лукина директором Института истории АН СССР в Москве и возглавлял его до 1953 г.

Перемены в организации академических учреждений в 1930-е гг. совпали с новой волной репрессий. В марте 1937 г. был арестован за «меньшевист-

⁸⁴ См.: *Панях В. М.* О следственном деле Б. Д. Грекова 1930—1931 гг. // Отечественная история. 2001. № 4. С. 208—210.

⁸⁵ Подробнее о Б. Д. Грекове см.: *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.

ско-троцкистские высказывания» сотрудник ЛОИИ В. Н. Кашин, прежде работавший в Ленинградском отделении Коммунистической академии. Была «как член семьи репрессированного» приговорена к трем годам исправительно-трудового лагеря и его жена К. Н. Сербина, специалист по социально-экономической истории средневековой Руси. В отчете о работе Института за 1937 г. Б. Д. Греков отмечал, что аресты сотрудников органами НКВД нанесли удар «по производственной работе» и «политической репутации» учреждения.⁸⁶

Поскольку ЛОИИ было создано на основе Историко-археографического института, естественно, что именно в ЛОИИ была продолжена основная работа по изданию источников.⁸⁷ Была возобновлена по инициативе и под руководством Б. Д. Грекова подготовка издания «Правды Русской» в виде двух томов. Том первый (Тексты) был опубликован в 1940 г. и подготовлен при участии московских ученых, а том второй (Комментарий), изданный в 1947 г., был полностью подготовлен сотрудниками ЛОИИ.⁸⁸

Особая роль в комментировании «Правды Русской» принадлежала Б. А. Романову. Он сам прокомментировал более 70 % ее статей и провел труднейшую работу по редактированию остальной части Комментария.⁸⁹

Помимо «Правды Русской», также по инициативе Б. Д. Грекова, в ЛОИИ была начата работа над серией «Законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII вв.». В 1952 г. вышло в свет академическое издание «Судебники XV—XVI вв.», тексты которых готовили Р. Б. Мюллер, А. И. Копанев и Л. В. Черепнин, а исследовательские комментарии — Л. В. Черепнин (Судебник 1497 г.), Б. А. Романов (Судебник 1550 г.) и А. И. Копанев (Судебник 1589 г.).

Эти издания требовали высочайшего профессионализма и опыта археографической подготовки сложнейших текстов. Проекты изданий обсуждались в ЛОИИ под руководством Б. Д. Грекова.

Именно в ЛОИИ оказалось возможным создать большую группу видных ученых, таких как С. Н. Валк, Б. А. Романов, И. И. Смирнов, В. Г. Гейман, А. Г. Маньков, А. И. Андреев, А. И. Копанев и других, успешно сочетавших работу исследователей и публикаторов. С. Н. Валк и А. И. Андреев были учениками А. С. Лаппо-Данилевского, Б. А. Романов — А. Е. Преснякова. Естественно, что традиции, заложенные выдающимися представителями петербургской исторической школы, были использованы учениками при публикации и комментировании источников в советских условиях и обеспечили высокое качество их издания. Особая роль в разработке теоретических основ археографии

---

⁸⁶ См.: *Купайгородская А. П.* Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Первые годы // Петербургская Академия наук в истории Академий мира. К 275-летию Академии наук. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 1999. Т. III. С. 73, 75.

⁸⁷ См.: *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. С. 24; *Ирошников М. П.* Издание источников по отечественной истории в ЛОИИ // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 14.

⁸⁸ *Правда Русская: Тексты* / Под ред. акад. Б. Д. Грекова, подг. к печати В. П. Любимова, Н. Ф. Лаврова, М. Н. Тихомирова и др. М.; Л., 1940. *Правда Русская: Комментарий* / Под ред. акад. Б. Д. Грекова, сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров, Б. А. Романов. М.; Л., 1947.

⁸⁹ Об исследованиях и творческой судьбе Б. А. Романова см.: *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

и публикации источников принадлежала С. Н. Валку. Он приобрел известность также благодаря участию в выработке проекта правил издания сочинений В. И. Ленина и в издании декретов Советской власти.⁹⁰ Работа над изданием законодательных актов ввиду ее сложности и в связи с началом Великой Отечественной войны затянулась на несколько десятилетий. В 1940 г. в ЛОИИ была издана коллекция документов по истории Казахстана за 1785—1928 гг., подготовленная М. И. Стеблин-Каменской и М. П. Вяткиным.⁹¹ Под руководством академика Е. В. Тарле и А. В. Предтеченского вскоре после начала войны, в июле 1941 г., был издан сборник документов об Отечественной войне 1812 г.⁹² Кроме того, Б. Д. Греков в сотрудничестве с Институтом востоковедения, при поддержке академика И. Ю. Крачковского, еще до войны предпринял публикацию известий иностранных писателей о России.⁹³

В 1941 г. основная часть сотрудников ЛОИИ была эвакуирована в Ташкент и Казань. Работа над многими исследовательскими проектами была прервана. В послевоенный период сотрудники ЛОИИ возобновили работу над изданием законодательных актов, а также других источников: частных актов, летописей, документов хозяйственного происхождения. В 1949 г. были опубликованы под редакцией С. Н. Валка «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», а в 1950 г. — под редакцией К. Н. Сербиной «Книга Большому Чертежу». К. Н. Сербина, кроме того, приступила к подготовке для Полного собрания русских летописей Устюжского летописного свода, Уваровской летописи, Летописного свода 1518 г., Холмогорской, Устюжских и Вологодских летописей. Подготовка текстов этих сложных источников потребовала многих лет напряженного труда. Впрочем, Устюжский летописный свод увидел свет уже в 1950 г. Издание остальных летописных памятников продолжалось с 1963 по 1982 г. Помимо К. Н. Сербиной, их готовили к публикации также Я. С. Лурье и Н. А. Казакова.⁹⁴

После возвращения из эвакуации многие сотрудники ЛОИИ, в частности Б. А. Романов, С. Н. Валк, Д. П. Каллистов, С. Я. Лурье, А. В. Предтеченский, преподавали на историческом факультете Ленинградского государственного университета. До переезда в Москву с университетом тесно были связаны Б. Д. Греков и Е. В. Тарле.

Между тем в конце 1940—начале 1950-х гг. отечественная наука подверглась новым испытаниям. В 1948 г. началась кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом», «антипатриотизмом» и «космополитизмом». Она захле-

---

⁹⁰ См.: Валк С. Н. 1) Советская археография; 2) Избранные труды по археографии. СПб., 1991; 3) Избранные труды по историографии и источниковедению.

⁹¹ Материалы по истории Казахской ССР / Отв. ред. В. И. Лебедев, подг. к печати под руководством М. П. Вяткина. М.; Л., 1940.

⁹² Отечественная война 1812 г. Сб. документов и материалов / Сост. А. В. Предтеченский, А. В. Васильев, Е. И. Фраткин; под ред. Е. В. Тарле, А. В. Предтеченского, Е. И. Бочкаревой. М.; Л., 1941.

⁹³ В этой серии были изданы с предисловием Б. Д. Грекова подготовленный С. А. Анненским «Трактат о двух Сарматиях» польского автора XVI в. Матвея Меховского (М.; Л., 1936), а также «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского (М.; Л., 1938). Подробнее см.: Валк С. Н. Б. Д. Греков как деятель археографии // Валк С. Н. Избранные труды по археографии. С. 217—218.

⁹⁴ Подробнее см.: Ирошников М. П. Издание источников по отечественной истории в ЛОИИ // Археографический ежегодник за 1986 год. С. 16.

стнула и Ленинградский университет, и ЛОИИ. 8 сентября 1948 г. в «Литературной газете» в статье А. Кротова «Примиренчество и самоуспокоенность», а 21 сентября 1948 г. в газете «Культура и жизнь» в статье С. Павлова «Объективистские экскурсы в историю» погромной критике были подвергнуты ряд изданий Института истории АН СССР.

3 ноября 1948 г. состоялось расширенное заседание ученого совета ЛОИИ. В принятой на нем резолюции было отмечено, что большинство научных сотрудников ЛОИИ «не твердо стоят на марксистско-ленинских методологических позициях», а «отсутствие в работе» ЛОИИ «духа настоящей большевистской партийности» предопределило «объективизм» в «ряде исследований» и «некритическое отношение к русским буржуазным авторитетам». В качестве примеров были отмечены статья С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет», книга С. Я. Лурье «Геродот», а также историографические комментарии к «Правде Русской».⁹⁵ 13—14 апреля 1949 г. состоялось заседание ученого совета ЛОИИ с повесткой дня «Борьба с буржуазным космополитизмом в исторической науке». Основным докладом на заседании Ученого совета был прочитан новым заведующим ЛОИИ иранистом М. С. Ивановым. Критике подверглись работы С. Н. Валка, С. Я. Лурье, А. В. Предтеченского и Б. А. Романова. Новаторская книга Б. А. Романова «Люди и нравы древней Руси», опубликованная в 1947 г., была признана вредной.⁹⁶ Она подверглась самой суровой критике и на заседании группы истории СССР 21 апреля 1949 г. в докладе И. И. Смирнова.

В период идеологических проработок 1949—1952 гг. из ЛОИИ было уволено 14 сотрудников. Среди них оказались такие крупные ученые, как В. Г. Гейман, С. И. Ковалев, Р. Б. Мюллер, С. Я. Лурье, О. Л. Вайнштейн, В. А. Петров, А. И. Болтунова, О. А. Ваганов.

В начале 1953 г. была образована комиссия во главе с философом Ц. А. Степаняном для обследования Института истории с последующим обсуждением отчета о его работе на заседании президиума АН СССР. Одновременно секретариатом ЦК КПСС была создана комиссия во главе с М. А. Суловым для подготовки и внесения в ЦК предложений «о мерах улучшения работы Института». В Институте, и особенно в ЛОИИ, начались кадровые проверки. В Институте к этому времени назрел внутренний кризис, вызванный сначала тяжелой болезнью, а затем уходом с поста директора академика Б. Д. Грекова.

Его преемником стал А. Л. Сидоров. Он подготовил вместе с членом-корреспондентом АН СССР, членом ЦК КПСС А. М. Панкратовой программу перестройки работы Института с учетом решений XIX съезда партии и последних работ И. В. Сталина. Эта программа должна была спасти Институт от полного его разгрома, а в качестве жертвоприношения было избрано его Ленинградское отделение. 20 марта 1953 г. на заседании президиума АН СССР был рассмотрен вопрос «О научной деятельности и состоянии кадров Института истории АН СССР». В принятом постановлении работа Института была подвергнута критике, однако основной удар был нанесен по ЛОИИ. Состав его научных сотрудников был признан «особенно неудовлетворительным», было отмечено, что «большинство из них имеет узкую квалификацию и не может быть исполь-

⁹⁵ Подробнее см.: *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка... С. 246—259.

⁹⁶ Там же. С. 279.

зовано для разработки актуальных проблем исторической науки».⁹⁷ В соответствии с постановлением президиума дирекция Института приняла 16 апреля 1953 г. решение о ликвидации ЛОИИ при сохранении Архива Отделения. Из «бывшего» ЛОИИ на работе в Институте истории были оставлены Е. В. Тарле, В. В. Струве, М. П. Вяткин, И. И. Смирнов, М. В. Левченко, С. Н. Валк, С. С. Волк, Б. М. Кочаков, Н. В. Киреев, Э. Э. Крузе, Ш. М. Левин, Н. Е. Носов, И. А. Бакланова. В течение 1953 г. они должны были быть переведены в Москву.

В штат Архива переводились А. Г. Маньков, В. И. Рутенбург, Б. А. Романов, Г. Е. Кочин, Т. М. Новожилова и З. Н. Савельева. Из Института были отчислены Д. П. Каллистов, А. В. Предтеченский, К. Н. Сербина, М. Е. Сергеенко, В. Е. Бондаревский, М. С. Иванов, Е. Э. Липшиц, З. В. Степанов, Р. М. Тонкова, С. П. Луппов, А. В. Паевская, В. И. Садикова, В. Ф. Варфоломеева и Е. И. Маслова. Вскоре на базе Архива был создан Отдел древних рукописей и актов Института истории АН СССР.⁹⁸

Несправедливость административных санкций против ЛОИИ была признана только в январе 1954 г. Наметившиеся после смерти И. В. Сталина перемены в государственной и партийной политике стали основной причиной этого признания. В ноябре 1955 г. в восстановленном ЛОИИ прошло первое заседание Ученого совета, в Институт стали вливаться новые молодые силы. Директором ЛОИИ был назначен член-корреспондент АН Киргизской ССР М. П. Вяткин. Несмотря на чистки и идеологические проработки, в Ленинградском отделении сохранились традиции самого тщательного отношения к исследованию источника, а опыт издания документов феодального периода был использован при подготовке сборников документов XIX—начала XX в., в частности по экономической истории России.

После выхода в свет краткого курса «Истории ВКП(б)» и до второй половины 1950-х гг. историки должны были строго следовать концепции этой книги и всему, что в ней было написано. Дореволюционная Россия была представлена на ее страницах как страна отсталая в экономическом отношении и полукOLONия англо-французского империализма. К концу 1950-х гг. положение изменилось, и возобновилась прерванная в начале 1930-х гг. дискуссия об уровне экономического развития России и роли в ее экономике иностранного капитала. В 1958 г. в Отделении истории АН СССР была образована при Совете по изучению истории Октябрьской революции секция «Общие закономерности и особенности развития России в период империализма». Ее возглавил директор Института истории АН СССР и профессор Московского университета А. Л. Сидоров. Она стала своеобразным центром изучения экономической и социальной истории предреволюционной России. Вокруг А. Л. Сидорова образовалась большая группа его московских учеников и единомышленников. За десять с небольшим лет своего существования секция провела одиннадцать конференций, посвященных различным вопросам экономического и социального развития империи накануне революции. В результате концепция «Краткого курса» была отвергнута, а наука обогатилась новыми данными об особенностях экономического развития России. Деятельность секции подробно освещена в историографических исследованиях К. Н. Тарновского, ставшего фактическим историо-

⁹⁷ Там же. С. 319—321.

⁹⁸ Панеях В. М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 19—27.

графом школы А. Л. Сидорова.⁹⁹ Одна из несомненных заслуг А. Л. Сидорова состояла в том, что он организовал и обеспечил издание сборников документов об экономическом положении России накануне революции 1917 г., о монополистическом капитале в нефтяной промышленности России, о монополии в металлургической промышленности.¹⁰⁰

Работа над этими сборниками документов способствовала появлению исследований и изданию ряда монографий, посвященных анализу роли иностранных капиталов в России. В 1965 г. была опубликована монография А. А. Фурсенко «Нефтяные тресты и мировая политика», в 1969 г. — Р. Ш. Ганелина «Россия и США. 1914—1917 гг.», в 1970 г. — Б. В. Ананьича «Россия и международный капитал», в 1971 г. — В. С. Дякина «Германские капиталы в России: Электроиндустрия и электрический транспорт»; в 1974 г. — В. А. Нардовой «Начало монополизации нефтяной промышленности России». В ЛОИИ в 1960—1970-е гг. сформировалась группа сотрудников: В. С. Дякин, Р. Ш. Ганелин, Ю. Б. Соловьев, В. И. Старцев, Л. Е. Шепелев, сосредоточившая свое внимание на изучении не только экономики дореволюционной России, но также внутренней политики царского правительства, взаимоотношений власти и различных социальных слоев российского общества. Появившаяся в результате этого серия монографий позволила позднее подготовить и опубликовать под редакцией В. С. Дякина коллективный труд обобщающего характера «Кризис самодержавия в России, 1895—1917» (Л., 1984).¹⁰¹

В 1959 г. пост директора Института истории АН СССР занял В. М. Хвостов, член-корреспондент по Отделению исторических наук с 1953 г. и академик с 1964 г., специалист в области внешней политики и международных отношений. С назначением директором В. М. Хвостова в Институте начал ослабевать интерес к изданию документов по экономической истории России. Впрочем, это направление в издательской деятельности ЛОИИ, хотя и доминировало в течение нескольких лет, отнюдь не было единственным. В середине 1950-х гг. в ЛОИИ была образована группа сотрудников для изучения истории революции 1917 г. и советского периода. Они подготовили серию документальных изданий, а также монографических исследований.¹⁰² Их появление было связано с переме-

⁹⁹ См.: *Тарновский К. Н.* 1) Советская историография российского империализма. М., 1964; 2) Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х годов. М., 1990.

¹⁰⁰ См.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, март—октябрь 1917 г.: Документы и материалы / Отв. ред. А. Л. Сидоров. М.; Л., 1957. Ч. 1 и Ч. 2; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1883—1914: Документы и материалы. М.; Л., 1961; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1914—1917: Документы и материалы. М.; Л., 1973; Монополии в металлургической промышленности России, 1900—1917: Документы и материалы / Отв. ред. М. П. Вяткин. М.; Л., 1963.

¹⁰¹ См.: *Дякин В. С.* 1) Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914—1917. Л., 1967; 2) Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1958; 3) Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988. *Соловьев Ю. Б.* 1) Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973; 2) Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981; 3) Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л., 1990. *Шепелев Л. Е.* 1) Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981; 2) Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. Л., 1987.

¹⁰² См.: *Ирошников М. П.* Создание советского центрального государственного аппарата Совета народных комиссаров и народных комиссариатов. Октябрь 1917—ян-

нами в политической жизни страны, наступлением «оттепели» после смерти И. В. Сталина. В 1967 г. был издан в двух книгах коллективный труд «Октябрьское вооруженное восстание: Семнадцатый год в Петрограде». Соответствующие разделы этого исследования были написаны И. А. Баклановой, Б. Д. Гальпериной, Р. Ш. Ганелиным, В. Н. Гиневым, О. Н. Знаменским, М. П. Ирошниковым, Э. Э. Крузе, В. А. Нардовой, С. И. Потоловым, В. И. Старцевым, З. В. Степановым, Ю. С. Токаревым, А. Л. Фрайманом. Эта книга была первой попыткой пересмотреть традиционные для своего времени взгляды на происхождение и характер февральских и октябрьских событий 1917 г. в Петрограде.

История Петербурга—Петрограда—Ленинграда традиционно была одним из важных научных направлений в работе ЛОИИ. В 1950—1960-х гг. под грифом ЛОИИ были изданы четыре тома «Очерков истории Ленинграда». В 1960—1980-е гг. под редакцией В. М. Ковальчука был опубликован ряд документов, посвященных обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и жизни города в условиях вражеской блокады. В этих изданиях активное участие принимали А. Р. Дзенискевич, Ю. С. Токарев, М. П. Ирошников, В. А. Шишкин, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали.¹⁰³

Создание творческих коллективов для изучения отечественной истории конца XIX—начала XX в. — заслуга Н. Е. Носова, ученого секретаря с 1954 по 1961 г., с 1961 по 1981 г. заведующего (директора) ЛОИИ, а затем Ленинградского (С.-Петербургского) филиала Института российской истории. Специалист по истории Русского государства XVI в. Н. Е. Носов считал необходимым при изучении и издании источников новейшего времени использовать опыт, накопленный исследователями при работе со средневековыми текстами.¹⁰⁴ Он опирался на творческий опыт универсальных специалистов по отечественной истории Б. А. Романова и С. Н. Валка. Так, Б. А. Романов одновременно с комментарием к «Правде Русской» издал в 1947 г. сразу две книги: «Люди и нравы древней Руси» и «Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1896—1907 гг.».¹⁰⁵ Для сотрудников ЛОИИ был характерен отказ от узкой специализации; например, Н. Е. Носов опубликовал в IV томе «Очерков истории Ленинграда» главу о народном образовании в 1918—1929 гг.

В 1981 г. Н. Е. Носов оставил пост директора ЛОИИ. Институт возглавил В. А. Шишкин, специалист по русской и всеобщей истории новейшего времени; 23 декабря 1987 г. он был избран членом-корреспондентом АН по Отделению истории.¹⁰⁶

варь 1918. Л., 1967; *Знаменский О. Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976; *Токарев Ю. С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте—апреле 1917 г. Л., 1976.

¹⁰³ См.: 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. М.; Л., 1966; *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М.; Л., 1966.

¹⁰⁴ Н. Е. Носов опубликовал два фундаментальных исследования: Очерки по истории местного самоуправления Русского государства первой половины XVI в.: губные старосты и городские приказчики. М.; Л., 1957; Становление сословно-представительных учреждений в России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1960.

¹⁰⁵ В 1955 г. вышло в свет второе издание этой монографии, исправленное и дополненное, почти вдвое выросшее в объеме благодаря исследованию новых сюжетов.

¹⁰⁶ Основные труды В. А. Шишкина посвящены внутренней и внешней политике Советского государства в 1920-е гг. См.: 1) Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969;

Расширение тематики исследований сотрудников Института не отразилось на традиционном изучении истории России феодального периода. По инициативе и при поддержке академика М. Н. Тихомирова в ЛОИИ под руководством С. Н. Валка и при участии З. Н. Савельевой, М. П. Ирошникова, Т. М. Новожиловой, И. В. Валкиной было осуществлено в 1962—1968 гг. семитомное академическое издание «Истории Российской» В. Н. Татищева, а в 1979 г., кроме того, издан дополнительный том, содержащий его «Избранные произведения». В 1980-е гг. была продолжена серия «Законодательные памятники русского централизованного государства». В 1986 г. вышел в свет том, в который были включены тексты законодательных актов второй половины XVI—первой половины XVII в., подготовленные Р. Б. Мюллер под редакцией Н. Е. Носова.¹⁰⁷ Продолжением этого издания стал том, опубликованный в 1987 г. под редакцией Н. Е. Носова и В. М. Панеяха и содержащий комментарии к этому законодательству.¹⁰⁸ Завершающей публикацией этой серии стало академическое издание Соборного уложения 1649 г., подготовленное под руководством А. Г. Манькова. Началось издание ротاپринтным способом вотчинных хозяйственных и монастырских книг.

Эдиционная деятельность сотрудников ЛОИИ, специалистов в области истории средневековой России, начатая корифеями петербургской исторической школы, успешно развивается до настоящего времени.¹⁰⁹ В эти же годы была опубликована серия монографических исследований И. И. Смирнова, Ю. Г. Алексеева, А. И. Копанева, А. Г. Манькова.

2) Цена признания СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924—1929 гг.). Л., 1991; 3) Власть, политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917—1928 гг.). СПб., 1997.

¹⁰⁷ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в.: Тексты / Подг. текстов Р. Б. Мюллер, под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986.

¹⁰⁸ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в.: Комментарии / Авт. коммент. Ю. Г. Алексеев, А. И. Копанев, Р. Б. Мюллер, В. М. Панеях, К. Н. Сербина; под ред. Н. Е. Носова и В. М. Панеяха. Л., 1987.

¹⁰⁹ См.: Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий / Руководитель авторского коллектива А. Г. Маньков. Подг. текста Л. И. Ивиной, коммент. Г. В. Абрамовича, А. Г. Манькова, Б. Н. Миронова, В. М. Панеяха. Л., 1987; Акты феодального землевладения и хозяйство: Акты Московского Симонова монастыря (1506—1613) / Отв. ред. А. Г. Маньков, сост. Л. И. Ивина. Л., 1987; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI вв. / Отв. ред. А. И. Копанев, сост. И. З. Либерзон. Л., 1988. Подробнее об этих изданиях см.: *Ирошников М. П.* Издание источников по отечественной истории в ЛОИИ. С. 16—17. См. также монографические исследования, опубликованные в эти годы: Миронов Б. Н. 1) Хлебные цены в России XIX—начале XX в. Л., 1977; 2) Внутренний рынок России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Л., 1981; 3) Русский город в 1740—1860-е годы: демографическое и экономическое развитие. Л., 1990; *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978; *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV—первой половины XVI в. Л., 1979; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983; *Анисимов Е. В.* Податные реформы Петра I. Введение подушной подати в России. 1719—1728 гг. Л., 1982; Л., 1983; *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984; *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605). СПб., 1992; *Маньков А. Г.* Законодательство и право в России второй половины XVII в. СПб., 1998.

И. И. Смирнов в своем творчестве строго придерживался марксистско-ленинской методологии. Это нашло отражение в таких его книгах, как «Восстание Болотникова. 1606—1607» (Л., 1949), «Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века» (М., 1958), «Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков» (М.; Л., 1963).

В работах учеников И. И. Смирнова: А. Г. Манькова, А. И. Копанева, Ю. Г. Алексеева получили развитие наиболее сильные стороны творчества учителя. Так, А. Г. Маньков в своих исследованиях много внимания уделял узловым проблемам истории России XVII в. Ряд ценных монографий Ю. Г. Алексеева посвящен аграрной и социальной истории Руси, в том числе «Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд» (М.; Л., 1966), «Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XVI вв.» (Л., 1980). Труды А. И. Копанева по истории крестьянского землевладения на Севере Руси, например «История землевладения Белозерского края в XV—XVI вв.» (М.; Л., 1959), «Крестьянство Русского Севера в XVI в.» (Л., 1978), отличаются новаторским подходом.

Неотъемлемой частью ЛОИИ на всем протяжении его существования были Отдел всеобщей истории и небольшая группа по изучению Древнего мира. Даже тогда, когда от Института истории СССР АН СССР в Москве отпочковался и стал самостоятельным учреждением Институт всеобщей истории, ЛОИИ сохранило в своем составе Отдел всеобщей истории. Он состоял из ученицы И. М. Гревса О. А. Добиаш-Рожественской, члена-корреспондента АН по ряду исторических наук Отделения гуманитарных наук с 31 января 1929 г. и академика Е. В. Тарле. В разное время в составе Отдела и группы работали: востоковеды В. В. Струве, академик по Отделению общественных наук с 1935 г.; выдающийся египтолог Ю. Я. Перепелкин, О. Берлев; античники М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, А. А. Нейхардт, И. А. Шишова; медиевисты, специалисты по истории Франции и Италии А. Д. Люблинская, Е. Ч. Скржинская, О. Л. Вайнштейн; византилисты Е. Э. Липшиц, Б. Горянов.

До 1988 г. Отделом руководил В. И. Рутенбург, специалист в области истории Италии эпохи феодализма и Возрождения, член-корреспондент АН по Отделению истории с 23 декабря 1976 г.¹¹⁰ После его смерти Отдел возглавил А. А. Фурсенко, специалист в области истории США и экономической истории России, член-корреспондент по Отделению истории с 23 декабря 1987 г., академик с 15 декабря 1990 г., академик-секретарь Отделения истории с 1996 по 2003 г.¹¹¹

¹¹⁰ В. И. Рутенбург был специалистом по истории средневековой Италии. Наиболее известны его работы: 1) Народные движения в городах Италии (XIV—начало XV века). М.; Л., 1958; 2) От Данте до Тассо. Л., 1972; 3) Истоки Риссорджименто: Италия в XVII—XVIII вв. Л., 1980; 4) Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения. Л., 1987.

¹¹¹ А. А. Фурсенко известен своими работами как в области отечественной, так и американской истории. См.: 1) Нефтяные тресты и мировая политика (1880—1918 гг.). М.; Л., 1965; 2) Американская буржуазная революция XVIII века. М.; Л., 1960; 3) Американская революция и образование США. М.; Л., 1978; 4) *Fursenko A., Naftali A. «One Hell of a Gamble»: Khrushchev, Castro, Kennedy and the Cuban Missile Crisis. 1958—1964.* London, 1997. См. также русскую версию этой книги: Безумный риск: Секретная история Карибского кризиса, 1958—1964. М., 2006; Россия и международные кризисы. Середина XX века. М., 2006. Под редакцией А. А. Фурсенко был издан «Словарь американской истории с колониальных времен до первой мировой войны» (СПб., 1995).

Одним из важных направлений в работе Отдела всеобщей истории было издание уникальных документов из западноевропейской части архива ЛОИИ, в том числе из образованного на основе коллекции Н. П. Лихачева, известного историка, палеографа, искусствоведа, члена-корреспондента АН по Отделению исторических наук с 1 декабря 1901 г. и академика с 1 августа 1925 г. К середине 1960-х гг. была завершена работа над труднейшим эпиграфическим исследованием — «Корпусом боспорских надписей». Работа над ним была начата под руководством С. Я. Лурье, но затем, после его отстранения по надуманной причине, редактором стал академик В. В. Струве. Решающую роль в завершении работы над этой сложной публикацией сыграли А. И. Доватур и Д. П. Каллистов; кроме них в подготовке к печати издания принимали участие А. А. Нейхардт и И. А. Шишова, а также несколько сотрудников Института археологии АН СССР. Под грифом ЛОИИ и этого института книга и вышла в свет в 1965 г.¹¹² Кроме того, сотрудниками Отдела был написан целый ряд оригинальных исследований по античной истории,¹¹³ истории средневековой Италии и Франции.¹¹⁴ В последние годы в Институте стало более интенсивно развиваться византиноведение под руководством И. П. Медведева, члена-корреспондента по Отделению истории с 30 мая 1997 г.,¹¹⁵ а также изучение истории Соединенных Штатов Америки, под руководством академика А. А. Фурсенко.¹¹⁶

Перестройка и отмена цензуры открыли в России новые возможности для исследовательской и издательской работы. В условиях перестройки были образованы фонды для финансовой поддержки научных исследований: Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) и Российский фонд фундаментальных ис-

¹¹² Альбом иллюстраций к этому изданию был опубликован только в 2004 г. См.: Корпус Боспорских надписей. Альбом иллюстраций / Отв. ред. А. К. Гаврилов. СПб., 2004.

¹¹³ См.: Доватур А. И. 1) «Политика» и «Политии» Аристотеля. М.; Л., 1965; 2) Рабство в Аттике в VI—V вв. до н. э. М.; Л., 1980; Сергеев М. Е. 1) Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.; Л., 1958; Ремесленники Древнего Рима. Л., 1968.

¹¹⁴ Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.; Л., 1982; Скржинская Е. Ч. Барбара и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. М.; Л., 1971; Люблинская А. Д. 1) Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.; Л., 1965; 2) Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. М.; Л., 1978; 3) Ришелье. Французский абсолютизм в 1630—1642 гг. М.; Л., 1982.

¹¹⁵ Липшиц Е. Э. 1) Очерки истории византийского общества и культуры. VIII—первая половина IX в. М.; Л., 1961; 2) Право и суд в Византии в IV—VIII вв. М.; Л., 1976; Медведев И. П. 1) Византийский гуманизм XIV—XV вв. М.; Л., 1976; 2) Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. М.; Л., 1973; 3) Очерки византийской дипломатики: (Частноправовой акт). М.; Л., 1988; 4) Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. И. П. Медведев возглавил научный проект по выявлению и публикации наиболее ценных материалов по истории российской византистики. В результате под его редакцией были изданы три книги: Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995; Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999; Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2003; одному из малоизученных памятников славяно-русского переводного письменного наследия (сочинение византийского купца VI века) посвящена монография Е. К. Пиотровской «Христианская топография Козьмы Индикопола в древнерусской письменной традиции» (СПб., 2004).

¹¹⁶ Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века (очерки англо-американских отношений). Л., 1984; Исавев С. А. Токвиль и Америка его времени. СПб., 1993.

следований (РФФИ). Благодаря помощи этих фондов в ЛОИИ был осуществлен целый ряд крупных научных проектов, в том числе подготовлен коллективный труд «Власть и реформы. От самодержавной к советской России», посвященный эволюции власти в России и ее реформаторским возможностям на протяжении более чем пяти столетий, начиная с XV века.¹¹⁷

В 1999 г. в связи с болезнью В. А. Шишкин покинул пост директора С.-Петербургского филиала Института российской истории. Его возглавил специалист по истории США В. Н. Плешков. В 2003 г. филиал был преобразован в самостоятельное научное учреждение — Санкт-Петербургский институт истории РАН.

В новых условиях расширились международные связи и научное сотрудничество Института. Совместно с Бахметевским архивом при Колумбийском университете в Нью-Йорке были изданы тщательно прокомментированные ценные источники по истории России конца XIX—начала XX в.: «Записки» А. Н. Яхонтова и «Воспоминания» С. Ю. Витте. Подготовкой издания этих источников руководил Р. Ш. Ганелин, член-корреспондент АН по Секции гуманитарных и общественных наук (история России) с декабря 1991 г. Его основные труды: «Россия и США: Очерки русско-американских отношений. 1914—1917» (М., 1969); «Советско-американские отношения в конце 1917—начале 1918 г.» (Л., 1975); «Российское самодержавие в 1905 г.: Реформы и революция» (СПб., 1991); в соавторстве с Б. В. Ананьичем «С. Ю. Витте и его время» (СПб., 1999).¹¹⁸

Сотрудники Института готовят к изданию документы не только дореволюционного, но и советского периода. В частности, Б. В. Ананьич, В. М. Панеях и А. Н. Цамутали принимают участие в издании материалов уже упоминавшегося «Академического дела» 1929—1931 гг., сфабрикованного Политбюро ВКП(б) и ОГПУ. В 2003 г. вышел в свет том документальной серии «Архивы Кремля»: «Президиум ЦК КПСС, 1954—1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы». Главный редактор А. А. Фурсенко.

Коллектив остался верен традициям петербургской исторической школы. В последние годы сотрудниками Института были подготовлены новые исследования по истории России древнего и средневекового периодов. В 2006 г. издан фундаментальный коллективный труд о правящей элите России IX—начала XVIII в.¹¹⁹ Продолжает развиваться изучение отечественной культуры и ис-

¹¹⁷ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Редакционная коллегия: Б. В. Ананьич (ответственный редактор), Р. Ш. Ганелин, В. М. Панеях. Авторский коллектив: В. М. Панеях, Е. В. Анисимов, А. Н. Цамутали, И. П. Медведев, В. Г. Чернуха, Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, В. С. Дякин, Е. А. Правилова, В. Ю. Черняев, В. А. Шишкин. См. также: 2-е изд. кн.: Власть и реформы. От самодержавия к Советской России. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006.

¹¹⁸ См.: Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны: Бумаги А. Н. Яхонтова: Записи заседаний и переписки. СПб., 1999; Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В двух книгах и трех томах. СПб., 2003. Это издание стало возможным благодаря помощи правительства Российской Федерации, оказанной в связи с 150-летием со дня рождения С. Ю. Витте.

¹¹⁹ Правящая элита русского государства IX—начала XVIII в. СПб., 2006. Авторский коллектив: Е. В. Анисимов, В. Г. Вовина-Лебедева, Л. И. Ивина, А. П. Павлов (руководитель авторского коллектива), М. Б. Свердлов, П. В. Седов. См. также: *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец. История текста. СПб., 2004. *Свердлов М. Б.* Домон-

тории Церкви,¹²⁰ экономической истории дореволюционной России,¹²¹ а также истории советского и постсоветского времени.¹²² К 300-летию Петербурга сотрудники Института опубликовали целый ряд книг и альбомов, посвященных истории города, в том числе коллективный труд «Санкт-Петербург. 300 лет истории» (ответственный редактор В. М. Ковальчук). Редакционная коллегия и авторы книги сосредоточили свое внимание не только на политической истории Петербурга, но прежде всего на судьбах его населения, развитии в нем науки, культуры и образования. Значительная часть книги посвящена истории города после 1917 г., включая события самых последних лет.¹²³

В современных условиях стала более разнообразной тематика и увеличился объем выпускаемой Институтом научной продукции. В настоящее время в Институте работает тридцать докторов наук, в том числе два действительных члена РАН и два члена-корреспондента РАН, а также тридцать два кандидата наук.

гольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI—первой трети XIII в. СПб., 2003; *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006; *Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. СПб., 2003; *Маньков А. Г.* Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. 2-е изд., испр. М., 2003.

¹²⁰ *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. М., 2003; Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889—1927 / Рук. проекта и отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб., 2005. По истории Церкви см.: *Герд Л. А.* Россия и православный Восток: Константинопольский патриархат в конце XIX в.: Письма Г. П. Биглери к профессору И. Е. Троицкому. 1878—1898 гг. СПб., 2003.

¹²¹ *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914—1917 гг. СПб., 2002; *Лебедев С. К.* С.-Петербургский Международный Коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003; *Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Авт. кол. Б. В. Ананьич, М. И. Арефьева, С. Г. Беляев, А. В. Бугров, М. М. Дадькина, О. В. Драган, З. В. Дмитриева, С. К. Лебедев, П. В. Лизунов, В. В. Морозан, Ю. А. Петров, С. А. Соломатина.* СПб., 2005.

¹²² *Балашов Е. М.* Школа в российском обществе 1917—1927 гг. Становление «нового человека». СПб., 2003; *Мусаев В. И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX—XX веке. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2000; *Рупасов А. И., Чистяков А. Н.* Советско-финляндская граница. 1918—1938. СПб., 2000; *Рупасов А. И.* Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х—начало 1930-х гг. СПб., 2001.

¹²³ См. также: *Анисимов Е. В.* (автор текста). Санкт-Петербург — столица Российской империи: 1703—1917. В старинных гравюрах и фотографиях. М.; СПб., 2003. *Анисимов Е. В.* Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003; *Петербургская городская дума, 1846—1918 / Отв. ред. Б. Б. Дубенцов, В. А. Нардова.* СПб., 2005; *Ковальчук В. М.* 900 дней блокады. Ленинград, 1941—1944. СПб., 2005. См. также: *Ваксер А. З.* Ленинград послевоенный. 1945—1982 годы. СПб., 2005.

III. БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ — ИСТОЧНИК РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ ГУМАНИТАРИЕВ

Ю. А. ПЕТРОСЯН

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ОСМАНИСТИЧЕСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ ТУРЕЦКИХ РУКОПИСЕЙ ИЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

Историческое развитие российского востоковедения в XIX—XX вв. привело к образованию в Санкт-Петербурге нескольких центров собирания и хранения восточных рукописей, в том числе письменных памятников на турецком языке. Самые крупные коллекции турецких рукописных книг сложились в фондах Азиатского музея — Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН и Российской национальной библиотеки. Определенный научный интерес представляет и коллекция турецких рукописей, хранящихся в фондах библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Первопроходцем на пути изучения турецкой части коллекций восточных рукописей Санкт-Петербурга стал О. И. Сенковский (1800—1858). Это был блестяще образованный востоковед, который уже в возрасте 19-ти лет опубликовал статью о труде Мураджи д'Оссона, посвященном турецкому государству — его религии и принципам организации. Обзорная статья о труде, быстро занявшем видное место в европейской ориенталистике, свидетельствовала, что и было отмечено известным петербургским востоковедом и биографом О. И. Сенковского, о рождении значительного ученого-османиста. Так оно и случилось. После нескольких лет путешествий по Ближнему Востоку, в ходе которых О. И. Сенковский посетил Стамбул и Ливан, Дамаск, Каир и Александрию, усиленно и успешно изучал арабский и турецкий языки, собирал рукописи на этих языках, молодой талантливый ученый стал в 1822 г. ординарным профессором Санкт-Петербургского университета. Широкая образованность, совершенное знание арабского и персидского языков, знание нравов и быта народов Ближнего Востока, некоторый опыт дипломатической работы в русской миссии в Стамбуле и переводчика в Коллегии иностранных дел в Петербурге в 1820—1822 гг. — все это позволило О. И. Сенковскому стать выдающимся и весьма популярным преподавателем, лекции которого являлись истинной научной школой для слушателей.

Именно О. И. Сенковскому суждено было заложить основы изучения, публикации и перевода турецких рукописных книг, стать первым текстологом-османистом. К этой работе его подготовило изучение турецких исторических хроник Саадад-дина (XVI в.), Наимы (начало XVIII в.), Рашид-эфенди (XVIII в.) и Васыф-эфенди (конец XVIII—начало XIX в.). По материалам этих

средневековых хроник О. И. Сенковский, поляк по происхождению, опубликовал в Варшаве на польском языке в 1824—1825 гг. «Сборник из турецких историков касательно польской истории». В приложении к этой книге О. И. Сенковский издал в переводе на польский язык два интересных документа, извлеченных им из хроники Васыфа — описания османских посольств в Россию и Пруссию. Таким образом, когда профессор университета стал готовить перевод на русский язык сочинения турецкого государственного деятеля конца XVIII в. Гиритли Ахмеда Ресми-эфенди «Сок достопримечательного» на основе списков этого сочинения из библиотеки Петербургского университета, он был хорошо подготовлен к этой непростой работе.

Сочинение Ахмеда Ресми-эфенди представляет собой памфлет, написанный в остросатирической форме и рассматривающий события государственной жизни Османской империи в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Издано это сочинение в Турции было дважды, но уже во второй половине XIX в., тогда как русский перевод, выполненный О. И. Сенковским по рукописям, хранившимся в Петербурге, был опубликован в 1852 г. Заметим, что О. И. Сенковский, работая с текстами в университетской библиотеке, не знал, ввиду отсутствия научных каталогов фондов Азиатского музея, о том, что в его коллекции хранится еще один список сочинения Ахмеда Ресми-эфенди. Кстати, в самой Турции это сочинение в период, когда его перевел и издал О. И. Сенковский, ходило в рукописях. Сам переводчик писал, что сочинение Ахмеда Ресми — откровенный рассказ турецкого сановника, написанный им для своих стамбульских друзей. Тем не менее содержание «Сока достопримечательного» было столь значительным, что выбор этого текста для изучения и перевода был совершенно обоснованным. О. И. Сенковский в примечаниях к тексту своего перевода отмечал, что сочинение это дает историку богатый материал для выводов о характере правительственного механизма и личностях государственных деятелей, делах и расчетах турецкой стороны в войне 1768—1774 гг. Очевидно, что, определяя свой выбор сочинения для перевода, О. И. Сенковский — прекрасный знаток османской истории и турецких исторических сочинений — выбрал «Сок достопримечательного» ввиду явной новизны жанра политической публицистики, который делал в турецкой литературе первые шаги. Надо сказать, что сам перевод выполнен настолько мастерски, что некоторые современники полагали его стилизацией восточного текста. Сомнения развеял известный тюрколог В. В. Григорьев, который сверил по двум рукописям перевод своего учителя О. И. Сенковского и подтвердил исключительную точность и художественные достоинства этого перевода.

Особо надо отметить, что перевод «Сока достопримечательного» — первая в России чисто научная работа османиста-историка и текстолога. Определенно можно говорить о том, что она наметила направление многих последующих трудов по османистике, в особенности перевод текстов турецких исторических сочинений. Представляются весьма существенными, с методической точки зрения, сформулированные О. И. Сенковским принципы перевода восточных исторических и литературных сочинений. Он считал особенно важной максимальную точность в передаче мыслей автора и необходимость учета всей разницы в образованности, вере, нравах и понятиях различных народов. При этом О. И. Сенковский подчеркивал необходимость стремиться к сохранению колорита подлинника, того отпечатка оригинальности, который составляет особую красоту изучаемого и переводимого текста. Заметим, что этими принципа-

ми руководствовались многие последующие поколения османистов-текстологов и переводчиков.¹ В середине XIX в. заметным явлением в изучении турецкой рукописной книги стала публикация каталога восточных рукописей из собрания Публичной библиотеки Петербурга, который был составлен выдающимся ученым и многолетним директором Азиатского музея Б. А. Дорном и издан в 1852 г. на французском языке. Описание содержало характеристику и всей турецкой части фонда. Оно стало существенным инструментом в работе последующих поколений исследователей турецкой рукописной книги.

Источниковедческое и текстологическое направление в изучении турецких рукописных книг было продолжено в конце XIX в. деятельностью известного петербургского историка-османиста В. Д. Смирнова. С 1873 по 1922 г. этот ученый, которого академик А. Н. Самойлович по праву называл крупнейшим из русских османистов, пользовавшихся известностью среди западных ориенталистов, преподавал на факультете восточных языков Петербургского университета. Он вел курсы турецкого языка и литературы, читал лекции по истории Турции, был замечательным знатоком турецкой рукописной книги. Неоднократно посетив Турцию, В. Д. Смирнов в качестве внештатного сотрудника Восточного отделения Публичной библиотеки и по заданию ее дирекции приобретал в книжных лавках Стамбула и Брусы турецкие рукописи. В. Д. Смирнов посетил также ряд известных европейских хранилищ восточных рукописей и ознакомился с опытом работы европейских востоковедов-текстологов. Все это позволило ему, наряду с интенсивной преподавательской работой в университете, заниматься описанием арабских, персидских и турецких рукописей в Публичной библиотеке Петербурга. С 1873 по 1912 г. В. Д. Смирнов регулярно публиковал научные обзоры новых поступлений арабских, персидских и турецких рукописей в отчетах Императорской публичной библиотеки. Его знания этих фондов библиотеки были исключительны. В. Д. Смирнов был несомненно одним из самых значительных русских османистов-текстологов. В 1897 г. был издан и великолепный каталог турецких рукописей из собрания Учебного отделения восточных языков МИД, подготовленный В. Д. Смирновым.

В. Д. Смирнов вошел в российскую туркологию как автор двух выдающихся исследований, в основе которых лежало изучение текстов турецких исторических памятников. Одна из этих работ, защищенная в качестве магистерской диссертации, была посвящена анализу причин упадка Османской империи в XVII в. В основе работы было рассмотрение сочинения турецкого придворного чиновника середины XVII в. Кочубея Гёмюрджинского. Анализируя этот исторический памятник, а также ряд других исторических источников этого времени, В. Д. Смирнов создал единственную в русской науке XIX в. монографию по важнейшим проблемам развития Османского государства в эпоху позднего средневековья (опубликована в 1873 г.). Особенностью этого труда В. Д. Смирнова было то, что в нем проявилось исключительное внимание автора к оригинальному письменному источнику, как к важнейшему средству познания прошлого народов Востока. Понимание значимости письменного памятника в ис-

---

¹ О деятельности О. И. Сенковского и переводе «Сока достопримечательного» см.: *Петросян И. Е.* Османистика // История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 202—207; *Петросян Ю. А.* Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи (конец XVIII—начало XX в.). М., 1985. С. 27—29.

торическом исследовании В. Д. Смирнов проявил и в своей докторской диссертации, посвященной истории Крымского ханства в период его подчинения Османской империи (опубликована в 1887 г.). Есть все основания считать эти труды В. Д. Смирнова, в первую очередь его анализ трактата Кочубея Гёмюрджинского, первым в российской туркологии подлинно научным опытом комплексного текстологического и историко-филологического исследования. Очень важно и то, что В. Д. Смирнов во всех своих трудах опирался на знание исследуемых источников в рукописях, которые он увлеченно собирал и описывал, используя для этого все свои посещения библиотек и рукописных хранилищ европейских стран и самой Турции.²

В. Д. Смирнов был блестящим знатоком средневековой турецкой литературы. На основе изучения текстов многих значительных литературных памятников он сумел создать первый в России обзор истории турецко-османской литературы, аналога которому в ту пору не знала европейская ориенталистика. Эта работа, опубликованная в 1892 г., сохраняет во многом свое научное значение и в наше время. Великолепное знание материала первоисточников позволило В. Д. Смирнову подготовить хрестоматию образцовых произведений османской литературы, которая была издана в 1891 г. и служила прекрасным учебным пособием нескольким поколениям туркологов-историков и литературоведов.³

Оценивая творчество В. Д. Смирнова как одного из пионеров российской османистики, следует особо отметить, что во всех своих работах он проявил себя глубоким знатоком турецких рукописей, их языковых и палеографических особенностей. Он был, конечно же, замечательным текстологом, который всегда подчеркивал важность бережного обращения с текстом сочинений, категорически требуя от их издателей не допускать никакого вмешательства публикаторов в текст оригинала под предлогом исправления возможных ошибок автора или переписчика. Анализируя историю различных рукописных списков трактата Кочубея, В. Д. Смирнов особо подчеркивал значимость разночтений в рукописях для изучения истории языка памятника. Он считал очевидным, что к так называемым ошибкам в рукописях надо при их издании относиться весьма осмотрительно, ибо много важного и интересного может быть потеряно из-за субъективного подхода издателя. «Я того мнения, — писал В. Д. Смирнов, — что османские рукописи следует издавать в том виде, как они есть, т. е. с сохранением орфографических аномалий (...) указывая правильный вид их, соответственно теперешним требованиям грамматики, в примечаниях...».⁴

Этот принцип В. Д. Смирнов твердо отстаивал во всех своих текстологических работах. Он много раз высказывал мысль о том, что при изданиях текстов издатель должен «держаться по возможности рукописной редакции: до-

---

² *Тверитинова А. С.* В. Д. Смирнов — историк Турции // Советская тюркология. 1971. № 4. С. 109—110.

³ О деятельности и публикациях В. Д. Смирнова см.: *Тверитинова А. С.* В. Д. Смирнов — историк Турции. С. 105—114; *Петросян И. Е.* Османистика. С. 189—191; Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974. С. 261—262; Хронологический перечень трудов В. Д. Смирнова и литература о нем / Сост. А. П. Григорьев // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975. С. 268—281.

⁴ *Смирнов В. Д.* Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873. С. 69.

мысли, конечно, хороши и даже необходимы бывают для первого чтения текста, но положительно также необходимо давать читателю полное представление и о подлинном виде рукописи, каков бы он ни был, оставляя таким образом полный простор его собственным соображениям».⁵

Нам представляется, что эти принципы В. Д. Смирнова полностью разделяются российскими текстологами-османистами и в наши дни. Именно с творческим багажом В. Д. Смирнова отечественные текстологи-османисты вступили в XX в. Для них век XX стал важным периодом собирания текстов исторических и литературных памятников на восточных, в том числе турецком, языках. Начался непростой процесс выявления наиболее ценных, порой уникальных текстов. Постепенно определялись вопросы методики исследования текстов, формировалось понятие критики текста. Ученые-османисты приобрели в XIX в. довольно значительный опыт и в переводе исторических и литературных памятников на турецком языке. Казалось, что созданы предпосылки для значительного расширения текстологических и источниковедческих работ османистов. Многие ценнейшие памятники ожидали своих исследователей и публикаторов. На деле же почти полвека после публикации замечательных работ В. Д. Смирнова российская османистика ничем себя не проявила в области текстологических исследований. Причину такого положения следует искать в общей ситуации в российском востоковедении 20—40-х гг. XX в. В эту пору деятельность востоковедов по большей части не выходила за рамки тематики, признанной актуальной в плане практической политики экспертами из соответствующих партийных или государственных ведомств. Понадобились десятилетия, чтобы это направление работы оказалось в числе перспективных. Лишь в 1946 г. была опубликована монография А. С. Тверитиновой о восстании Кара Языджи — Дели Хасана в Турции (1599—1603), в которой автор продолжила прерванную со времени работ В. Д. Смирнова традицию использования текстов исторических памятников для изучения событий прошлого.

В 1930—1950-х гг. круг тем и проблем классического востоковедения, краеугольным камнем которого всегда было исследование текстов письменных памятников, был, очевидно, неактуальным для чиновников, определявших приоритеты научных исследований, на которые считалось целесообразным тратить государственные средства. Лишь непреодолимое стремление нескольких десятков ученых к изучению письменных памятников, истории культуры народов Востока и восточных религий позволило сохранить в Ленинграде традиции классического востоковедения, в частности и традиции восточной текстологии. Перевод Института востоковедения из Ленинграда в Москву (1951 г.) свел традиционный центр классического востоковедения в России к небольшому сектору восточных рукописей. К чести сотрудников сектора старшего поколения — В. И. Беляева, В. С. Воробьева-Десятовского, И. П. Петрушевского, Н. Д. Миклухи-Маклая — следует отнести тот факт, что они и их ученики сумели в эти трудные годы сохранить преемственность в деле исследования восточных текстов, которая традиционно составляла основу исследовательских программ в российском востоковедении в XIX—начале XX в.

Неожиданные перемены в жизни востоковедов-текстологов принесла, как и всему нашему обществу, пора хрущевской «оттепели». Осенью 1956 г. было

---

⁵ *Смирнов В. Д.* Сборник некоторых важнейших известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881. С. XIII.

создано Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, которое возглавил выдающийся востоковед, яркий представитель школы петербургского классического востоковедения, академик И. А. Орбели. В течение 3—4 лет он сформировал молодой и очень перспективный, как показало время, научный коллектив. Это были выпускники Восточного факультета ЛГУ, где все еще сохранялись традиции петербургской школы классического востоковедения. Так, в наше востоковедение пришли новые люди, для которых изучение письменных памятников и культуры Востока было желанным делом всей жизни. Они знали, как исследовать тексты, понимали значение текстологии в контексте комплексного исследования истории культуры Востока. К началу 1960-х гг. они уже располагали первыми существенными результатами своей работы, с нетерпением и надеждой ожидали возможности их публикации. И их надежды оправдались с созданием в 1958 г., по инициативе тогдашнего директора ИВ АН СССР Б. Г. Гафурова, «Издательства восточной литературы», директором которого стал О. К. Дрейер, много сделавший для стимулирования издательских проектов в рамках традиций классического востоковедения. Самым значительным из них было создание серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока». Первые выпуски этих серий, ставшие без преувеличения событием в мировом востоковедении, появились в 1959—1961 гг. как результат объединения усилий И. А. Орбели, Б. Г. Гафурова и О. К. Дрейера. Участники проходившего в Москве в 1960 г. Международного конгресса востоковедов могли воочию убедиться в том, что текстологические традиции российского востоковедения живы и приносят новые существенные результаты.

В числе первых публикаций серии «Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия» было и издание уникального текста турецкой средневековой хроники XVII века. Этой публикацией открылся новый этап в работе османистов-текстологов, который принес в 1960—1980-е гг. значительные результаты и подтвердил сохранение традиций российской школы текстологов-османистов.

Заметим, что когда новые веяния в востоковедении востребовали знания и умения отечественных востоковедов-текстологов, многие из них уже имели вполне конкретные планы публикации ценных, а порой и уникальных текстов. В туркологии такой публикацией и стала хроника Коджи Хюсейна «Беда'-и ул-века'и» («Удивительные события»), рукопись которой в турецкой коллекции также ждала своего исследователя почти сто лет. В 1862 г. она попала в фонды Азиатского музея в составе коллекции Л. А. Перовского. Эту коллекцию весьма высоко оценил Б. А. Дорн, по рекомендации которого она и была приобретена Азиатским музеем. В ее составе было немало ценных текстов, собранных Л. А. Перовским, крупным российским сановником, занимавшим, в частности, и пост министра внутренних дел в 1827—1828 гг. в Турции, а позже собранных в Средней Азии генерал-губернатором Туркестанского края В. Л. Перовским. Очевидно, что именно в этой коллекции османистам-текстологам удалось обнаружить и опубликовать две интереснейшие рукописи. Одной из них стала упомянутая хроника Хюсейна. История ее обнаружения в фондах Рукописного отдела ИВ АН СССР и подготовки к изданию достаточно характерна. Когда в начале 1950-х гг. рукописные фонды начали приводиться в порядок после очередного переезда и шла подготовка к публикации печатных каталогов фондов, известный ленинградский турколог А. С. Тверитинова обра-

тила внимание на рукопись под шифром С-564. То, что перед ученым была османская средневековая хроника XVII в., стало ясно уже при внимательном ознакомлении с текстом. Автор также определился достаточно просто, ибо он назвал себя и рассказал о целях своего сочинения в начальной его части. Возник вопрос весьма существенный — насколько автор известен османистам-текстологам и известно ли науке данное его сочинение? Первую часть вопроса удалось разрешить сравнительно просто. Выяснилось, что уже авторитетнейший австрийский османист Иозеф Хаммер в своей многотомной «Истории Османского государства» отметил Коджу Хюсейна в числе османских историков XVII в., но при этом заметил, что тот известен как составитель всеобщей истории, в которой нет истории государства османов.⁶

Австрийский ученый писал об этом на основании знакомства с хранящейся в Венской национальной библиотеке рукописью сочинения Коджи Хюсейна под таким же, что у ленинградской рукописи этого же автора, названием — «Удивительные события». Эту рукопись несколько позже описал Г. Флюгель в каталоге арабских, персидских и турецких рукописей Венской библиотеки.⁷

Когда А. С. Тверитинова ознакомила своих коллег-османистов с первыми результатами знакомства с несомненно ценной и интересной находкой,⁸ то стало очевидно, что рукопись заслуживает изучения и публикации. Но важно было и точно определить соотношение между венской и ленинградской рукописями. В 1958 г. А. С. Тверитинова и Ю. А. Петросян составили план подготовки возможного издания текста ленинградской рукописи. Подготовители исходили из того, что сочинение, хранящееся в Ленинграде, является второй частью труда Хюсейна, которая составлена им после завершения первой части, посвященной всеобщей истории. Сам Хюсейн в предисловии к ленинградской рукописи писал, что после написания труда по всеобщей истории ему стала очевидна необходимость продолжить ее написанием истории османского государства (Хюсейн, л. 2а). Чтобы внести полную ясность в вопрос о соотношении двух рукописных сочинений Хюсейна, был сделан запрос в Венскую национальную библиотеку о фотокопиях начальных и последних страниц венской рукописи сочинения Хюсейна. И когда в 1959 г. удалось сличить ленинградскую и венскую рукописи, стало понятно, что они абсолютно одинаковы по почерку и оформлению текста. Совпадал даже формат. Ясно стало, что обе рукописи выполнены одним лицом. Возник другой вопрос: поскольку имя переписчика не сообщала ни одна из рукописей, не имеем ли мы дело не только с уникальным списком, но даже с автографом? При этом следовало принять во внимание, что обе рукописи, которые сличали ученые в Ленинграде, не имели не только имени переписчика, но и традиционного колофона, которым обычно завершали рукопись переписчики-профессионалы.

Тщательное прочтение рукописи в процессе подготовки развернутого аннотированного оглавления, составлявшегося Ю. А. Петросяном (такой вариант публикации обширнейшей (517 листов) рукописи был предложен впервые, его

⁶ Hammer I. von. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. V. Pest, 1829. S. VII.

⁷ Flügel G. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien. Bd. II. Wien, 1865. S. 94—96.

⁸ В 1956—1957 гг. А. С. Тверитинова сделала предварительное сообщение о ленинградской рукописи Хюсейна в статье в «Византийском временнике» (т. XI, 1956, с. 214) и в специальном докладе на XXIV Международном конгрессе ориенталистов в Мюнхене в 1957 г.

поддержали и использовали при других публикациях текстологи ЛО ИВ), выявило несомненные следы авторской правки почти на двух десятках страниц рукописи.⁹

Чем же примечательно сочинение Хюсейна по своему содержанию? Это — свод истории Османского государства, от возникновения бейлика Османа до конца царствования султана Селима I (1520 г.). В расположении материала автор следует традициям турецких хронистов — его предшественников, основные труды которых он широко использует. В изложении использованы и доступные автору документальные материалы; неоднократно Хюсейн, описывая события до 1520 г., сравнивает те или иные мероприятия или действия султанов конца XVI—начала XVII в. Конечно, хроника Хюсейна — компилятивный свод, но выполненный с большой скрупулезностью и знанием очень широкого круга турецких, а также арабских и персидских исторических сочинений. Примечательно, что этот хронист стремился критически осмыслить материал своих предшественников. Излагая разные версии об одном и том же событии, Хюсейн иногда отмечает, кому он отдает предпочтение как наиболее достоверному источнику. Многие исторические события получили в труде Хюсейна наиболее детальное освещение, в его изложении сплошь и рядом обнаруживаются важные детали и существенные подробности, например при описании создания пехотного войска при султани Орхане, при изложении истории народных движений в самом начале XVI в., положения дел в малоазиатских провинциях империи османских султанов и т. д. В целом можно определенно говорить о том, что хроника Хюсейна — наиболее полный свод истории Османского государства из числа тех, которые были составлены в XVII в., а также важный показатель уровня и характера исторических знаний в империи османов в середине XVII в.

Хроника Хюсейна была подготовлена к изданию в довольно сжатые сроки и, как отмечалось, стала одним из первенцев новой текстологической программы российских востоковедов.¹⁰ Сегодня, когда со времени этой публикации прошло более четырех десятилетий, можно с уверенностью говорить, что она имела значительный научный эффект, существенно расширив запасы фактических сведений историков-османистов.¹¹

Другим важным событием в деятельности османистов-текстологов стала работа А. С. Тверитиновой с упомянутым выше текстом «Книги законов султана Селима I». А. С. Тверитинова на протяжении всей своей профессиональной жизни, занимаясь разными сюжетами османской средневековой истории, постоянно и увлеченно изучала османские рукописи — хроники и законодательные акты, документы и султанские ферманы. Она много работала в фондах рукописных хранилищ Ленинграда, Баку и Ташкента, в библиотеках Софии и

---

⁹ *Хюсейн. Беда'- и ул-века'и (Удивительные события)*. Издание текста, введение и общ. ред. А. С. Тверитиновой; аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. М., 1961. Ч. 1. С. 10—11.

¹⁰ *Хюсейн. Беда'- и ул-века'и (Удивительные события)*. Издание текста, введение и общ. ред. А. С. Тверитиновой; аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. М., 1961. Ч. 1—2.

¹¹ Это отмечали авторитетные в османистике рецензенты: *Guboglu M. Kodja Hüseyin, Beda'i ül-veka'i*. In: «*Studii. Revista de istorie*». XV, 4. Bucuresti, 1962. P. 1032—1042; *Unat F. R. Hüseyin: Bedayi ül-Vekayi*, «*Belleten*», Cilt XXVII, sayi 106. Ankara, 1963. S. 309—327.

Варшавы, Бухареста и Праги. Но одна из самых больших творческих удач ждала А. С. Тверитинову в том самом фонде восточных рукописей СПбФ ИВ РАН, в котором она работала еще в молодые годы. Вот как она сама описывает свою первую встречу с двумя ранее совершенно неизвестными османскими рукописями: «О книге законов султана Селима I (1512—1520) до настоящего времени сведений не имелось. Мало что известно и о законодательной деятельности этого султана вообще. Вот почему и оказалось удивительным, когда при составлении обзора фонда турецких документов для „Путеводителя по Азиатскому музею — Институту востоковедения АН СССР” мы внимательно ознакомились с двумя одинаково озаглавленными рукописями: „Книга законов султана Селим-хана — да будет ему земля пухом!” и обнаружили, что они столь долгое время оставались не замеченными специалистами».¹²

Стало очевидно, что историк имеет дело с важными текстами, заслуживающими изучения и публикации. Что касается времени и пути поступления этих списков (шифры В-1882 и А-250), то материалы Рукописного отдела сохранили сведения лишь о том, что обе рукописи были приобретены Азиатским музеем еще до 1917 г.

Изучение обнаруженных списков и сличение их содержания с уже известными туркологам кодексами султанов Мехмеда II Фатиха (1451—1481) и Сулеймана Кануни (1520—1566) позволяет выявить место и значение книги законов Селима I в процессе формирования османской государственности. В частности, сравнение канун-наме Селима I с кодексом Мехмеда II показало, что в эпоху Селима I имело место развитие османского законодательства, в частности заметное усиление в жизни османского общества тех норм права и государственных регламентаций, которые опирались на султанские постановления. В канун-наме Селима I значительно четче оформлены многие важнейшие положения, определявшие характер феодального права — закрепление крестьян на землях феодалов-сипахиев, укрепление основ тимарной системы землевладения, разработка многих налоговых норм и правил. Особенный интерес для историков представляет раздел о рыночных таксах и пошлинах, который в книге законов Селима представлен более подробным изложением, чем в кодексе Сулеймана Кануни. При подготовке текстов рукописей книги законов Селима I к изданию А. С. Тверитинова отметила, что оба списка имеют ценность и для изучения истории турецкого языка — его исторической фонетики и орфографии.¹³

Решение о публикации текста канун-наме Селима I пришло сравнительно быстро; в середине 1960-х гг. подготовка издания заняла в работе А. С. Тверитиновой главное место. Подготовителю предстояло решить существенный вопрос о составе и принципах издания.

Список В-1882 имел дату переписки — 1564 год — время, достаточно близкое по меркам истории ко времени составления самого канун-наме. Сама рукопись В-1882 — сборная, текст канун-наме занимает в ней лл. 16—25б, остальные листы (до 89б) занимают самые разные материалы — от молитвы в честь османских султанов до копии вакуфной грамоты внучки султана Мехмеда III Фатиха. Рукопись выполнена очень тщательно, но имя переписчика отсутствует.

¹² Книга законов султана Селима I / Публ. текста, перевод, терминологический коммент. и предисл. А. С. Тверитиновой. М., 1969. С. 11.

¹³ Книга законов султана Селима I. С. 15—17.

Рукопись А-250 не датирована, имя переписчика и в ней отсутствует. Здесь текст канун-наме занимает лл. 16—31а, рукопись также содержит другие материалы — хозяйственные записи, молитвы, стихи. Сличение текстов обеих рукописей показало подготовителю публикации, что в них имеются серьезные разночтения в тексте канун-наме. Внимательное изучение двух рукописей позволило прийти к заключению, что оба наших списка восходят к какому-то экземпляру, возможно подлиннику текста, хранящемуся до сих пор (а может быть, и утраченному) где-то в Турции, по некоторым признакам в одной из библиотек города Маниса, возможно в кадийских документах этого города. Подобные поиски, требующие очень длительного времени, оказались невозможны. Тогда и было принято окончательное решение публиковать ленинградскую находку, что также могло стать важным шагом на пути к поиску оригинала текста канун-наме. А. С. Тверитинова пришла к выводу, что публиковать нужно текст рукописи В-1882, наиболее ценный по содержанию, с интереснейшими пометами на полях, существенно дополняющими или уточняющими отдельные положения текста. Список А-250 был использован издателем в качестве контрольного при подготовке русского перевода, а все разночтения отмечены в сносках.

Публикация была осуществлена в 1969 г., и время, прошедшее с момента издания канун-наме, подтвердило, что был обнаружен и издан важный текст, существенно расширивший наши знания о феодальном строе Османского государства. А. С. Тверитинова была права, когда писала в 1969 г., что «теперь можно сказать, что сложение основных элементов феодального строя Османской империи, формирование которых ранее относили лишь к периоду Сулеймана Кануни, было завершено уже при Селиме I, и социальная структура общества тогда же получила все важнейшие правовые основы».¹⁴

Почти в одно время с А. С. Тверитиновой османист-литературовед Е. И. Маштакова готовила к изданию весьма ценный для истории турецкой средневековой литературы текст — диван стихов знаменитой турецкой поэтессы XV—начала XVI в. Михри-хатун. Публикация, осуществленная в 1967 г., представляет собой критический текст дивана на основе рукописи из коллекции СПбФ ИВ РАН с привлечением в микрофильмах и фотокопиях трех стамбульских рукописей дивана Михри-хатун — списки библиотеки Стамбульского университета, Стамбульской национальной библиотеки и библиотеки при мечети Айя-София.¹⁵

Изучив тексты упомянутых рукописей, Е. И. Маштакова пришла к заключению о том, как эти списки соотносятся между собой. Наиболее старым из них является список библиотеки Стамбульского университета. Хранившаяся в Ленинграде рукопись представляла собой список, выполненный через сравнительно небольшой период времени после создания рукописи Стамбульского университета. Значительно позже создана рукопись из библиотеки мечети Айя-София. А рукопись из Национальной библиотеки в Стамбуле — самая молодая. У исследователя не было достаточных оснований для точного определения времени создания всех четырех списков. Косвенные данные позволили Е. И. Маштаковой лишь высказать предположение, что рукопись библиотеки Стамбуль-

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ *Михри-хатун. Диван* / Критический текст и вступ. статья Е. И. Маштаковой. М., 1967.

ского университета можно отнести к концу XVI в., ленинградскую можно условно датировать первой четвертью XVII в., а рукопись Национальной библиотеки в Стамбуле могла быть создана полтора-два века спустя после появления рукописи Стамбульского университета.¹⁶

Е. И. Маштакова, основательно изучившая литературное наследие Михри-хатун и написавшая для рассматриваемого издания отличный очерк о ее творчестве, была наилучшим образом подготовлена к сложнейшей работе по составлению критического текста дивана. Тщательный текстологический анализ привел ее к выводу о том, что в основу издаваемого критического текста должны быть положены два списка — рукопись из коллекции СПбФ ИВ (В-2519, кстати, некогда принадлежавшая самому В. Д. Смирнову) и список из библиотеки Стамбульского университета. Подготовитель текста пришла к такому выводу, оценив эти списки как наиболее старое и полное собрание стихов Михри-хатун. Главной своей задачей подготовитель критического текста считала воссоздание редакции XVI в., того периода, когда был составлен наиболее полный и качественный список Стамбульского университета. Готовя текст к изданию, Е. И. Маштакова провела большую и сложную работу, стремясь сохранить все своеобразие лексики и грамматических форм наиболее старого из привлеченных к подготовке публикации списков.¹⁷

Оценивая значение издания критического текста дивана Михри-хатун, нельзя не отметить и в этом случае очевидную преемственность в работе петербургских-ленинградских османистов-текстологов. Как А. С. Тверитинова стремилась в своих работах продолжить успешно начатую В. Д. Смирновым работу по изучению османских исторических текстов, так и Е. И. Маштакова выступила как прямой продолжатель творчества этого выдающегося русского османиста. Ведь именно В. Д. Смирнов приобрел в Стамбуле совершенно до того времени неизвестную рукопись дивана Михри-хатун. Долгие годы эта рукопись хранилась в личной библиотеке В. Д. Смирнова и ее считали уникальной, ибо прочие три стамбульских списка этого дивана стали известны много позже. В. Д. Смирнов изучал диван Михри-хатун, опубликовал часть ее стихов в своей хрестоматии образцовых произведений османской литературы и в очерке об истории турецкой литературы, изданном в 1891—1892 гг. Е. И. Маштакова справедливо замечает, что все авторы в Турции и за ее пределами длительное время, почти полвека, пользовались именно публикациями В. Д. Смирнова, обращаясь к изучению творчества Михри-хатун.¹⁸ Оценивая работу литературоведов-османистов по изучению творчества Михри-хатун (В. Д. Смирнова, Э. Дж. Гибба, Э. Уилсона, А. Е. Крымского, турецких литературоведов середины XX в.), Е. И. Маштакова приходит к выводу, что дальнейшие возможности изучения литературного наследия Михри-хатун не могут не зависеть от издания полного текста ее дивана.¹⁹

Чтобы еще раз оценить значение проделанной Е. И. Маштаковой работы, стоит напомнить, что поэзия Михри-хатун занимает особое место в истории средневековой турецкой литературы. Ее стихи выходили за рамки традиционной придворной поэзии. Она стремилась в своем творчестве защитить право че-

---

¹⁶ Там же. С. 95—96.

¹⁷ Там же. С. 96—99.

¹⁸ Там же. С. 54.

¹⁹ Там же. С. 57.

ловека на свободу чувств и самостоятельность мировосприятия. В ее стихах звучало непривычное для литературы того времени проявление сильных человеческих чувств и протест против всего того, что мешает счастью человека. Издание критического текста дивана Михри-хатун открывает литературоведам полную возможность исследования одной из самых оригинальных страниц в истории османской литературы.

Прошло еще одно десятилетие, прежде чем российская османистика проявила себя еще одной значительной текстологической работой.

Линию османистических изысканий в текстологии, идущую от О. И. Сенковского и В. Д. Смирнова, довелось продолжить И. Е. Петросян. На этот раз предметом изучения стал один из самых ценных из известных туркологам источников по истории знаменитого корпуса янычар, своего рода придворной гвардии турецких султанов. Источник этот особенно привлекателен для исследователя и тем, что он содержит наиболее полные сведения о принципах формирования и внутренней организации этого важнейшего военно-политического института империи османов.

Итак, речь идет о турецкой рукописи начала XVII в. из собрания СПбФ ИВ РАН (шифр А-249). И вновь мы сталкиваемся с коллекцией Л. А. Перовского, в составе которой эта рукопись попала в Азиатский музей. В коллекции Л. А. Перовского она была уже в 1861 г., а в Азиатский музей попала в 1862 г. Как и многие другие рукописи, это сочинение под условным (не авторским) названием «Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи» («История происхождения законов янычарского корпуса») около ста лет не привлекало внимания ученых. Лишь в изданном в 1965 г. первом выпуске «Описания тюркских рукописей» его составители сообщили необходимые сведения об этой рукописи,²⁰ очевидно свидетельствующие о том, что речь идет о ценном и не опубликованном историческом памятнике. В середине 1970-х гг. текстом этого сочинения начала заниматься османист-историк И. Е. Петросян, и в начале 1980-х гг. исследование и перевод текста были ею завершены. Издание памятника потребовало еще нескольких лет, и в 1987 г., за несколько лет до того, как начался упадок российской науки и ее издательской деятельности, книга увидела свет.²¹ В наши дни столь большое издание (41 печ. лист сложного текста) можно было бы осуществить только при солидной спонсорской поддержке.

Оговоримся сразу же — петербургская рукопись «Мебде-и канун» не уникальна. Подготовителю ее издания было известно еще о семи списках этого сочинения. Из них пять в Турции: две в знаменитой своими рукописями библиотеке Топкапы в Стамбуле, еще две — в библиотеках стамбульских мечетей Сулейманийе и Османийе, одна в личной библиотеке покойного турецкого историка И. Х. Узунчаршылы. К сожалению, возможность работать в библиотеках Стамбула реализовать не удалось по причинам, не зависевшим от подготовителя издания ленинградской рукописи. Зато удалось получить микрофильмы рукописей «Мебде-и канун», хранящихся в библиотеке Британского университета и в коллекции бывшей герцогской библиотеки в Готе. Эти материалы

---

²⁰ Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. М., 1965. Т. I. С. 176—177.

²¹ Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса) / Изд. текста, пер. с турецкого, введение, коммент. и указатели И. Е. Петросян. М., 1987.

оказались весьма существенными при изучении и переводе текста ленинградской рукописи. В частности, готская рукопись оказалась особенно ценной для характеристики истории текста.

Проведя общий обзор доступных изданий рукописей «Мебде-и канун», подготовитель пришла к выводу, что ленинградская рукопись является среди них самой ранней. Текстуально она почти полностью совпадает с готским текстом, который был переписан с рукописи, подаренной султану, о чем свидетельствует приписка Вигье — папского префекта в Стамбуле во второй половине XVIII в., которому какое-то время принадлежала готская рукопись.²² Текстуальное совпадение готской и ленинградской рукописей позволяет считать, что наш список достаточно близок к авторскому тексту.

Что касается сведений об авторе, то содержащиеся в рукописи данные определенно говорят о том, что сочинение написано человеком, долгие годы служившим в корпусе янычар в конце XVI—начале XVII в. и подготовившим свой труд о янычарском корпусе, его организации и порядках именно в начале XVII в. (примерно в 1606 г.). Сочинитель был отлично подготовлен к своей работе, ибо более двадцати лет занимался янычарскими дефтерами.²³

Надо сразу же отметить, оценивая историческое значение рассматриваемого памятника, что сочинение этого анонимного автора о янычарском корпусе несомненно занимает видное место в серии известных османских политических трактатов XVII в. (сочинения Айни Али, Кочубея Гёмюрджинского, Кятиба Челеби), в особенности и потому, что это самое раннее (1606 г.) из сочинений этого ряда, которые выражали обеспокоенность неурядицами в Османском государстве, очевидной утратой его бывшего величия, хаосом в государственных делах.²⁴ Если принять во внимание это обстоятельство, то нельзя не признать изучение, перевод и публикацию текста «Мебде-и канун» продолжением идущего от В. Д. Смирнова интереса петербургских османистов-текстологов к изучению важнейших, для понимания дел в Османском государстве XVII—XVIII вв., исторических памятников.

«Мебде-и канун» выделяется на фоне других исторических сочинений своего времени обстоятельностью изложения и редкой простотой языка автора — не очень образованного, но грамотного и знающего свое дело служащего янычарского корпуса, опиравшегося в своем изложении фактов и обстоятельств на личный опыт в качестве очевидца многих событий в жизни корпуса янычар. Следует заметить, что только в изложении событий ранней его истории анонимный автор воспользовался письменным источником — широко известной хроникой Саадэдина «Тадж ат-теварих» («Венец летописей»), составленной в эпоху Селима II (1566—1574). Естественно, что личная осведомленность автора «Мебде-и канун» делает этот письменный памятник исключительно ценным историческим источником для изучения янычарского корпуса в связи с общей историей Османского государства в конце XVI—начале XVII в.

Работа над переводом текста «Мебде-и канун» и тщательное изучение этого памятника привели подготовителя публикации к важному выводу о том, что содержание памятника дает исключительно ценный и предельно конкрет-

---

²² Мебде-и канун. С. 10—12.

²³ Там же. С. 14—16.

²⁴ Там же. С. 23—24.

ный материал не только для изучения истории янычарского корпуса и его особой роли в истории Османского государства, но и для исследования жизни всего османского общества на рубеже XVI—XVII вв. на основе фактов, зафиксированных современником. Важно, что сведения автора «Мебде-и канун» относительно разрушения в этот период основных норм и принципов организации корпуса янычар ярко иллюстрируют общее положение в жизни османского общества этого периода, серьезные изменения в османской феодальной системе.²⁵ Все это побудило к самому тщательному переводу текста «Мебде-и канун», снабженному весьма обширным и обстоятельным комментарием, в котором переводчиком использована вся доступная специальная литература. Особо упоминания заслуживает в этой связи, как всегда сложное для историка и текстолога, комментирование терминов. Вряд ли нужно объяснять, что даже перевод многочисленных названий тех или иных частей и подразделений янычарского корпуса и служебных функций разных категорий янычар потребовал немало времени и широкого учета всей профессиональной литературы.

Заметим, что эта публикация, опирающаяся на весь опыт предшественников ее подготовителя, представляет наиболее полный корпус публикации османского памятника, где представлены как обширное исследование текста, так и его перевод и подробный комментарий, различные указатели и, наконец, факсимиле самого текста памятника. И хотя подготовитель издания не претендовал на всю полноту и точность перевода и комментария, осуществленное в 1987 г. издание текста «Мебде-и канун» стало важной страницей в истории петербургской школы текстологов-османистов.

Итак, за три десятилетия прошедшего века петербургские османисты-текстологи подготовили в той или иной форме публикации четырех уникальных или редких текстов. Много это или мало? Ответить на этот вопрос проще всего, обратившись к известной книге Д. С. Лихачева «Текстология». Ее автор справедливо отмечает, что, родившись как узко подсобная дисциплина, «как сумма филологических приемов к изданию текста», текстология, углубляясь в проблемы издания текста, «все более и более вынуждена была заниматься изучением истории текста произведений. Она становилась наукой об истории текста произведений, а задача издания текста становилась только одним из ее практических применений».²⁶ Насколько эта задача сложна — очевидно. Для ее решения текстолог должен уметь привлекать нужные данные палеографии и археографии, истории и литературоведения, общей культурологии, ибо история изучаемого текста существует в контексте культуры эпохи памятника.

Д. С. Лихачев, касаясь давнего спора о том, принадлежит ли текстология науке или это искусство, дает точное и емкое определение этой сферы ученой деятельности. «Текстология — это наука, но методика работы текстолога настолько усложнилась, что она стала для текстолога в известной мере и искусством. Однако текстология ни в коем случае не ремесло, которое позволило бы текстологу отъединиться от решения своих собственных задач. Текстологу приходится быть в курсе всех исторических наук применительно к изучаемой эпохе. Вот почему хороший текстолог — он и литературовед, и историк общественной мысли. От широты и разносторонности его знаний, его умения охватить факты и от искусства, с которым он применяет методические приемы изучения

²⁵ Там же. С. 41.

²⁶ Лихачев Д. С. Текстология. М.; Л., 1962. С. 27.

текста, зависит успех его исследований».²⁷ И еще одно замечание лучшего в России знатока проблем текстологии: «Чтобы восстанавливать историю текста памятников, текстолог обязан быть и историком, и литературоведом, и языковедом. Текстология требует на современном этапе ее развития всесторонних знаний, и в этом ее исключительная трудность».²⁸ Последние слова Д. С. Лихачева и содержат ответ на вопрос о том, сколь много удалось за последние десятилетия сделать османистам-текстологам. Если к сказанному Д. С. Лихачевым добавить особые трудности чтения и перевода средневековых османских текстов и немалые их палеографические особенности, то можно будет сказать, что нашим османистам удалось сделать достаточно много. И главный результат, пожалуй, в том, что накоплен тот опыт и те знания, которые позволяют сохранить традиции петербургской школы восточной текстологии в рамках османистических исследований. Во всяком случае достаточно разнообразие материала, с которым работали в последние десятилетия петербургские текстологи-османисты (историческая хроника, законодательный акт, история одного из государственных институтов, поэтический диван), и освоенные ими различные виды публикаций — все это позволяет надеяться на то, что поиски новых ценных текстов, их изучение и публикация будут продолжены.

---

²⁷ Там же. С. 28—29.

²⁸ Там же. С. 37.

IV. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ГУМАНИТАРИЕВ

В. Н. ПЛЕШКОВ

«ЕДИНСТВЕННЫЙ РУССКИЙ АДМИРАЛ ИЗ МЭНА». СУДЬБА И КАРЬЕРА АДМИРАЛА ЕГОРА ТЕТА*

Офицерский корпус российского флота с момента своего создания был многонациональным. Наряду с россиянами создавали флот, добывали победы, принесшие славу андреевскому флагу, англичане и голландцы, греки и скандинавы, выходцы из других стран. Служили в российском флоте и американцы. Наиболее известным из них и, как считалось, единственным, удостоенным адмиральского звания, был Джон Пол Джонс. Однако в российском флоте все ступени служебной лестницы от лейтенанта до полного адмирала прошел еще один офицер, которого в США по праву считают своим соотечественником. Речь идет о Джордже Тейте (George Tate), известном в России как Георгий или Егор Егорович Тет.¹

Он родился в лондонском предместье в приходе Ротерхайд, на южном берегу Темзы, по данным известного английского биословаря, 19 июня, а «Словаря американской биографии» Ф. Дрейка и «Исторического словаря» Д. Шэвита — 14 июня 1745 г.² «Русский биографический словарь», пожалуй, единственный из отечественных дореволюционных справочных изданий, поместивший краткую биографию Тета, вообще не дает никакой даты рождения и ошибается в дате смерти, сообщая, что она наступила в 1826 г., а не в 1821 г.³ В «Списке сенаторов», помещенном в приложении к «Истории Правительствующего Сената за двести лет», приводится совершенно необъяснимая дата рождения

---

* Доклад заслушан на заседании Объединенного научного совета 7 декабря 2005 г.

¹ Журналист из штата Мэн У. Д. Бэрри, опубликовавший в одном из местных изданий статью о Тете, именуется его, очевидно по созвучию, даже Игорем Игоревичем (*Barry W. D. Maine's One and Only Russian Admiral // Down East. December. 1983. P. 39.*

² *Dictionary of National Biography / Ed. by sir L. Stephen and S. Lee. 63 vols. L., 1885—1900 (далее — DNB). Vol. 55. P. 377; Drake F. S. Dictionary of American Biography, including Men of the Time... who have been remarkable or prominently connected with the Arts, Sciences, Literature, Politics or History of the American Continent. Boston, 1874. P. 892; Shavit D. United States Relations with Russia and the Soviet Union: A Historical Dictionary. Westport (Conn.), 1983. P. 179.*

³ *Русский биографический словарь. Том «Суворова—Ткачев». СПб., 1912. С. 505.*

Тета — 1760 г.⁴ Разнятся и данные современных авторов: журналист из штата Мэн У. Д. Бэрри и профессор университета Южного Мэна К. Холден считают годом его рождения 1746 г.,⁵ известный отечественный исследователь-маринист В. Д. Доценко и архангельский исследователь Ю. В. Дойков — 1745 г., а А. М. Горшман почему-то 1749 г.⁶

Его отец капитан Джордж Тейт-старший по семейному преданию служил в юности матросом на одном из кораблей флота Петра Первого. В последующие годы он стал шкипером, а затем занялся поставкой для британских верфей мачтового леса из стран балтийского региона. В 1751 г. семья переехала в Северную Америку⁷ и обосновалась на берегу залива Каско в небольшом поселении Страудуотер возле городка Фалмут, ставшего в последующем частью Портленда. Это была территория будущего штата Мэн, входившего с конца XVII в. в британскую колонию Массачусетс. Атлантическое побережье североамериканского континента изобиловало сосновыми борами и дубовыми рощами. Фалмут был основан в 1727 г. специально для отгрузки мачтового леса в метрополию. Тейт-старший в качестве официального лица (*mast agent*) нес ответственность за поставки этого стратегического сырья. Одновременно, подобно своему предшественнику и коллегам из других районов, он вел частную торговлю пиломатериалами. Дела шли успешно, и Дж. Тейт стал уважаемым человеком в округе. Дом, построенный им в 1755 г. на холме между реками Страудуотер и Фор, сохранился до наших дней.⁸

Рассказы отца о далекой России с детства будоражили воображение Джорджа-младшего и со временем стали реальностью. В получении патента на офицерское звание для молодого человека из далеких американских колоний немалую роль сыграли давние связи отца с британским Адмиралтейством и кораблями Балтики. В марте 1770 г. Дж. Тейт-младший был принят лейтенантом на русский флот и направлен на транспорт «Граф Орлов», стоявший в Портсмуте.⁹ В русских документах о его национальной принадлежности говорится «из англичан».¹⁰ Это обстоятельство связано не только с фактом рождения в Лондоне.

⁴ Список сенаторов 22 февраля 1711—15 января 1911 / Сост. Мурзанов Н. А. // История Правительствующего Сената за двести лет 1711—1911 гг. Т. 1—5. СПб., 1911. Т. 5. С. 152.

⁵ *Barry W. D. Maine's One and Only Russian Admiral*. P. 39; *Holden C. Serving Tsar and King: George Tate, Admiral in Russian Imperial Navy* // *The American Neptune*. Winter 1991. Vol. 51. N 1. P. 34.

⁶ *Доценко В. Д. Морской биографический словарь* / Под ред. И. В. Касатонова. СПб., 1995. С. 400; Дойков Ю. В. «В предписанный путь отправился...» (Архивные материалы об адмирале Е. Е. Тете) // *США — экономика, политика, идеология*. 1993. № 1. С. 96; *Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812—1815 гг.* / Под ред. В. М. Безотосного // *Российский Архив*. М., 1996. Вып. VII. С. 571.

⁷ *Barry W. D. Maine's One and Only Russian Admiral*. P. 39; *Holden C. Serving Tsar and King*. P. 35. Другие источники указывают иные даты: 1754 г. (*DNB*. Vol. 55. P. 377; *Anderson R. C. British and American Officers in the Russian Navy*. «*The Mariner's Mirror*». January 1947. V. 33. N 1. P. 26) и 1757 г. (*Drake F. S. Dictionary of American Biography*. P. 892).

⁸ *Albion R. W. Forests and Seapower. The Timber Problem of the Royal Navy*. Cambridge, 1926. P. 270; *Barry W. D. Maine's One and Only Russian Admiral*. P. 39; *Barry W. D., Peabody F. Tate House: Crown of the Maine Mast Trade*. Portland (Maine), 1982.

⁹ *Общий морской список*. Ч. I—XIII. СПб., 1885—1907. Ч. V. С. 183.

¹⁰ В. Д. Доценко полагает, что Тет «по происхождению ирландец» (*Морской биографический словарь*. С. 400), а известный британский историк А. Кросс — «америка-

До провозглашения в 1776 г. независимости США каждый житель североамериканских колоний независимо от места рождения считался подданным Британской империи. Кроме того, для тогдашних россиян любой англоговорящий был англичанином. Поэтому в послужном списке Тета и появилась соответствующая запись. Правильнее было бы сказать, что он, как и уроженец Шотландии Дж. П. Джонс, был американцем английского происхождения, но прославившимся на русской службе. Совершенно справедливо У. Д. Бэрри назвал свой очерк о Тете «Единственный русский адмирал из Мэна». Кстати, Г. И. Шелихов характеризовал известного американского путешественника, выходца из Коннектикута и, следовательно, янки, Дж. Ледиарда как «вояжира аглицкой нации».¹¹

Служебная карьера Дж. Тета началась с похода в район Греческого архипелага, куда «Граф Орлов» с двумя другими транспортом доставил «сухопутную провизию» для действовавшей там русской эскадры. Боевым крещением для новоиспеченного лейтенанта стало согласно записи в его послужном списке участие «в сражениях с турецким флотом при Наполи-ди-Романи и Чесме».¹² В 1771 г. Тет «берегом» прибыл в Ревель. В июле, по воспоминаниям Б. Тизделя, он наряду с другими принятыми на службу офицерами был приведен «к присяге в верности служения Императрице Екатерине II».¹³ По свидетельству того же мемуариста, Тет «пользовался между нами уважением».¹⁴ До 1778 г. Тет плавал на кораблях Балтийского флота. В апреле 1777 г. был произведен в капитан-лейтенанты.¹⁵

В это время в Северной Америке произошли события, существенным образом повлиявшие на семью Тейтов. Сначала его брат Уильям нечаянно застрелил из ружья мать, был судим, но в итоге оправдан. Нарастание англо-американских противоречий, война за независимость США подорвали торговлю мачтовым лесом, нанесли значительный урон благосостоянию Тейтов. Семья, как и многие другие семьи в период революций и гражданских войн, раскололась. Старший брат Сэмюэль уехал в Англию, младший Роберт перешел на сторону американских патриотов, а Уильям вместе с престарелым отцом остались нейтральными.¹⁶ Надежды на возрождение с окончанием войны прежнего бизнеса не оправдались. Британские верфи переориентировались на канадские леса. Сам Джордж Тет, будучи оторванным от американской почвы, не смог понять, что же произошло за океаном. Об этом говорит и одно из бережно сохранявшихся в семье писем капитана российской службы. «Прошу, дай мне знать, — писал он своему брату через десять лет после провозглашения независимости США, — как американцы к тебе относятся, вы, как я надеюсь, называете себя

нец шотландского происхождения» (*Cross A. J. By the Banks of the Neva. Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1997. P. 219*). Наиболее достоверными представляются сведения, приводимые Дж. К. Лафтоном в биографии Дж. Тета. Согласно им его предки происходили из графства Нортгемптон, расположенного в центральной Англии (*DNB. Vol. 55. P. 377*).

¹¹ Россия и США: становление отношений 1765—1815 / Сост. Башкина Н. Н., Болховитинов Н. Н., Браун Дж. и др. М., 1980. С. 157.

¹² Общий морской список. Ч. V. С. 184.

¹³ Записки командира корабля Мария Магдалина, капитана Тизделя (1771—1793) // Иностранцы, служившие в русском флоте. (Приложение к Морскому сборнику № 10, 1863 года). СПб., 1863. С. 6.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Общий морской список. Ч. V. С. 184.

¹⁶ *Barry W. D. Maine's One and Only Russian Admiral. P. 66.*

англичанами».¹⁷ Годы, а также посещения Портленда в 1795 и 1819 гг., вероятно, изменили его отношение к США. К этому добавлялась искренняя привязанность к родственникам, теплые воспоминания о детских и юношеских годах, проведенных в Америке.

В 1778 г. Тет был переведен в Азовскую флотилию и до 1783 г. плавал в Азовском и Черном морях, командуя сначала фрегатом «Пятый», а затем «Св. Николай».¹⁸ 1 января 1783 г. он был произведен в капитаны 2-го ранга, переведен из Херсона в Кронштадт и получил под свое начало линейный корабль «Твердый». В навигацию 1784 г. командовал флагманским кораблем «Иезекиль» эскадры вице-адмирала И. А. Борисова.

1 января 1785 г. Тет стал капитаном 1-го ранга и до 1788 г. плавал на Балтике.¹⁹ Он участвовал в знаменитом Гогландском сражении 6 июля 1788 г., командуя 74-х пушечным кораблем «Кир и Иоанн». О действиях капитана говорит тот факт, что корабль получил 67 пробоин, а из 704 человек команды было убито 7 и ранено 22 моряка.²⁰

14 апреля 1789 г. императрица Екатерина II отдала адмиралтейств-коллегии очередной высочайший указ. «Всемиловитейше пожаловали Мы по флоту нашему<...>, — говорилось в нем, — в капитаны бригадирского чина<...> Джорджа Тета».²¹ В кампании 1789 г. Тет, командуя тем же «Киром и Иоанном», был при Эландском морском сражении, а в кампании следующего года отличился в Ревельском и Выборгском сражениях. Для характеристики боевых качеств Тета и отношения к нему начальства небезынтересными представляются выдержки из некоторых всеподданнейших донесений адмирала В. Я. Чичагова. 27 апреля 1790 г., сообщал флотоводец, получив от шкипера датского торгового судна, прибывшего в Ревель, известие о шведском флоте из 21 судна южнее Эланда, «отрядил я лучших в ходу 1 корабль, 2 фрегата и 1 катер под команду *искусного флота капитана бригадирского чина Тета* (курсив мой. — В. П.), с предписанием, вышед в море к западу, осмотреть всю обширность вод между берегами нашими и неприятельским до Балтийского порта (Рогервик, позднее Палдиски. — В. П.)...». «...Долгом своим поставляю свидетельствовать, — доносил командующий 5 мая того же года, — *в исправном, мужественном и осмотрительном распоряжении флагманов*», в том числе «*и бригадира Тета, командовавшего отдельным отрядом*» (курсив мой. — В. П.)...».²²

Бывали у Тета и досадные неудачи. Так, в июне 1790 г. в 2 часа ночи «Кир и Иоанн» и 50-ти пушечный фрегат «Венус» под командой капитана 2-го ранга Р. В. Кроуна «догнали отставший шведский фрегат, который после кратковременной перестрелки спустил флаг. Но когда корабль „Кир и Иоанн” и фрегат „Венус” пошли вперед, то сдавшийся в плен шведский фрегат, пользуясь темной ночью, успел уйти».²³

¹⁷ Цит. по: Ibid. P. 67.

¹⁸ Общий морской список. Ч. V. С. 184; Материалы для истории русского флота / Сост. Ф. Веселаго. Ч. I—XVII. СПб., 1865—1904. Ч. XIII. С. 77, 92.

¹⁹ Общий морской список. Ч. V. С. 184; Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. С. 114, 118, 207.

²⁰ Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. С. 290; Повседневная запись замечательных событий в русском флоте / Сост. А. Кротков. СПб., 1893. С. 246.

²¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. С. 509.

²² Там же. Ч. XIV. С. 30, 49.

²³ Там же. С. 166; Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. С. 209.

Этот эпизод не смог испортить аттестации Дж. Тета. После сражения у о-ва Эланд он был награжден золотой шпагой «за храбрость». В мае 1790 г. «в награждение ревностной службы, трудов и оказанного мужества в отражении неприятеля» в Ревельском сражении ему был пожалован орден Св. Равноапостольного князя Владимира 3-й степени, а в июле он был произведен в капитаны генерал-майорского чина.²⁴

После русско-шведской войны Дж. Тет продолжал командовать «Киром и Иоанном», а в феврале 1793 г. «по учиненному баллотированию на состоящие во флоте вакансии» был жалован в контр-адмиралы.²⁵ В кампаниях 1793 и 1794 гг. он командовал эскадрами в Ревеле и Архангельске, в кампании 1795 г. крейсеровал во главе 4 кораблей и 2 фрегатов в Северном море.²⁶

В конце 1796 г. Балтийский флот в соответствии с высочайшим приказом был разделен на три дивизии, каждая из которых в свою очередь разделялась на эскадры. На контр-адмирала Дж. Тета было возложено командование третьей эскадрой или арьергардом в составе третьей дивизии адмирала А. И. Круза. В декабре того же года эти дивизии стали соответственно дивизиями белого, синего и красного флагов. В кампанию 1797 г. Дж. Тет, держа свой флаг на корабле «Максим Исповедник», командовал у Красной Горки авангардом флота под штандартом императора Павла I. В тот же год он стал кавалером ордена Св. Анны 2-й степени.²⁷

В павловское царствование Дж. Тета, как и многих других лиц, состоявших на военной и гражданской службе, не миновали неприятности. На основании анонимного доноса многим адмиралам, капитанам и мичманам флота «задержание в домах и на мызах казенных людей» был сделан выговор. Получил его и Тет, в доме которого было обнаружено 13 матросов.²⁸ Никтоим образом не оправдывая Тета, следует вспомнить замечание адмирала П. В. Чичагова о том, что «содержание военных в России вообще очень недостаточно», а нехватка собственных средств «особенна присуща русским морякам». В. Войт также отмечал «скудные средства к жизни, получаемые ими в виде жалованья».²⁹

2 января 1798 г. Павел I произвел Дж. Тета в вице-адмиралы и повелел ему состоять «в дивизии белого флага для отделяемых от флота эскадр...». На следующий год Тет был направлен в Архангельск, откуда, держа флаг на «Всеволоде», во главе отряда из 5 кораблей и 2 фрегатов, прибыл к берегам Великобритании. Здесь он соединился с эскадрой вице-адмирала М. К. Макарова для блокирования побережья Голландии, занятой французами, и для совмест-

²⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. XIV. С. 184, 299. Все эти факты убедительно опровергают утверждение английских и американских авторов об участии Тета в штурме Измаила в декабре 1790 г., в ходе которого он был серьезно ранен (DNB. Vol. 55. P. 377; Drake F. S. Dictionary of American Biography. P. 892; Barry W. D. and Peabody F. Tate House. P. 55—56). Эта информация была некритически воспринята Ю. В. Дойковым (Дойков Ю. В. «В предписанный путь отправился...» С. 96).

²⁵ Материалы для истории русского флота. Ч. XIV. С. 142; Общий морской список. Ч. V. С. 185.

²⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. XIV. С. 421, 451, 455, 493; см. также: Turner E. H. The Russian Squadron with Admiral Duncan's North Sea Fleet 1795—1800 // Mariner's Mirror. August. 1963. Vol. 49. N 3. P. 212—222.

²⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. XVI. С. 12, 46.

²⁸ Там же. С. 32—33.

²⁹ Архив адмирала П. В. Чичагова. Выпуск первый. СПб., 1885. С. 50; Войт В. Воспоминания и впечатления. Очерки деятельности наших моряков. СПб., 1887. С. 42.

ных действий с эскадрой английского вице-адмирала А. Дункана.³⁰ За осуществление блокады и высадки десанта на о-в Тексель и штурм крепости гельд-лорды Адмиралтейства выразили русской эскадре признательность от лица «монарха и всей нации». По достоинству были оценены и действия Тета. Он стал кавалером ордена Св. Анны 1-й степени, а английское правительство наградило его золотой шпагой с бриллиантами.³¹

Резкие перепады внешнеполитического курса Павла I, приведшие к конфронтации с прежними союзниками Великобританией и Австрией, отразились и на судьбе Тета. После возвращения в 1800 г. в Кронштадт он оказался не у дел. «Разлад, случившийся в прошлом году между этой страной и Англией, — писал адмирал позднее своему брату Роберту, — послужил причиной отправки меня и всех состоящих на службе англичан в Москву, где мы оставались всю зиму и откуда вернулись только прошлым месяцем. Смерть покойного императора снова вернула все на свое место».³²

Император Александр I в ноябре 1802 г. пожаловал Дж. Тета в адмиралы, а за 18 морских кампаний удостоил его орденом Св. Георгия 4-го класса.³³ С 1803 г. согласно высочайшего указа Дж. Тет командовал ревельской эскадрой, держа свой флаг на корабле «Благодать». В июне следующего года он был назначен адмиралом красного флага, а с сентября определен флотским начальником в Кронштадте.³⁴

В августе—сентябре 1805 г., после объявления войны с Францией, эскадра адмирала Дж. Тета доставила в Штральзунд корпус генерал-лейтенанта графа П. А. Толстого, направлявшегося в Ганновер и блокировавшего города Гаммельн и Минден. В 1806—1808 гг. отметивший шестидесятилетний юбилей Дж. Тет «находился при берегу в Кронштадте».³⁵ За этой обтекаемой фразой из послужного списка адмирала скрывался факт отстранения от военной службы всех офицеров английского происхождения, последовавшего после отказа России от союза с Англией и заключения между Россией и Францией Тильзитского мира 1807 г.³⁶

«Тильзитская система» оказалась, однако, «кратковременным политическим компромиссом, носившим тактический характер».³⁷ В июле 1812 г. при посредничестве Швеции был подписан русско-английский мирный договор, восстановивший дипломатические отношения между Лондоном и Санкт-Пе-

---

³⁰ Общий морской список. Ч. V. С. 185; *Каллистов Н. Д.* Флот в царствование императора Павла I // История русской армии и флота. М., 1913. Т. 9. С. 58—63; *Holden C.* Serving Tsar and King. P. 36.

³¹ *Каллистов Н. Д.* Флот в царствование императора Павла I. С. 61; Общий морской список. Ч. V. С. 185.

³² Цит. по: *Barry W. D.* Maine's One and Only Russian Admiral. P. 68.

³³ Общий морской список. Ч. V. С. 185—186. Утверждение А. М. Горшмана о том, что Е. Тет получил этот орден «за 25 лет службы в офицерских чинах» (Словарь русских генералов. С. 572) не соответствует действительности и статуту ордена.

³⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. XVII. С. 280, 288, 349, 491, 506.

³⁵ Общий морской список. Ч. V. С. 186; *Каллистов Н. Д.* Русский флот и двенадцатый год. (Роль и участие флота в Отечественной войне в связи с циклом наполеоновских войн России). СПб., 1912. С. 177—178.

³⁶ *Каллистов Н. Д.* Русский флот и двенадцатый год. С. 37, 39; *Орлов А. А.* Английские моряки на русском флоте в Отечественную войну 1812 г. // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 192.

³⁷ История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995. С. 76.

тербургом и прекративший участие России в континентальной блокаде. Еще до подписания договора 14 марта Александр I «повелеть соизволил, чтобы все устраненные от команд из англичан флотския генералитет, штаб- и обер-офицеры возвращены были немедленно по-прежнему на службу».³⁸ Адмирал Дж. Тет как старший по званию возглавлял этот список. Император возложил на него обязанности командующего Балтийским корабельным флотом, а позднее «по случаю отправления в кампанию» высочайше пожаловал ему 5 тыс. руб.³⁹

После вторжения армий Наполеона в Россию Дж. Тет прибыл со своими кораблями в финляндский порт Свеаборг. Доставив оттуда в Ревель 27 июля 1812 г. десантные войска и «полковые тягости», эскадра успешно продолжала заниматься «амбаркированием» — перевозками в столицу Эстляндии финляндского корпуса генерал-лейтенанта графа Ф. Ф. Штейнгеля.⁴⁰ 15 октября эскадра Дж. Тета вышла из Кронштадта и направилась к берегам Великобритании, где к ней присоединились 6 новых кораблей, прибывших из Архангельска под флагом вице-адмирала Р. В. Кроуна. Русскому флоту, достигавшему почти 30 вымпелов, надлежало действовать совместно с британским и подчиняться командующему флотом в Северном море адмиралу сэру У. Янгу. Кампания 1813 г. ограничилась блокадой французского и голландского побережий, а также отдельными столкновениями с неприятельскими кораблями.⁴¹ Стоит отметить сражение при Флиссингене, где объединенный англо-русский флот противостоял франко-голландским морским силам. За это сражение адмирал Дж. Тет, как утверждает А. М. Горшман, был удостоен ордена Св. Александра Невского и английского ордена Бани 2-й степени.⁴² Летом 1814 г. эскадра Дж. Тета прибыла к месту своего постоянного базирования, выполнив попутно роль транспортного флота и доставив из Франции на родину две дивизии Гвардейского корпуса, а также приобретенные в «мастерской мира» различные материалы, потребные флоту.

18 февраля 1816 г. семидесятилетний Дж. Тет был назначен «присутствовать в Правительствующем сенате»⁴³ в 1-м отделении 3-го апелляционного департамента. Хотя сенат в ту пору «считался своего рода богадельней, куда на-

---

³⁸ *Каллистов Н. Д.* Русский флот и двенадцатый год. С. 37.

³⁹ Там же. С. 39—40.

⁴⁰ Там же. С. 49, 52—54, 76—79; Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. Т. 2. Действия флота в Прибалтийском крае // Сборник Императорского Русского Исторического общества. СПб., 1911. Т. 133. С. 517.

⁴¹ *Каллистов Н. Д.* 1) Русский флот и двенадцатый год. С. 85—87, 91—103, 108, 173; 2) Флот в царствование императора Александра I // История русской армии и флота. Т. 9. С. 158—159, 167; *Орлов А. А.* Английские моряки на русском флоте. С. 193—195.

⁴² Словарь русских генералов. С. 572. Ордена Александра Невского Е. Тет был удостоен 25 июня 1807 г., т. е. за 7 лет до этого события. Сообщение о награждении английским орденом не подтверждается никакими другими, в том числе и британскими, источниками. К тому же орден Бани был разделен на три степени только в 1815 г., поэтому получить в 1813 г. его 2-ю степень вряд ли было возможно. См. списки кавалеров британских орденов в многочисленных переизданиях известного справочника: *A genealogical and heraldic dictionary of the peerage and baronetage of the British empire* / Ed. by sir V. Burke.

⁴³ Общий морской список. Ч. V. С. 186; История Правительствующего Сената за двести лет. С. 152.

значали бывших губернаторов и других уже престарелых сановников»,⁴⁴ подобное назначение повергло в ужас старого морского волка и побудило его обратиться с просьбой об отклонении назначения. История наделала шума. Небезызвестный граф Жозеф де Местр в письме посланнику Сардинии в Австрии графу А. де Валуэзу изложил обстоятельства этого дела. В ответ на прошение адмирала, сославшегося на возраст, глухоту и абсолютное неведение в области юриспруденции, министр юстиции Д. П. Трощинский ответил: «Дело не в знаниях; Его Императорское Величество надеется на Ваше рвение, честность и здравый смысл». Адмиралу оставалось только отметить, что «в таком случае никто не может помешать императору доверить Вам эскадру».⁴⁵

Помимо этого назначения Дж. Тет был удостоен еще и земельного пожалования. Ю. В. Дойков обнаружил в фонде адмирала А. С. Грейга в РГА ВМФ копию указа Александра I, датированного 6 июля 1816 г. «Адмиралу Тету всемилостивейше жалуя, — говорилось в этом документе, — Подольской губернии Бальтского Повета из Побережного имения фольварк Воронковский на двенадцать лет...». Фольварк, во владение которым адмирал должен был вступить с марта 1818 г., насчитывал 425 крестьянских душ мужского пола и 95 человек чиновной шляхты.⁴⁶

17 февраля 1821 г. на семьдесят шестом году жизни адмирал Дж.Тет скоропостижно скончался.⁴⁷ Портлендская «Газетт» в номере от 12 июня 1821 г. так описывала это печальное известие своим читателям. «Он был приглашен на обед в дом одного джентльмена; только уселся на стул, как упал в обморок и умер без стона. Он оставил значительное состояние и, как мы знаем, щедро жертвовал своим родственникам в этом городе и в Уэстбруке».⁴⁸ И действительно, не сумев вследствие «бродячей жизни» обзавестись собственной семьей, Дж. Тет все эти долгие десятилетия был добрым заокеанским дядюшкой (на сей раз, правда, «русским», а не американским). Он регулярно помогал своим сородичам в Новом Свете деньгами, оплачивал обучение племянников. Единственному из оставшихся к тому времени в живых брату адмирал завещал 2700 фунтов стерлингов, помещенных в Банке Англии, а также кареты, мебель и золотую шпагу, полученную от Георга III. Детям Роберта предназначалось 9000 рублей. Главным наследником оказалась проживавшая в Портленде любимая племянница адмирала, дочь его старшего брата Сэмюэля Энн Тейт Ингрэм. Ей были завещаны «все деньги, которые у меня есть в Императорском За-

⁴⁴ Раскин Д. И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX в. // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. V. (XIX век). С. 708.

⁴⁵ Местр Ж. М. де. Петербургские письма 1803—1817 гг. СПб., 1995. С. 295.

⁴⁶ Дойков Ю. В. «В предписанный путь отправился...» С. 101.

⁴⁷ Дата смерти Е. Е. Тета — 17 февраля 1821 г. приведена в «Списке сенаторов» (История Правительствующего Сената. Т. 5. С. 152). Ю. В. Дойков, ссылающийся в своей статье о Тете именно на эту страницу данного издания, почему-то пишет, что адмирал умер «предположительно 21 января — дата, упоминаемая в „Истории Сената“ в качестве последнего дня его службы сенатором» (Дойков Ю. В. «В предписанный путь отправился...» С. 101). Но в этом издании на данной странице приведена лишь следующая запись: «Тет, Егор Егорович, р. в 1760 г., назначен 18 февраля 1816 г. † 17 февраля 1821 г.». Никаких «последних дней службы» ни одного из сотен российских сенаторов, помещенных в данном указателе, не приводится. Можно только гадать, что побудило Ю. В. Дойкова к подобным выводам.

⁴⁸ Цит. по: Barry W. D. Maine's One and Only Russian Admiral. P. 68.

емном Банке в Санкт-Петербурге, на сумму в сорок тысяч шестьсот сорок рублей плюс проценты...».⁴⁹

О смерти адмирала известило своих читателей и такое авторитетное и влиятельное английское издание, как «Джентльменс мэгэзин». В разделе некрологов оно поместило следующее сообщение: «17 февр. скоропостижно [скончался] в С.-Петербурге в возрасте 76 лет адмирал сэр Джордж Тейт, кавалер ордена Св. Владимира и сенатор. Он был уроженцем Англии и последние 53 года своей жизни провел на императорской службе».⁵⁰ Среди многих наград адмирала журнал справедливо назвал орден Св. Владимира как высшую из наград покойного. В некрологе нет и упоминания о британских наградах, в том числе ордене Бани 2-й степени, которым, как считает А. М. Горшман, были отмечены боевые заслуги Дж. Тета.⁵¹ Единственным косвенным намеком на возможное награждение может служить лишь титул «сэр», ведь командоры и кавалеры ордена Бани получали личное дворянство и право на титул.

В литературе и биографических справочниках приводится как минимум три портрета адмирала Тета. Первый из них — акварельная миниатюра работы известного английского художника Уильяма Нэша (ум. в 1800 г.), выполненная в царствование императора Павла I. Об этом свидетельствуют темный мундир без лацканов и белый воротник, какие с начала 1797 г. были предписаны флотским офицерам,⁵² а также напудренный парик с косичкой. На правой стороне груди звезда ордена Св. Анны 1-й степени — единственная, которая носилась справа, а на шее крест ордена Св. Владимира 3-й степени. Исходя из факта награждения Тета орденом Св. Анны 1-й степени 24 сентября 1799 г. можно определить и примерную дату написания этого портрета. Миниатюра хранится в портлендском музее искусств и воспроизведена в статье о Тете У. Д. Бэрри.⁵³

Второй — поясной портрет маслом работы неизвестного художника был заказан к столетнему юбилею войны 1812 г. Военно-морским музеем и хранится в его фондах. На нем изображен адмирал в мундире с эполетами, с красной лентой и звездой ордена Александра Невского, орденом Св. Георгия 4-й степени в петлице и орденом Св. Владимира 3-й степени на шее. Этот портрет приведен на вкладке между стр. 70—71 известной книги Н. Д. Каллистова.⁵⁴ Чрезвычайно посредственная уменьшенная копия этого портрета экспонируется в музее в разделе, посвященном Отечественной войне 1812 г.

Третий портрет, на котором изображен смуглый темноволосый офицер с густыми бровями в мундире с анненской лентой и звездой, помещен в «Словаре русских генералов» в качестве иллюстрации к биосправке о Тете, написанной А. М. Горшманом.⁵⁵ В указателе авторство портрета приписано известному русскому художнику академику портретной живописи А. Г. Варнеку.⁵⁶ Но в ли-

⁴⁹ Ibid. P. 69. Полностью завещание опубликовано: *Barry W. D. and Peabody F. Tate House. Appendix D.*

⁵⁰ *The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle / From January to June, 1821. Vol. XCI (Being the Fourteenth of a New Series). Part the First. P. 378.*

⁵¹ *Словарь русских генералов. С. 572.*

⁵² См.: *Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII—начала XX в. СПб., 1999. С. 199.*

⁵³ *Barry W. D. Maine's One and Only Russian Admiral. P. 38.*

⁵⁴ *Каллистов Н. Д. Русский флот и двенадцатый год. СПб., 1912.*

⁵⁵ *Словарь русских генералов. С. 572.*

⁵⁶ Там же. С. 643.

тературе о жизни и творчестве этого мастера нет и упоминания о работе над портретом адмирала Тета.⁵⁷ Сей портрет удивительным образом напоминает портрет бывшего наставника великих князей Николая и Михаила Павловичей генерал-лейтенанта Н. И. Ахвердова кисти А. Г. Варнека, хранящийся в картинной галерее Армении.⁵⁸ Отличают их только наличествующие на портрете из «Словаря русских генералов» ордена Св. Иоанна Иерусалимского на шее и Св. Георгия 4-й степени в петлице, которых был удостоен к началу 1800-х гг. адмирал Е. Тет и которых не было у Н. И. Ахвердова. Таким образом, наиболее достоверной следует признать миниатюру У. Нэша.

Точных данных о месте захоронения адмирала Е. Е. Тета не имеется. Скорее всего, его могила находилась на кронштадтском кладбище и до наших дней не сохранилась.

В Портленде неподалеку от местного аэропорта на возвышенности между реками Фор и Страудуотур проходит Уэстбрук-стрит. На ее пересечении с Конгресс-стрит под номером 1270 возвышается старинный дом с мансардой. Внутри дома большая печь, вокруг которой расположены обшитые панелями комнаты. Мебель, предметы домашнего обихода, посуда, портреты на стенах создают атмосферу, характерную для второй половины восемнадцатого столетия. Это «Тейт-хаус» — дом, в котором прошли детские и юношеские годы адмирала Тета. В сезон — с 15 июня по 15 сентября он открыт для посещения. Как многие другие мемориальные дома в Америке он был в свое время выкуплен, восстановлен и поддерживается в надлежащем состоянии женской общественной организацией. В данном случае это местное отделение Национального общества женщин, пекущихся о сохранении колониального прошлого Америки — National Society of Colonial Dames of America. Именно их усилиями дом Тейтов был превращен в музей и обрел вид, который имел в середине XVIII в.⁵⁹ Для штата Мэн адмирал Тет легендарная личность, жизнь и боевой путь которого являются одним из примечательнейших эпизодов в истории русско-американских отношений.

---

⁵⁷ Каменский П. П. Мастерские русских художников. Статья вторая (Уткин. Варнек. Демут-Малиновский) // Отечественные записки, учено-литературный журнал на 1830 год. Том II. С. 10—18; Ракова М. Список портретных работ А. Г. Варнека // Очерки по истории русского портрета первой половины XIX века. М., 1996. С. 320—325; Турчин В. С. Александр Григорьевич Варнек. 1782—1843. Л., 1985. С. 104—153.

⁵⁸ Иллюстрацию см.: Турчин В. С. Александр Григорьевич Варнек. С. 59; Государственная картинная галерея Армении. Живопись, скульптура, рисунок, театр. Каталог. Ереван, 1965. С. 485.

⁵⁹ Barry W. D., Peabody F. Tate House.

Л. А. РУХОВЕЦ

МАТЕМАТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЙ В ГУМАНИТАРНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ*

Проблема, которой посвящен данный доклад, весьма обширна. Применение математики в общественных, и тем более в гуманитарных, науках началось много позднее, чем в естественных. Вероятно, самая главная причина этого состоит в том, что объектом изучения в гуманитарных и общественных науках является «человеческий фактор» в его разнообразных проявлениях. Применение математики в гуманитарных науках стало существенно расширяться в связи с развитием применения компьютеров в различных областях человеческой деятельности, особенно в связи с прогрессом в области информационных технологий. Глубокий, научный анализ специфичности общественных, и особенно гуманитарных, наук с точки зрения возможностей применения математики как инструмента научных исследований требует много времени. В этой связи автор решил сузить тему и рассмотреть применение математики в гуманитарных и общественных науках на примере научных исследований в СПб ЭМИ РАН, ибо по сути это основная тематика в институте. Но прежде, как представляется автору, следует очень кратко остановиться на истории института.

СПб ЭМИ РАН как самостоятельное научное учреждение был создан в 1990 г. Однако коллектив начал складываться еще в 1958 г. в качестве вычислительного центра ЛОМИ им. В. А. Стеклова (ВЦ ЛОМИ АН СССР). Создание вычислительного центра было связано с осознанной к тому времени необходимостью развивать использование ЭВМ в научных расчетах. В эти годы в ЛОМИ работал один из крупнейших математиков XX в., будущий Нобелевский лауреат по экономике, Л. В. Канторович. Он заведовал тогда отделом приближенных вычислений Математического института им. В.А.Стеклова АН СССР. Л. В. Канторович был одним из тех, кто активно поддержал создание вычислительного центра. В 1965 г. ВЦ ЛОМИ был преобразован в Ленинградское отделение Центрального экономико-математического института АН СССР (ЛО ЦЭМИ), а в 1975 г. коллектив ЛО ЦЭМИ составил математический отдел нового Института социально-экономических проблем АН СССР (ИСЭП АН СССР). Все эти годы сохранялось основное ядро коллектива. В 1990 г. по постановлению президиума АН СССР на базе отдела был образован самостоятельный институт. Большую роль в создании института сыграл его первый директор — из-

---

* Доклад был заслушан на заседании Объединенного научного совета 12 октября 2005 г.

вестный математик и экономист Б. Л. Овсиевич. Борис Львович последнее время перед своей кончиной в 1997 г. был еще и заместителем председателя президиума Санкт-Петербургского Научного центра академика Ж. И. Алфёрова.

В 1957 г. Л. В. Канторович создал в ЛОМИ первую научную группу для экономико-математических исследований (линейное программирование, макроэкономические модели и др.). Можно напомнить, что начало экономико-математическим исследованиям в нашей стране было положено еще до войны. В 1939 г. в издательстве Ленинградского университета вышла брошюра Л. В. Канторовича, в которой были заложены основы нового научного направления — линейного программирования. Часть сотрудников научной группы Л. В. Канторовича после его отъезда в Новосибирск вошла в состав ВЦ ЛОМИ. Это положило начало экономико-математическим исследованиям в коллективе. До сих пор в институте есть сотрудники, работавшие с Л. В. Канторовичем. Образование в 1965 г. ЛО ЦЭМИ привело к тому, что эта тематика стала основной в коллективе. В период 1965—1975 гг. на становление и развитие исследований большое влияние оказали сотрудничество с ЦЭМИ АН СССР и поддержка академика Н. П. Федоренко. Заметную роль в развитии экономических исследований в ЛО ЦЭМИ сыграл выдающийся ученый В. В. Новожилов, лауреат Ленинской премии, работавший в коллективе во второй половине 60-х гг.

Таким образом, в коллективе сложилось направление исследований по применению математики в экономических исследованиях, тематика которых была достаточно разнообразной.

С начала 60-х гг. в коллективе сложилась отечественная школа по теории игр во главе с Н. Н. Воробьевым. В работах Н. Н. Воробьева и его учеников (Е. Б. Яновской, А. И. Соболева, С. Л. Печерского и др.) развит аксиоматический подход как основа для выработки принципов оптимальности в теоретико-игровых моделях конфликтных ситуаций. Исследования по теории игр продолжаются в институте в лаборатории, руководимой Е. Б. Яновской.

С приходом в коллектив А. М. Рубинова были разработаны основы теории экономической динамики, установлены ее связи с выпуклым анализом, исследованы важные классы динамических макроэкономических моделей и моделей экономического равновесия (А. М. Рубинов, К. Ю. Борисов, В. Д. Матвеев). В конце 60-х гг. развивались методы дискретной оптимизации (А. А. Корбут).

В начале 70-х гг. сложилось новое направление исследований — теория и методы математического моделирования формирования организационных структур управления. Это направление стало в дальнейшем основой для разработки программ стратегического развития крупных городов (Б. Л. Овсиевич).

В конце 60-х гг. были заложены основы теории поведения населения в системах массового обслуживания городского населения (Б. Г. Питтель, В. П. Федоров). Эти теоретические работы стали основой для создания математических моделей для определения, анализа и прогнозирования пассажиропотоков и потоков автотранспорта в городских транспортных сетях.

В начале 60-х гг. Л. А. Оганесян стал зачинателем нового направления в вычислительной математике — метода конечных элементов (МКЭ). Продолжением этих исследований стала разрабатываемая в институте проблематика рационального природопользования (Л. А. Руховец, Г. П. Астраханцев).

Еще одно направление применения математики в общественных науках в институте возникло в начале 60-х гг. в связи с обработкой методами прикладного статистического анализа результатов социологических опросов. В рамках ИСЭП АН СССР это направление получило заметное развитие (разрабатывались методы анализа данных: методы нелинейного типологического анализа социально-экономической информации, нелокальные методы многомерного шкалирования, а также эффективные вычислительные алгоритмы их реализации (В. Т. Перекрест)). В настоящее время методы анализа данных используются для решения задач анализа, прогнозирования и регулирования рынка труда.

Здесь уместно отметить, что прикладной статистический анализ — это одно из первых направлений прикладной математики, которое стало достаточно широко применяться в гуманитарных исследованиях (лингвистике, литературоведении и др.).

К моменту превращения коллектива в самостоятельный институт основными стали следующие четыре направления:

1. Теоретическая экономика.
2. Математическое моделирование в задачах городской и региональной экономики.
3. Теория и методы информационных технологий экономических, социологических и гуманитарных исследований.
4. Теория и методы моделирования и прогнозирования воздействия экономической деятельности на природную среду и экономика природопользования.

Далее коротко охарактеризован круг задач для каждого из перечисленных направлений, которые решаются математическими методами.

1. Теоретическая экономика

Современная теоретическая экономика представляет собой сильно математизированное направление исследований. Математизированность здесь понимается в том смысле, что математический аппарат является основным инструментом исследований, возникающие задачи формулируются в виде математических задач и используются математические методы для их решения (методы линейного и нелинейного программирования, теория игр и исследование операций, методы функционального анализа, методы прикладного статистического анализа и многое другое). Это, в принципе, могло бы позволить отнести данное направление исследований к естественным наукам, т.к. во многих естественных науках степень использования математических методов, пожалуй, даже уступает применению математики в экономических исследованиях. Тем не менее современную теоретическую экономику, как и науку «экономику», нельзя отнести к естественным наукам. Дело в том, что экономические процессы связаны с поведением людей, с человеческой психологией и волей, с уже упоминавшимся «человеческим фактором». В этой связи экспериментальная проверка созданных учеными экономических теорий заметно отличается от того, как это делается в естественных науках.

Остановлюсь на перечне результатов, полученных сотрудниками института в области теоретической экономики в самое последнее время.

Так, одним из фундаментальных и злободневных вопросов является проблема степени участия государства в экономике страны. Дело в том, что среди экономистов, как теоретиков, так и практиков, существуют различные точки зрения на степень необходимого участия государства в рыночной экономике. Либеральные экономисты, один из известных представителей этого направления А. Н. Илларионов, считают, что роль государства должна быть ограниченной, что экономическая свобода, механизмы рыночной экономики позволят экономике страны развиваться устойчиво, обеспечивая оптимальные темпы роста. Другие считают, что регулирующие функции государства весьма важны. Совсем недавно наши министры А. Кудрин и Г. Греф выступили с заявлением, что степень участия нашего государства в экономике чрезмерно велика. Этой проблеме была посвящена конференция, проведенная в июне 2004 г. в Санкт-Петербургском НЦ РАН по инициативе Научного совета по социально-экономическим проблемам (руководитель — чл.-корр. РАН И. И. Елисеева) и Объединенного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию (руководитель — профессор Ю. А. Петросян).

Получение реальной оценки степени оптимального участия государства в экономике страны — трудная и важная задача. Более того, у этой задачи нет общего решения. Вероятно, для разных стран и разных периодов развития регулирующая роль государства может заметно меняться. Но здесь мне хотелось бы отметить, что в СПб ЭМИ РАН получены принципиально важные теоретические результаты, имеющие отношение к прояснению этого вопроса. Было показано, что стихийные силы рыночной экономики, силы спроса и предложения, не из всех существующих ситуаций могут привести экономику к состоянию устойчивого функционирования, более того, экономика, предоставленная сама себе без регулирующей роли государства, может прийти к кризису. Один из важных факторов, от которого это зависит, — степень неравенства в распределении национального дохода. Эти результаты получены в рамках четко сформулированных математических моделей. С одной стороны, эти результаты не кажутся неожиданными — во многих работах рассматривается необходимость не полагаться на «невидимую руку» рынка, которая все устроит. Однако получение таких результатов важно, т. к. именно с помощью математических моделей, во-первых, проясняются конкретные механизмы и зависимости в экономических процессах; а во-вторых, математические модели как инструмент анализа и прогнозирования экономических процессов позволяют, по крайней мере теоретически, проверять различные научные гипотезы. Эти результаты докладывались на упомянутой конференции сотрудником СПб ЭМИ РАН К. Ю. Борисовым. Близкие вопросы, связанные с исследованием роли государства в экономике, рассмотрены в работе сотрудника СПб ЭМИ РАН В. Д. Матвеевко, также выступавшего на упомянутой конференции.

Сотрудниками нашего института построен и исследован ряд моделей экономической динамики для получения ответа на такие актуальные для современной российской экономики вопросы, как:

- зависимость производительности труда от заработной платы при наличии двух секторов на рынке труда — основной занятости и вторичной («подработки»);
- влияние наличия природных ресурсов в условиях открытой экономики на рост благосостояния различных слоев населения («богатых» и «бедных») при наличии или отсутствии иностранных инвестиций, а также

- влияние на рост благосостояния изменения ставки налога на природную ренту;
- оценки последствий для экономики вступления страны во Всемирную торговую организацию (ВТО);
- задачи и методы формирования человеческого капитала и обеспечения экономического роста.

К исследованиям по теоретической экономике в нашем институте относятся также работы по теории игр. В 1944 г. вышла монография Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение», ознаменовавшая собой создание новой одноименной теории. Эта теория исследует математические модели рационального поведения участников, называемых игроками, в условиях конфликта и неопределенности.

С момента создания теория игр прошла путь от весьма формализованной математической теории, которая продолжает и далее развиваться, до одного из важнейших инструментов анализа огромного многообразия задач, возникающих в экономике, политике, социальных науках и т. д. В нашей стране наибольшую известность получила школа теории игр, созданная Н. Н. Воробьевым в СПб ЭМИ РАН, которая хорошо известна и за рубежом.

Уже с самого начала развития теории игр стало ясно, что следует различать два ее основных направления: стратегическое и кооперативное.

Первое направление занимается нахождением оптимального поведения игроков, т. е. заинтересованных лиц, в ситуации конфликта, на исход которого оказывают влияние все участники этого конфликта.

Примерами таких конфликтов являются войны, конкуренция фирм на рынке, переговоры и т. д. Стратегии каждого игрока в таких моделях зависят от его информации о ситуации. Эта информация, как правило, является неполной и асимметричной, которая выявляется (или, наоборот, скрывается) в процессе разрешения конфликта. Например, в лаборатории теории игр СПб ЭМИ РАН показано, как случайное блуждание цен на финансовых рынках может возникать в результате стратегического маневрирования информированного игрока с целью сокрытия своей дополнительной информации.

В кооперативных играх делается предположение о том, что любое подмножество игроков может образовать коалицию, имеющую некоторые количественно или качественно оцениваемые возможности. Основным вопросом теории кооперативных игр является справедливое распределение общего дохода, полученного всеми участниками, действующими совместно. Примерами таких ситуаций являются задачи распределения прибыли или затрат между несколькими экономическими агентами в зависимости от их вклада в проект. Похожие задачи возникают при налогообложении, при определении ставок банковского процента, при определении долевых паев в строительстве предприятий общественного пользования и т. д. Различные правила дележа отражают различные концепции справедливости. Основными правилами, когда имеет место равноправие участников, являются симметричные правила. Однако во многих случаях такое распределение оказывается неприемлемым ввиду неравноправия участников и неравноправия благ или затрат, подлежащих распределению. Для этих задач предложены несимметричные методы распределения. Это один из результатов полученных в лаборатории теории игр СПб ЭМИ РАН.

2. Математическое моделирование в задачах городской и региональной экономики

Это направление исследований, так же как и остальные, кроме фундаментальных исследований по созданию математических методов и моделей, по разработке вычислительных алгоритмов для непосредственного решения поставленных задач включает в себя еще и реализацию моделей на компьютерах с помощью разработанных алгоритмов в виде программных комплексов или информационных систем (В. П. Федоров, В. Т. Перекрест).

Для решения задач городской и региональной экономики в институте созданы и используются следующие математические модели и программные комплексы:

1. Программный комплекс для решения задач транспортно-градостроительного моделирования.
2. Программный комплекс для экономической оценки городских территорий.
3. Информационная система для решения задачи об охране панорамы городской застройки.
4. Комплекс региональных экономико-математических моделей и баз данных для анализа и прогнозирования состояния занятости и рынка труда, государственного регулирования рынка труда.
5. Интерактивная система демографического прогнозирования.

В связи с этими комплексами хотелось бы отметить, что практически все они основаны на математических методах и алгоритмах, созданных сотрудниками института. Важно также отметить, что создание этих комплексов, проверка их работоспособности и особенно их информационное обеспечение и практическое применение связаны с участием в исследованиях специалистов в так называемых «содержательных областях исследований». Зачастую как разработка, так и практическое применение программных комплексов осуществлялись в сотрудничестве с городскими организациями, связанными с проектированием и планированием развития города, с комитетами и департаментами администрации города и соответствующими федеральными структурами. Кроме того, в основе некоторых программных комплексов лежат междисциплинарные исследования, которые выполнялись в сотрудничестве СПб ЭМИ РАН с другими организациями (институтами РАН, вузами города, отраслевыми организациями).

1. Программный комплекс для решения задач транспортно-градостроительного моделирования. Транспортная система является важнейшим элементом городской инфраструктуры, обеспечивающей территориальное единство, целостность большого города. Важная роль транспортной системы в развитии и функционировании города как единого организма, рост потребности в скоростных пассажирских перевозках, в обеспечении безопасности движения, в повышении эффективности использования транспортных средств — все это вызывало особый интерес к использованию достижений математических методов для создания моделей функционирования городских транспортных систем. Теоретические разработки в области математических моделей и методов прогнозирования массового поведения городского населения послужили основой для оригинальных подходов к построению методов планирования терри-

ториально-градостроительного развития городов, формирования городских транспортных систем, для экономической и функциональной оценки городских территорий. На основе этих теоретических разработок с конца 60-х гг. в коллективе стали создаваться программные реализации транспортно-градостроительных моделей.

Развитие и изменение организации городского транспорта приводили к необходимости изменять созданные математические модели. Так, бурное развитие автомобильного транспорта вызвало потребность в учете новых факторов, связанных с транспортной доступностью, возможностями парковки и хранения и обслуживания автомобилей.

Особенность городских пассажирских перевозок состоит в том, что участниками транспортного процесса являются отдельные жители, причем каждый из них самостоятельно принимает решение о выборе пути следования в условиях конкретной транспортной ситуации, зависящей от поведения всех участников транспортного процесса. Следовательно, формирование пассажиропотоков носит достаточно стихийный характер. Поэтому влиять на этот процесс можно, изменяя параметры и структуру транспортной системы, но невозможно непосредственно управлять этим процессом. Отсюда следует, что модели городских транспортных систем должны включать в себя элементы моделей массового принятия решений.

Для моделирования функционирования городской транспортной системы территория города разбивается на систему транспортных районов (например, для Санкт-Петербурга — 200—250 районов). Для каждого из районов задается информация о численности проживающего в районе самодельного населения и количества мест приложения труда. Транспортная сеть модели представляется в виде связанного графа, вершины которого соответствуют транспортным узлам, а ребра — связям между ними. Каждому ребру такого транспортного графа сопоставляются затраты времени на пешеходное или транспортное передвижение, в зависимости от того какому типу связи оно соответствует. В результате моделирования определяются пассажиропотоки на транспортной сети города.

Возможности модели. Модель позволяет: выявлять «узкие» места в транспортной сети, оценивать эффективность различных мероприятий, связанных с реконструкцией сети; дает возможность проводить сравнительный анализ вариантов развития транспортной сети и вариантов освоения новых территорий. Важной информацией, получаемой с помощью модели, являются оценки временной взаимной доступности различных фрагментов городской территории и т. д.

Интенсивное развитие индивидуального транспорта привело к появлению варианта модели, в котором использовались два транспортных графа: один для общественного транспорта и другой — для индивидуального автомобильного.

Программные реализации различных вариантов транспортной модели в течение многих лет использовались при разработках транспортных схем для целого ряда городов (Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Запорожье, Барнаул и т. д.). Сравнительно недавно созданные в институте модели использовались для анализа вариантов восстановления разрушенного участка линии метрополитена в районе площади Мужества в Санкт-Петербурге.

2. Программный комплекс для экономической оценки городских территорий. По своей сути городская среда представляет собой своеобразный,

пространственно распределенный ресурс, используемый различными видами деятельности в городах. Развитие города можно рассматривать как протекающие во времени процессы взаимодействия компонентов городской среды. Построение математических моделей таких процессов полезно для решения проблем городской экономики, в частности экономики городской недвижимости, которая стоит перед необходимостью согласования интересов города с интересами частных предпринимателей. Особый интерес представляет моделирование в области экономики землепользования, поскольку местоположение, определяющее качество городских территорий, имеет общегородской характер и требует создания средств комплексного анализа городской среды.

Модель массовой экономической оценки городских территорий. Использование методов математического моделирования для экономической оценки городских территорий было начато достаточно давно, до проведения рыночных реформ в стране. В Ленинграде органы местной власти и сотрудники проектных градостроительных институтов пришли к выводу о необходимости учитывать сравнительную ценность городских земельных участков при отведении их для нужд города и нужд предприятий различных отраслей, расположенных на территории города.

Переход к рыночным отношениям пока не привел к наличию развитого рынка и потому использование методов математического моделирования дает возможность компенсировать бедность рыночной информации построением ее модельных аналогов, основываясь на данных о свойствах недвижимости.

Сложность оценки городских территорий связана с тем, что ценность участков городских земель определяется свойством их местоположения, а не качествами самой земли. *Местоположение является сложнейшим комплексным качеством, на которое оказывает влияние целый ряд разнообразных факторов.* К таким факторам относятся *факторы транспортной доступности* (центра города, систем расселения, мест приложения труда, рекреации), *экологические факторы* (атмосферное и шумовое загрязнение, наличие санитарно-защитных зон, озелененность территории), *средовые факторы* (плотность дневного населения; оснащенность инженерной инфраструктурой; архитектурные, технологические и правовые ограничения; архитектурная привлекательность и т. п.). Все перечисленные факторы в той или иной мере способствуют или препятствуют использованию территории для того или иного вида деятельности, называемых в градостроительстве *городскими функциями землепользования*. Среди этих функций традиционно различают жилую, промышленную, торговую, рекреационную и т. п. Наличие благоприятных условий способствует повышению экономической эффективности для различных видов деятельности. Так, два аналогичных торговых предприятия — одно в центре, в людном месте, а другое на периферии — будут иметь разный доход, связанный с разным качеством местоположения. Эта разница в местоположении и приносит то, что можно назвать рентным доходом, который и может служить основой для формирования оценки территории. Таким образом, при создании модели решается одна из основных задач моделирования экономической оценки территории — создание механизма вычисления потенциального рентного дохода для различных видов землепользования. Иными словами, величина оценки объекта связывается с величиной возможного дополнительного предпринимательского дохода, который может быть получен за счет наиболее экономически эффективного способа ис-

пользования объекта. Калибровка расчетов при этом производится по имеющимся данным мониторинга рынка.

На базе разработанной модели была создана методика массовой оценки городских территорий. Эта методика использовалась для массовой оценки городских территорий наряду с Петербургом и в других городах России (Нижегород, Барнаул, Новокузнецк и других).

В связи с созданием Генерального плана развития Санкт-Петербурга в институте проводились работы по определению сравнительной ценности городских территорий с точки зрения местоположения.

Интерес к этим разработкам связан с тем, что замена одного вида землепользования на другой может менять свойства городской среды, влияя тем самым на свойства местоположения. По мере развития рынка и концентрации капитала появилась возможность крупных преобразований недвижимости и, как следствие, значительных изменений качеств местоположения. Для учета таких изменений были разработаны методы моделирования для ряда факторов местоположения. Решение этой задачи важно с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения расположения крупных объектов обслуживания, во-вторых, такие задачи возникают при освоении новых территорий или при реконструкции старых. Ведь между центром Санкт-Петербурга и спальными районами расположены значительные территории, занятые промышленными предприятиями. Преобразование этих территорий — важная задача для города на перспективу.

3. Информационная система для решения задачи об охране панорамы городской застройки. Рост интенсивности использования городской среды приводит к неуклонному росту цены земли, особенно в центральных зонах крупных городов. Это, в свою очередь, создает тенденцию повышения этажности как при новом строительстве, так и при капитальном ремонте и реконструкции. При этом могут неожиданно возникать нарушения архитектурно-исторических панорам, когда силуэты новых сооружений оказываются вписанными в силуэты исторических памятников и архитектурных доминант. Для того чтобы избежать подобных нарушений, создана программно-информационная система, позволяющая заранее на стадии проекта построить «зоны видимости» намечающихся к постройке высотных объектов, наблюдаемые с территории зон, для которых ставится задача сохранения исторической панорамы. Это важная и полезная разработка.

4. Комплекс региональных экономико-математических моделей и баз данных для анализа и прогнозирования состояния занятости и рынка труда, государственного регулирования рынка труда. Система предназначена для моделирования, прогнозирования и регулирования рынка труда Санкт-Петербурга. Методами анализа данных, на основе результатов мониторинговых обследований рынка труда и связанного с ним рынка квалификационно-образовательных услуг, строятся временные ряды (годовые, квартальные, месячные) систем индикаторов состояния рынка труда, включающих разделы:

- население в трудоспособном возрасте и экономическая активность;
- занятость, общая и регистрируемая безработица;
- спрос и предложение на рынке труда в квалификационном разрезе;
- материальное положение населения — заработная плата и т. д.

Индикаторы характеризуют особенности переходной экономики, текущей социально-экономической конъюнктуры.

Существенную роль играет сводный банк данных о рынке труда Санкт-Петербурга, содержащий данные результатов ежемесячного мониторинга рынка труда Санкт-Петербурга за 1995—2000 гг. и ежеквартальные данные за 2001—2002 гг. Банк содержит сведения по более чем 500 показателям.

Система использовалась службой занятости Санкт-Петербурга (Комитет по занятости населения СПб и Департамент федеральной государственной службы занятости населения по СПб Министерства труда России) при планировании своей деятельности в 1995—2003 гг. и для прогнозирования состояния рынка труда.

Существенное место в системе занимает решение задач регулирования регионального рынка труда методами активной политики занятости. Решаются задачи планирования активных программ содействия занятости, оценки эффективности реализованных программ и прогнозирования снижения уровня напряженности рынка труда под воздействием реализованных активных программ содействия занятости.

Целевой характер планирования обусловлен решением в процессе планирования задачи оптимального управления, понимаемой как задачи максимального снижения значения величины интегрального индикатора проблемности за счет распределения имеющегося финансового ресурса между отдельными видами мероприятий активной политики занятости. Система разрабатывалась и прошла апробацию в 2002—2003 гг. по заданию Министерства труда России.

Еще одно направление исследований связано с изучением демографических процессов.

Исследования по математическому моделированию демографических процессов в СПб ЭМИ РАН начались в связи с широким развитием жилищного строительства в нашем городе в 60-х гг. (А. М. Рубинов, Г. Л. Сафарова, С. В. Сивашинский). Возникла необходимость в прогнозировании демографической структуры населения для определения структуры жилищного строительства, потребностей в социальной инфраструктуре, квартирографии и т. п. Кроме того, интерес к этим исследованиям связан с проблемой трудовых ресурсов, решением задач социальной политики в городе и области на современном этапе и в среднесрочной перспективе. Обоснованные демографические прогнозы необходимы для стратегического планирования, разработки Генерального плана развития города.

5. Интерактивная система демографического прогнозирования. Основной математических методов прогнозирования численности населения и его половозрастной структуры является классический метод передвижки возрастов. Этот метод лежит в основе и данной системы. Подобных систем существует немало. Существенным образом эффективность таких систем зависит от заложенных в них методов определения и прогнозирования коэффициентов демографических событий (рождений, смертности и т. д.). При прогнозировании демографических процессов в условиях социально-экономической нестабильности, характерных для периода развития страны после 1990 г., демографическое прогнозирование, основанное на предположении, что демографические процессы будут развиваться по траектории, сложившейся в предпрогнозируемый период, может не обеспечить убедительных результатов. Период неста-

бильности характеризуется тем, что демографические показатели представлены слишком короткими и нерегулярными временными рядами, что делает проблематичным применение классических методов экстраполяции временных рядов.

Для прогнозирования, в том числе и в условиях нестабильности, применение системы предполагает участие в создании прогноза эксперта, имеющего профессиональные представления о характере современных социально-экономических процессов. Эффективность работы эксперта с системой обеспечивается, с одной стороны, возможностью использования общеизвестных коэффициентов демографических событий, а с другой — предоставлением ему широкого набора аналитических и диалоговых средств для оперирования этими коэффициентами. Система позволяет экстраполировать временные ряды коэффициентов с помощью кривых, управление видом которых эксперт может осуществлять с помощью параметров, имеющих для него ясный содержательный смысл.

Система прошла довольно обширную апробацию. Она использовалась для построения подробных демографических прогнозов при разработке предложений по социальной политике в Санкт-Петербурге и Ленинградской области на перспективу до 2010 г. для администраций города и области. Аналогичные расчеты были проведены для города Волхова. Система также применялась для разработки раздела по определению показателей численности и структуры населения и трудовых ресурсов Санкт-Петербурга для концепции Генерального плана развития города. При построении прогнозов использовался сценарный подход.

Третье из основных направлений исследований института в большей степени может быть отнесено к применению математики в гуманитарных исследованиях.

3. Теория и методы информационных технологий экономических, социологических и гуманитарных исследований

В рамках этого направления можно выделить две тематики исследований.

Первая из них связана с созданием математических моделей и методов для разработки стратегий и программ социально-экономического развития городов и регионов. Эти исследования были начаты Б. Л. Овсевичем. В рамках данной тематики в институте создана еще одна компьютерная система: **Информационно-программный комплекс для формирования программ социально-экономического развития.**

Неотъемлемой частью системы управления развитием города являются стратегические планы, которые согласовывают в общих чертах интересы развития отраслей и региона, формулируют основные направления развития. При построении на их основе конкретных планов социально-экономического развития города в краткосрочном и среднесрочном периодах обычно разрабатывается иерархическая система целей, конкретизирующая наиболее актуальные из них на рассматриваемый период. Для решения задачи планирования привлекаются группы экспертов, в распоряжение которых поступает огромное количество информации. Информационно-программный комплекс для формирования программ социально-экономического развития фактически представляет собой систему поддержки процесса отбора экспертами из множества конкретных

проектов такой их совокупности, которая обеспечивала бы реализацию выработанной иерархической системы целей с учетом имеющихся ограничений: ресурсных, бюджетных, организационных и т. д.

Стратегическое планирование включает и предварительные оценки затрат на реализацию проектов в рамках бюджетных ограничений. Для решения этой задачи также используется, в частности, знаменитая математическая задача о ранце (задача об оптимальном использовании объема ранца при его заполнении).

Вторая тематика связана с разработкой информационных технологий поддержки гуманитарных и социологических исследований. Основой этих разработок служит развитие методов построения формальных описаний социальных и экономических систем, а также развитие методов качественного анализа и обработки концептуальной информации о социально-экономических процессах.

Одним из примеров таких исследований является создание базы знаний для анализа древних текстов (на примере законов Хаммурапи). Эти исследования проводились совместно с СПб. филиалом Института востоковедения РАН (В. А. Якобсон, Г. В. Лезин и др.).

Исключительно важными представляются исследования, посвященные созданию информационных технологий и программных систем для семантического анализа текстов на естественном языке (конкретно на русском языке). Основой этих исследований является подход, предложенный В. А. Тузовым, профессором СПб. государственного университета. В. А. Тузов принимает активное участие в этих исследованиях.

Отметим, что в рамках исследований по данной тематике продолжает разрабатываться компьютерная система: **Информационная система логико-семантического анализа текстов.**

Возможные области ее применения: автоматизация документооборота в управленческой деятельности; социально-экономический и социально-политический анализ текстовых потоков; автоматизированный анализ научно-технической документации и аннотирование.

4. Теория и методы моделирования и прогнозирования воздействия экономической деятельности на природную среду и экономика природопользования

Это направление находится фактически на стыке экономики и экологии (Г. П. Астраханцев, В. В. Меншуткин, Л. А. Руховец).

В СПб ЭМИ РАН накоплен большой опыт разработки математических методов и моделей для решения задач распространения загрязнений в природных водоемах, для определения реакции водных экосистем (прежде всего, экосистемы Ладожского озера) на изменение антропогенной нагрузки. Некоторые модели использовались в рамках реализации проекта СПб НЦ РАН «Невская губа» и российско-голландского проекта «Интегрированное управление водными ресурсами Санкт-Петербурга и Ленинградской области». Результаты моделирования с помощью перечисленных моделей включены в базу данных (базу «знаний») большой экоинформационной системы поддержки принятия решений по управлению водной системой Ладожское озеро—река Нева—Невская губа.

В настоящее время весьма актуальной является проблема разработки и применения экономических механизмов в задачах управления водопользованием. Для этого созданы экономико-математические модели функционирования предприятий-водопользователей.

В рамках данного направления создан **Комплекс математических моделей для решения задач рационального использования водных ресурсов больших озер Северо-Запада России.**

Более подробно познакомиться с работами сотрудников СПб ЭМИ РАН в области применения математических методов в гуманитарных и общественных науках можно по изданным институтом в период 2000—2005 гг. сборникам «Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Вып. I—IV.

В заключение автор благодарит за помощь в подготовке этой статьи сотрудников СПб ЭМИ РАН И. Н. Боголюбова, И. П. Воронцову, Г. В. Лезина, Т. Р. Минину, В. П. Федорова и Е. Б. Яновскую.

V. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Э. И. КОЛЧИНСКИЙ

НАУКА И КРИЗИСЫ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА*¹

До недавнего времени традиционные рассуждения о роли науки в эпоху глобальных кризисов, опиравшиеся в основном на философско-мировоззренческие постулаты, давали немало доводов как «за», так и «против» тезисов о пользе или вреде науки. В современной России, где положение науки и социальный статус ученого обычно оценивают как неудовлетворительные, стратегию будущего развития науки целесообразно выработать на базе исторического опыта как самой России, так и других великих научных держав, переживавших крупные социально-экономические и политические кризисы в своей истории.

В первые годы новой России обществом и правящей элитой был поставлен вопрос: «Насколько высокоразвитая наука необходима для нормального функционирования экономики России, обеспечения достойного уровня жизни ее населения и сохранения ею места среди великих держав?» Предшествующий исторический опыт, например Древнего Рима или нацистской Германии, казалось, дал однозначный ответ на подобные вопросы. Считалось, что без науки нет перспектив у современного государства, а религиозность и мистицизм, популярные на разных этапах европейской цивилизации, чаще всего были не знаком духовного возрождения того или иного политического строя, а предвестником его гибели. Не менее известно, что просциентистская политика империй Англии, Франции и Германии в конце XIX—начале XX в., а также современных США и Китая обеспечила быстрый прогресс во всех сферах общественного развития, экономическое процветание и военную мощь.

На самом же деле не все обстоит так просто и однозначно. Германия, обладавшая самой мощной наукой накануне первой мировой войны, потерпела поражение от стран Антанты. Высокий уровень развития науки и техники не спас от краха и национал-социалистический режим Германии во второй мировой войне. Советская наука, сыграв важную роль в модернизации России, в разгроме нацистской Германии, в сохранении военного паритета в гонке вооруже-

---

* Доклад был заслушан на заседании Объединенного научного совета 25 мая 2005 г.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-03-00067А.

ний в течение 40 лет, не только не обеспечила победу СССР в холодной войне, но и не уберегла его от распада.

Не случайно у многих в начале 1990-х гг. возникли вопросы: «Нужна ли России вообще фундаментальная наука?»; «В какой степени общество должно обеспечивать ее развитие?»; «Не дешевле ли и проще закупать новые технологии за рубежом?». На многие из этих вопросов и по сей день нет ответов, несмотря на признание властями необходимости иметь мощную отечественную науку и трехкратное увеличение бюджетного финансирования за последние пять лет.²

Для выяснения путей и способов выживания науки был проведен масштабный историко-сравнительный анализ кризисных ситуаций, в которых оказывалась наука разных стран начиная со времен Английской буржуазной революции вплоть до «культурной революции» в КНР. Результаты этого многолетнего исследования, проведенного историками науки из России, США, Германии, Китая и Японии, были изложены в коллективной монографии, посвященной влиянию кризисов на отношения науки, власти и общества,³ а также в ряде других книг и публикаций.⁴ Эти работы лежали в русле историко-сравнительных исследований науки разных стран, получивших широкое распространение в современной историко-научной литературе.⁵ Однако в сравнительном плане до сих пор анализировались или отдельные науки, например евгеника,⁶

² Научное сообщество остается недовольно существующей ситуацией и считает предпринятые меры недостаточными для существенного улучшения ситуации. Вот некоторые результаты проведенных нами исследований мнений научных работников в 2001 г. и руководителей лучших научных учреждений Санкт-Петербургского центра РАН весной 2005 г. На вопрос: «Как вы оцениваете состояние академической науки за последнее время?» в 2001 г. ответы распределились следующим образом: 1) Критическое — 20.8 %; 2) Тяжелое и без положительных тенденций — 27.7 %; 3) Тяжелое, но с положительными тенденциями — 26.2 %; 4) Нестабильное с неясными перспективами — 24.6 %; 5) Нормальное, хорошее — 0.8 %. Таким образом, только чуть больше четверти опрошенных в целом дали положительную оценку сложившейся ситуации. Еще более пессимистическими выглядели ответы руководителей научных коллективов в 2005 г. На вопрос: «Какие изменения произошли в науке за последние 4 года?», были получены следующие ответы: 1) Ухудшилось — 63.6 %; 2) Без существенных изменений — 27.2 %; 3) Улучшилось только в плане возрастания личной инициативы — 9.2 %.

³ Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2003.

⁴ Science and Ideology. A Comparative History / Ed. M. Walker. London; New York, 2003; Politics and Science in Wartime. Comparative International Perspectives on the Kaiser Wilhelm Institute / Ed. C. Sachse & M. Walker // Osiris. 2005. № 20; Дмитриев И. С. «Союз ума и фурий»: ученые в эпоху Французской революции // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 7—40; Колчинский Э. И. Биология Германии и России—СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб., 2007.

⁵ Так, Джозеф Бен-Дэвид попытался в результате сравнительного социального анализа развития науки в западных странах и СССР выяснить причины, благоприятствующие или препятствующие победе в конкуренции ученых разных стран (*Ben-David J. The Scientists Role in Society. A Comparative Study. Chicago; London, 1984*).

⁶ *Graham L. Between Science and Values: The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920s // American Historical Review. 1977. Vol. 83. P. 1135—1164; The Wellborn Science. Eugenics in Germany, France, Brazil and Russia / Ed. M. Adams. New York, 1990; Eugenics and the Welfare State. Sterilization Policy in Denmark, Sweden, Norway and Finland / Ed. G. Broberg and N. Roll-Hansen. East Lansing, 1996.*

или наука в целом в экстремальных условиях тоталитарных государств XX в.⁷ Мы же старались проследить кризисные ситуации, возникавшие при разных режимах, включая и либерально-демократические, со времен научной революции Нового времени.

Стратегии науки и власти в периоды кризисов

При всех отличиях в сложных и противоречивых событиях, разворачивавшихся на протяжении более трех столетий в различных социально-культурных условиях, анализ происходящих событий и путей выхода науки из кризиса проводился в рамках общих теоретических установок. В первую очередь нас интересовали следующие вопросы: 1. Что такое кризис? 2. Как ведет себя власть по отношению к науке во время кризиса? 3. Как ведет себя научное сообщество во время кризиса?

В поисках ответов на эти вопросы мы пришли к выводу о том, что когда говорили и продолжают говорить о кризисном состоянии науки в России, фактически имеют в виду слом прежних отношений между учеными, обществом и властью. До недавнего времени в рамках симбиоза государства и научного сообщества власти СССР стремились использовать ученых для получения знаний, для развития экономической и военной мощи, для идеологического оправдания своей политики, для повышения международного престижа. Ученых использовали как экспертов при принятии важных экономических и социально-политических решений. Вместе с образованием наука составляла единую систему, от которой зависело воспроизводство интеллектуальных ресурсов советского государства, всей его инфраструктуры, включая аппарат управления, систему здравоохранения, экономику и т. д. В свою очередь, ученые считали свою работу исключительно важной для государства, которое было единственным заказчиком и предоставляло в их распоряжение огромные материально-финансовые ресурсы для осуществления научных проектов.

Подобная модель взаимоотношения науки и власти обычна в периоды, требовавшие максимальной мобилизации ресурсов. Со времен Реформации, когда наука стала социальным институтом, именно она нередко реализовалась во время крупных социально-политических и экономических потрясений, войн, обострения геополитической ситуации и т. д. С тех пор наука и власть были тесно связаны. Сильное государство стремилось иметь передовую науку, а власть, не уверенная в своем будущем, не желала вкладывать средства в проекты, не сулившие быстрой прибыли, рассчитывая на спасение благодаря причудливым смесям архаичных форм религии, философии и политических доктрин. Кризисные моменты в жизни государства и общества вынуждали власть и ученых искать новые формы взаимодействия. Нередко поиски сопровождались гибелью целых научных направлений и их создателей.

В периоды кризисов научные учреждения всегда пытались получить результаты при минимуме затраченных средств ценой индивидуального напря-

---

⁷ Terroristischen Diktaturen im 20. Jahrhundert / Hg. M. Vetter. Opladen, 1996; *Josephson P.* Totalitarian Science and Technology. New Jersey, 1996; Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison / Ed. I. Kershaw, M. Levin. Cambridge, 1997; Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Hg. D. Beyrau. Göttingen, 2000; и др.

жения ученых. Такую модель можно характеризовать как мобилизационную.⁸ В Советской России она формировалась в период между двумя мировыми войнами, когда от революций и гражданской войны страна перешла к ускоренной модернизации, а затем ценой огромных потерь одержала победу над нацистской Германией, растратив огромные экономические и интеллектуальные ресурсы в гонке вооружений. В течение нескольких десятилетий СССР удавалось вести ее на равных с США, прежде всего благодаря жесткой централизации и максимальной мобилизации всех сфер производства, включая науку.

Было бы неверно трактовать кризис только как крах системы. Нередко он был проявлением болезни роста, вел к перестройке ранее существовавших отношений и ликвидации отставших форм. Как и в медицине, кризис общества мог означать переломный момент в «тяжелой болезни», ведущей к выздоровлению. История любого государства есть непрерывная цепь экономических, социально-политических, финансовых и культурно-идеологических кризисов различного масштаба. В условиях так называемых глобальных кризисов человечества, цивилизации или культуры в науке нередко усматривали одну из их причин. Так многие оценивали науку после первой мировой войны.⁹ Другие продолжали в ней видеть надежду человечества. Именно прометеевская вера коммунистических вождей в возможности науки побуждала их к организации новых научных учреждений, вузов и кафедр в таких масштабах, о которых ученые в других странах не могли тогда даже мечтать.¹⁰

Рассмотрение науки как социального института в кризисной динамике общества, власти и государства позволяет лучше понять механизмы ее преобразования и мотивы поведения отдельных ученых, их групп и научного сообщества в целом. Ученые, действия которых нередко способствовали началу социально-политических и экономических преобразований, приводивших к кризису, всегда были втянуты в водоворот происходящих событий и одними из первых страдали от кризисов, так как власть и общество в эти периоды, как правило, не желали довольствоваться прежними формами организации научных исследований и их практической эффективностью. В поиске новых форм взаимоотношений науки и государства каждая из сторон старалась с максимальной выгодой для себя использовать неустойчивость ситуации. Государство обычно руководствовалось утилитарными соображениями военно-оборонного, социально-экономического или идеолого-политического порядка.

Существовало по крайней мере два типа кризисов, и соответственно были разные способы их разрешения. Первый тип связан с кризисной ситуацией в обществе в целом, вызванной природными катаклизмами, крупномасштабным экономическим спадом, многолетней войной и т. п. В этих случаях требовалась

---

⁸ *Grunden W., Kawamura Yu., Kolchinsky E., Maier H., Masakutsu Ya.* Laying the Foundation for Wartime Research: A Comparative Overview of Science Mobilization in National Socialist Germany, Japan and Soviet Union // *Osiris*. 2005. Vol. 20. P. 79—106; *Колчинский Э. И.* Академия наук СССР и вторая мировая война // *На переломе*. Вып. 3. Отечественная наука в конце XIX—XX веков: источники, исследования, историография / Ред. Э. И. Колчинский и М. Б. Конашев // *Нестор*. 2005. № 9. СПб., 2005. С. 313—328; *Kolchinsky E. I.* Science Mobilization in the Soviet Union // *Historia scientiarum*. 2006. Vol. 16. N 1. P. 15—28.

⁹ *Шпенглер О.* Закат Европы / Под ред. К.А. Свасьяна. Новосибирск, 1993.

¹⁰ *Академическая наука в Санкт-Петербурге* // Отв. ред. Ж. И. Алфёров. Ред.-составители Э. И. Колчинский и Э. А. Тропп. СПб., 2003. С. 361—398.

максимальная мобилизация всех ресурсов для сохранения государства. Главные усилия науки направлялись на достижение общенациональных целей, и исследования носили преимущественно прикладной и довольно узкий характер, а результаты пытались получить при минимуме затраченных средств и сил ценой индивидуального напряжения ученых. Второй вариант связан с кризисом власти, сменой правительства, разрушением ранее существовавших государственных структур, а иногда — сменой государственного и экономического устройства в ходе революционных потрясений и гражданских войн. В этих случаях кризис затрагивал основы взаимоотношений между государством и наукой и само ее положение в обществе. Нередко власть предпринимала меры по созданию «идеологически корректной науки», в которой бы открыто признавалась верность власти, ее политике, идеологии и философии.¹¹ Однако чаще все ограничивалось сокращением или увеличением финансирования конкретных научных исследований, трансформацией или закрытием прежних научных учреждений, открытием новых.

Особое место занимали внутренние кризисы в самой науке, например «кризис в физике» в начале XX в., связанный с ломкой научных понятий. После знаменитой работы Т. Куна подобные кризисы, ведущие к смене парадигм, оцениваются как закономерное явление в истории науки.¹² Понятно, что здесь кризис — это этап развития самой науки. Общество и государство он волнует лишь с идеологической стороны, а также в том случае, если какая-либо отрасль науки перестает давать ожидаемые результаты.

Крупномасштабные кризисы нередко были исходными моментами в становлении новых форм организации науки. Пересмотр взаимодействия науки, общества и власти, сопровождаемый порою репрессиями против несговорчивых ученых и ликвидацией отдельных структур, завершался выработкой новых конфигураций их отношений, форм организации науки, изменением общественного статуса ученых, модификацией тематики и языка научных исследований, ритуалов научных мероприятий, традиций и этики научного сообщества. Новые взаимоотношения не всегда оказывались долговечными. Нередко новая форма организации науки таила в себе зародыши других более глубоких кризисов. В условиях идейно-политического контроля со стороны государства борьба идей приобретала идеологический и политический оттенок; разрешение внутринаучных конфликтов шло с привлечением властных структур, но навязываемые ими решения научное сообщество принимало чисто внешне, и мнимая стабилизация была чревата новыми кризисами.

Вопросы общественно-политической ориентации, социального статуса, профессиональной деятельности, образа жизни, эмоционально-психологического состояния и менталитета интеллигенции в целом, и научной интеллигенции в частности, оказывались особенно важными для изучения действующих сил в кризисные периоды развития государства. В силу своего положения в обществе ученые неизбежно участвовали в решении актуальных социально-экономических и политических проблем. Научная интеллигенция, воспринимая себя как носителя национального разума, способного дать рациональные фор-

---

¹¹ *Gordin M., Grunden W., Walker M., Zuoyue Wang.* «Ideologically correct» science // *Science and Ideology. A Comparative History* / Ed. M. Walker. London; New York, 2003. P. 35—65.

¹² *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1967.

мы общественной жизни, всегда претендовала на активное участие в управлении государством и выработке стратегических решений. Между двумя полюсами в интеллигенции, олицетворявшими эту власть и противостоявшими ей, были многочисленные группы, различавшиеся по политическим симпатиям и нравственным убеждениям, социальным ориентирам. В поведении научной интеллигенции наиболее ярко выражено личностное отношение к событиям, поскольку происходящее не только прямо связано с их материальным положением и социальным статусом, но и с нравственным самосознанием, миром моральных и этических ценностей.

Научная интеллигенция в кризисные периоды всегда стремилась решить на первый взгляд трудно совместимые задачи: с одной стороны, усилить свою профессиональную независимость, а с другой — получить большую финансово-материальную поддержку от властей и обеспечить приток талантливой молодежи в науку. А власть за предоставляемые ресурсы требовала не только, а иногда и не столько практических результатов, сколько идейно-политической поддержки.

Примеры из истории главных «научных» стран (Англии, Франции, России, Германии, Японии, США и КНР), когда они находились в состоянии остро выраженных или перманентных кризисов, позволяют проследить основные сценарии разрешения кризисных ситуаций в развитии отношений науки, государства и общества, обусловленных кризисом общества в целом, а иногда локальными кризисами власти, природными катастрофами, временными спадами в экономическом и политическом развитии страны. Сравнительный анализ критических ситуаций в разных странах дает возможность исследовать причины, благоприятствовавшие или препятствовавшие развитию науки уже в ходе ее институционализации и социализации в Новое время, когда шел поиск первоначальных форм отношений между наукой и государством.

Кризисы Нового времени и институционализация науки

Институционализация науки начиналась в условиях глобального, социально-экономического, идейно-политического и духовного, кризиса, сотрясавшего страны Западной Европы в эпоху религиозной Реформации и многолетних религиозных войн, усиления влияния инквизиции и церковной цензуры, первых буржуазных революций и укрепления абсолютизма. Характерному для средневековой науки непререкаемому авторитету учителя-мудреца, комментировавшего античных авторов и отцов Церкви, новая наука противопоставляла авторитет коллектива равных исследователей; умозрительным выводам схоластики — экспериментально-дедуктивный метод познания природы, а классической латыни — национальные научные языки, формировавшиеся на фоне роста национального самосознания и расцвета национальных культур. Укрепление национальных государств заставляло ученых искать покровительство власть имущих, которым было необходимо объяснять значение науки для развития экономики и роста военного могущества.

В этих условиях прежние формы взаимоотношения науки и власти, при которых покровительство оказывалось отдельным ученым, были явно недостаточными. Ученые стремились к созданию общественных, а не частных учреждений, убедившись в неустойчивости последних. Возникла потребность в объ-

единениях, выражавших в той или иной степени корпоративные интересы всего научного сообщества. Центрами консолидации ученых не могли служить университеты, отягощенные средневековыми традициями схоластических споров, конкуренцией профессуры за учеников, непримиримой борьбой различных школ и течений. Функцию объединения ученых взяли на себя первые научные журналы и академии, которые вырастали обычно из неформальных частных кружков ученых-энтузиастов нового естествознания и впоследствии формализовались как научные общества или академии, получив название королевских или национальных.¹³ При этом новые институты стремились сохранить первоначальную независимость от государственной власти, хотя наряду с общечеловеческими целями развития науки все они ставили перед собой задачи способствовать росту благосостояния и могущества своего государства.

Научное сообщество Англии в период Революции и Реставрации

В Англии, пережившей в течение полувека Великий мятеж (1642), гражданские войны (1642—1646, 1648), казнь короля Карла I (1649), протекторат О. Кромвеля (1653—1658), реставрацию Стюартов (1660) и «славную революцию» (1688), ученые учредили в 1660 г. Лондонское общество, вырабатывая впервые регламентированные формы взаимодействия научной корпорации и власти. Они были убеждены, что познание природы лучше всего осуществлять в формальных, организованных учреждениях, находящихся под покровительством монархов. Причины появления нового института коренились не столько в науке, сколько в общей ситуации в Англии.

В стране, где все устало от «борьбы всех против всех» и от полного беззакония во имя «индивидуальной свободы и всеобщего счастья», ученые начали поиск идеологически безопасных, умеренных доктрин и методологий, которые ни при каких условиях не могли бы стать источником непримиримой идейной борьбы и расколов, а в конечном счете социальных потрясений. Много сил они потратили на получение привилегированного статуса, обеспечивавшего Обществу гарантию различных прав. Жажда признания со стороны власти и общества, стремление к формальной структуре обуславливались, по словам первого секретаря Общества Г. Ольденбурга, требованием постоянства и желанием «учредить свой Институт навеки».¹⁴ Для этой цели президентом Общества был избран лорд У. Броункер, бывший в 1663 г. канцлером. Члены Общества были уверены, что их стремление играть общественную роль будет вознаграждено. Существовали иллюзии, что благодаря финансовой поддержке короля и частным пожертвованиям планы Общества будут реализованы, способствуя укреплению чести и величия короля, истинной пользе страны и, конечно же, общему благу человечества. Здесь сказалось влияние Ф. Бэкона с его видением совместной работы ученых, «занимавшихся в Соломоновом доме „Новой Атлантиды“» реформой знаний путем индукции, а также реализации его проекта «History of Trades».

¹³ Копелевич Ю. Х., Ожигова Е. П. Научные академии стран Западной Европы и Северной Америки. Л., 1989. С. 8—56.

¹⁴ Hunter M. The First Steps in Institutionalization of the Royal Society of London / Ed. T. Frandsmyr // Solomon House Revized: The Organization and Institutionalization of Science (Nobel Symposium 75). Cantom (Mass.). Science History Publication. USA. 1990. P. 13—30.

Членам Королевского общества пришлось быстро избавиться от иллюзий, связанных с верой в популярность науки. Большинство современников относилось с апатией или насмешкой к заявлениям ученых о государственной важности их исследований. Другим бедствием для Общества была враждебность к нему Церкви и Медицинской коллегии, которые обвиняли его в подрыве основ религии и дурном влиянии на молодежь. Университетская профессура, погрязшая в схоластике, не воспринимала экспериментальный метод. Появились памфлеты на ученых, занимавшихся «взвешиванием воздуха» и «измерением ветра», а их дискуссии описывали, как столкновения между сторонниками разбивать яйцо с острого или тупого конца. Подозрение вызывал подчеркнутый космополитизм членов Общества, в котором усматривали претензии на мировое господство. Сам лозунг Ф. Бэкона «Knowledge itself is power», переводимый на русский язык обычно «знание — сила», по-английски звучал более двусмысленно, означая также «знание — власть».

Приходилось не только защищаться, но и приспосабливаться к требованиям со стороны общества. В этих условиях стратегиями формирующегося научного объединения стали:¹⁵ 1) создание внеуниверситетских, общественных, корпоративных объединений, пользовавшихся поддержкой широких слоев (самых ученых в Обществе было меньше трети, а большинство составляли лорды, бароны, торговцы); 2) борьба за получение привилегированного статуса и покровительство властей, рассматривавших познание «природы» как разновидность коллекционной деятельности и коммерциализирующегося досуга; 3) поиск идеологически безопасных, умеренных доктрин и методологий, совместимых с теологией и пуританизмом; 4) упор на коллективную экспериментальную деятельность, направленную на получение общезначимых результатов, т. е. усовершенствование умозрительного знания при помощи технических и механических операций; 5) риторика служения общественному благу, практическим потребностям государства (обещания новых технологий, новых земель); 6) игра на военных и национальных амбициях; 7) поиск многообразных источников финансирования (членские взносы, частные пожертвования, редкие правительственные субсидии).

Положение Общества при дворе — центре власти, влияния и возможном источнике государственного финансирования — было нестабильным, хотя в 1662 г. Карл II издал хартию, в которой назвал Общество королевским, а еще через год — вторую хартию, объявившую короля его «основателем и патроном», но денег не давал, не ожидая быстрых практических результатов.¹⁶ Гораздо больше внимания Карл II уделял прикладным наукам, занимавшимся проблемами усовершенствования артиллерии, фортификаций, кораблестроения, картографии. Государственное финансирование на научные исследования шло в основном в Артиллерийский приказ, Военно-морское ведомство, Монетный двор и т. д., в которых за два десятилетия в несколько раз увеличились штаты математиков, физиков и инженеров. В итоге не столько экспериментальный метод Р. Бойля, сколько соединение фундаментальной математики с физикой и инженерными задачами дали великую английскую науку XVIII—XIX вв.,

¹⁵ *Дмитриев И. С.* Чисто английская наука (природознание в посткризисном социуме) // Наука и кризисы. М., 2003. С. 26—121.

¹⁶ *Schaffer S.* Wallification: Thomas Hobbes on School Divinity and Experimental Pneumatics // *Studies in the History and Philosophy of Science.* 19 (1988). P. 294—295.

символом которой стал И. Ньютон.¹⁷ Для него геометрия и оптика были частью общей механики, механика земная и механика небесная подчинялись одним и тем же законам, установленным Творцом. Так был реализован союз теологии, утилитаризма и естествознания на базе политически нейтральных методологий, приемлемый для пуританского сообщества. В нем укоренилась также вера в возможность комбинаторно-калькирующего дискурса во всех сферах знания, включая мораль, этику и политику. В свою очередь, у научного сообщества медленно вызревало понимание более широкой задачи науки, чем простой сбор информации и отбор достоверного знания путем коллективного обсуждения и публичной экспериментальной проверки.

Создатели Королевского общества не были повинны в широко пропагандируемом впоследствии лозунге о необходимости науки быть свободной от власти. Отсутствие государственного финансирования они воспринимали скорее как угрозу для выполнения «великой задачи постижения природы и замыслов Творца». Вероятно, они не желали иметь чисто профессиональное учреждение и искренне верили в значение добровольцев, дополнявших усилия профессионалов. В то же время помощь короля казалась им важной, и они были бы счастливы пожертвовать своей независимостью ради финансирования. Но им пришлось выживать со скудными средствами. И это было первым уроком, усвоенным первой научной организацией, возникшей в условиях политико-социального кризиса.

Другим уроком стало понимание возможностей научной организации. До этого существовали различные спекуляции о роли организации в научной работе. Многие из них были порождены стремлением к общественно-значимой, организационной роли в научных исследованиях. Считалось, что Общество будет вести научную корпоративную работу, а не только обсуждать, оценивать и поощрять исследования, проводимые в других местах. Характерно было и предложение сделать все инициативы Общества формальными, организованными и всесторонними. Отсюда исходила идея пересмотреть все уже написанные книги по соответствующим предметам, чтобы отобрать точно зафиксированные природные явления и проверенные эксперименты.

Все эти стремления были порождены духом институционализации; они отражали веру в то, что от постоянно действующей организации можно требовать различного рода инициатив, прежде проявлявшихся менее формально. Реально же шло обучение, и организаторы Общества узнавали, что методы, желанные в теории, оказались недейственными на практике. Даже в корпоративной организации полнота знаний была недостижима, а попытка собрать информацию со всех фронтов науки влекла за собой опасность погибнуть под массой разнообразных и практически бесполезных сведений.

В результате пришло осознание необходимости отбора фактов и знаний в рамках программы конкретного исследования. Стало более ясно, что достижимо для корпоративных целей путем сотрудничества отдельных лиц. Королевское общество выигрывало от знаний и методов, которые предоставляли в его распоряжение частные лица. Эти лица получали, в свою очередь, дополнительный престиж, работая с одобрения общественной организации, которая — пусть даже символически — являлась главным научным учреждением страны. Были заложены основы и других функций, позже выполняемых научными ин-

---

¹⁷ *Дмитриев И. С.* Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи. СПб., 1999.

ститутами: обмен информацией и идеями в виде научной переписки; издание журнала, аккредитация ученых, проведение экспертизы их работ. Общество узнало, что наиболее эффективные пути достижения научного прогресса состоят не в замене личных усилий корпоративным мероприятием, но в коллективном использовании их. Демонстрации опытов на собраниях Общества заменились отчетами и обсуждением работ, проведенных в других местах.

В целом Лондонское Королевское общество доказало, что организованное и формализованное познание природы имело преимущество перед чисто индивидуальным и любительским. Но пришлось на собственном нелегком опыте установить пределы возможности научной организации, лишенной стабильной государственной поддержки. Отсутствие ее отчасти объяснимо тем, что для английских ученых, как уверял историк Общества Ч. Р. Уэлд, было неприемлемо, чтобы выборы утверждались королем. Дефицит средств был настоящим бедствием для Общества вплоть до конца XVIII в. Основным источником средств оставались членские взносы, которые поступали нерегулярно, были скудными, и их хватало лишь на оплату небольшого персонала, на инструменты и другие расходы на опыты, на издание журнала. О жалованье не могли мечтать даже блестящие ученые. Только к концу XVII в. стали поступать значительные частные пожертвования, за счет которых Общество в 1710 г., по инициативе Ньютона, бывшего с 1703 по 1727 г. его президентом, приобрело дом на Флит-стрит, а также устраивало курсы публичных лекций выдающихся ученых и присуждало медали за успехи в экспериментальной науке. Из-за недостатка средств приходилось поощрять расширение состава за счет богатых дилетантов и любителей, что неизбежно снижало уровень требований к членам.

Столетие спустя Общество стало получать правительственные субсидии — на дорогостоящие экспедиции, постройку обсерваторий, аренду помещений и т. п. В недрах Общества в 1799 г. возник Королевский институт на средства пятидесяти восьми семейств землевладельцев и промышленников, лаборатории Института стали ведущими лабораториями Англии, в них работали многие члены Общества — принадлежность к Обществу обеспечивала им обсуждение и публикацию результатов их исследований. В первой половине XIX в. члены Общества заняли ведущие в мире позиции в области естественной истории, а в конце XIX в., во время промышленной революции в Англии, особое значение приобрели исследования по физике и химии.

Все возрастающий объем финансовых поступлений позволил Обществу в XIX в. значительно сократить прием новых членов, повысив требования к кандидатам. В середине XIX в. был создан «Фонд пожертвований», который мог расходоваться Обществом по его усмотрению, и, кроме того, поступали пожертвования с определенным назначением. Финансовая стабилизация позволила Обществу играть роль главного научного центра страны. С возникновением международных научных организаций Общество, вместе с гуманитарной Британской Академией, созданной в 1902 г., стало представлять в них науку Великобритании. Благодаря стабильности и эффективности своей многовековой деятельности Общество послужило образцом для создания подобных объединений в США, Канаде, Ирландии, Нидерландах, Норвегии и других странах.

Таким образом, Общество изначально вынуждено было позиционировать себя как любительскую, общественную организацию, что позволило ему постепенно завоевать авторитет, не связывая себя напрямую с правительством и находясь в стороне от политической борьбы.

Самоорганизация науки в США

Первые научные объединения в американских колониях Великобритании создавались всегда без расчета на поддержку со стороны правительства, и их учредители изначально преследовали лишь цель собирать любителей научного знания для чтения докладов и дискуссий по вопросам морали, политики и естествознания.¹⁸ На подобных собраниях преобладал «чистый дух истины».¹⁹ Стремление к широкому объединению естествоиспытателей привело Франклина к созданию в 1743 г. Американского философского общества, соединившегося в 1769 г. с Американским обществом полезных знаний в Филадельфии. Новое общество, подобно Лондонскому, было частным предприятием. Оно существовало на средства от взносов своих членов и получало от ассамблеи штата лишь небольшие субсидии.

Война за независимость американских колоний (1775—1783) способствовала активизации научных сил. В Бостоне в 1780 г. возникла Американская академия искусств и наук, в организации которой активно участвовали профессора Гарвардского университета. В Хартии, полученной Академией от правительства штата Массачусетс, видно стремление превратить ее в общенациональную. Перед ней ставилась задача всестороннего изучения Америки, ее природных богатств, возможностей их практического применения. Не забыта была риторика текущего дня. Деятельность Академии должна была служить «интересам, чести, достоинству и счастью свободного, независимого и доблестного народа».²⁰

В конце XVIII в. научные общества и академии стали возникать и в других штатах. Это становилось престижным делом, хотя часть из них просуществовала недолго. Наряду с обществами и академиями, включавшими обширный комплекс естественных наук в их натурфилософском истолковании, в различных городах возникали специализированные общества — медицинские, агрономические, химические и др. Дж. Вашингтон, лоббируя интересы Филадельфийского общества развития сельского хозяйства, почетным членом которого он состоял, предложил создать единое национальное агрономическое общество, указав конгрессменам, что подъем сельского хозяйства — важнейшая государственная задача. После долгих дебатов предложение было отвергнуто из-за нежелания тратить федеральные средства на науку. Подобные общества начали возникать в XIX в., но на иной основе — как добровольные частные организации. К середине XIX в. в разных штатах существовало около 1000 естественнонаучных и специализированных обществ, занимавшихся в основном изучением местной природы и внедрением научных достижений в мануфактуру, сельское хозяйство, торговлю. Кроме того, было зарегистрировано 30 объединенных научных обществ, или академий, и издавалось несколько общеамериканских научных журналов.²¹

С укреплением федерального правительства, экономической независимости США и ростом национального самосознания обозначилась тенденция к

¹⁸ *The Pursuit of Knowledge in the Early American Republic: American Scientific and Learned Societies from Colonial Times to the Civil War* / Ed. F. Olson, Brown S. G. Baltimore; London, 1977.

¹⁹ *Franklin B.* The Autobiography. New York, 1896. P. 77.

²⁰ *Bates R.* Scientific societies in the United States. New York, 1958. P. 10.

²¹ *Ibid.* P. 60.

консолидации интеллектуальных сил. Возникла потребность в создании общенационального научного объединения. В 1844 г. недолго просуществовавший Национальный институт содействия науке созвал первый в США научный конгресс. В 1846 г. в Вашингтоне был основан Смитсоновский институт — так был назван комитет по управлению крупным фондом, завещанным английским химиком Дж. Смитсоном на развитие фундаментальных исследований. Вскоре, в 1848 г., образовалась другая общенациональная организация — Американская ассоциация развития науки. Федеральное правительство начало финансировать экспедиции в отдаленные и труднодоступные районы, исследовательские партии для поиска полезных ископаемых. Однако в его научных мероприятиях господствовал дух практицизма, иногда весьма ограниченного, мешавшего поддерживать даже выдающиеся изобретения, такие, например, как колесный пароход Р. Фултона, а тем более фундаментальные исследования с неясными перспективами практического использования.

Гражданская война (1861—1865) усилила потребность в общенациональной академии. Необходимость научно-технических консультаций, связанных с военными действиями, стала для федерального правительства стимулом к ее созданию. Уже в начале войны возникли временные комитеты ученых-экспертов, а при морском ведомстве была создана постоянная научная комиссия во главе с Дж. Генри. Она стала инициатором учреждения Национальной Академии наук — немногочисленной оперативной организации, которая оказывала помощь правительству в решении вопросов, связанных с наукой. Для решения прикладных задач создавались временные комитеты, осуществлявшие экспертизы и консультации по научным проблемам правительственных учреждений. За консультации и услуги правительству Академия не должна была получать никакой награды.

Примечательно, что главной целью Национальной Академии наук США объявлялась «абстрактная наука», хотя само ее создание было тесно связано с утилитарными задачами переживаемого кризиса. В выборе направления исследований Академия должна была ориентироваться на проблемы, информация о которых была «желательна правительству».²² Хотя члены Академии не получали жалованья, они должны были приносить присягу верности правительству и Академии. Политической задачей Академии было способствовать утверждению идеи американской независимости, вхождению США в число развитых государств. Средства Академии ограничивались членскими взносами, небольшими правительственными субсидиями и частными пожертвованиями. Начиная с 1871 г. фактическим местом работы Академии стал Вашингтон. Хотя в среде ученых создание Национальной Академии наук США было встречено с удовлетворением и надеждами, отклики широкой печати были скептическими и ироническими. Демократическое общество не могло смириться с появлением в науке «аристократии пятидесяти». Сообщение же в Лондонском Королевском обществе о создании Академии в бывшей колонии встретили смехом — настолько абсурдной показалась присутствовавшим идея ее основания среди «неотесанной дикости».²³

В период между окончанием гражданской войны и до первой мировой шло сближение научных обществ и исследовательских организаций универси-

---

²² Ibid. P. 80—81.

²³ Ibid. P. 78.

тетов. Возникали новые формы научных объединений — правительственные и промышленные лаборатории, частно-промышленные институты. Вошло в практику субсидирование из частных фондов. В 1902 г. на средства владельца стальных и железнодорожных компаний был создан Институт Карнеги, в 1913 г. — фонд Рокфеллера. Делом государственной важности, совершенным Академией в этот период, была организация в 1878 г. Геологической службы США, объединившей учреждения из разных районов страны, а также атлантические и тихоокеанские береговые службы. Цель объединения заключалась в подготовке геологической и географической карты США, основанной на астрономо-геодезической съемке. На этот раз Академия выполняла прямое поручение конгресса.

В период бурного промышленного роста США задачи Академии были более тесно связаны с государственными учреждениями. Множились комиссии и комитеты. Все чаще оказывались консультации правительству. По признанию президента Британской ассоциации развития науки Л. Плейфера в 1885 г., в сближении науки с задачами государственных органов США явно опережали все европейские страны. Вместе с тем за 50 лет своего существования Академия подготовила всего 32 доклада правительству.²⁴ Среди поручений правительства встречались частные и малозначительные, например был создан комитет по прочности краски на армейских ранцах. Одним из органов, в который вместе с Академией были вовлечены многие правительственные, промышленные и научные учреждения, была созданная в 1908 г. Конференция по сохранению природных ресурсов.

В то же время в Академии существовало мнение, что ее нельзя превращать в государственный «департамент», что она должна сохранить статус частной корпорации, состоящей в доверительных отношениях с правительством как его советник и консультант.²⁵ К этому времени американская наука имела большие достижения; притом, говоря о фундаментальных исследованиях, следует отметить, что поддержка со стороны правительства была ничтожной,²⁶ при довольно щедром финансировании прикладных изысканий. С начала XX в. стали широко практиковаться частные пожертвования на науку; например, Джон Д. Рокфеллер в 1901 г. основал Институт медицинских исследований.

С увеличением числа всевозможных правительственных научных бюро, потребность правительства в помощи со стороны Академии явно сокращалась. Часть ученых, обеспокоенная потерей своего влияния на властные структуры, ратовала за превращение Академии в единый орган по руководству наукой. Они подчеркивали исключительное положение Академии в американской науке прежде всего потому, что это единственная научная организация, имеющая общенациональный, общеамериканский характер и представляющая страну на международной арене.

Первая мировая война вновь вызвала острую потребность правительства в органе, концентрирующем и координирующем научную деятельность в стра-

²⁴ True W. A History of the First Half-Century of the National Academy of Sciences. 1863—1913. Washington, 1913.

²⁵ Волков Г. В. Национальная академия наук в США: Структура и финансирование. М., 1971. С. 152—153.

²⁶ Cochran R. P. The National Academy of Sciences. The First Hundred years. 1863—1963. Washington, 1978. P. 62.

не.²⁷ Вместе со Смитсоновским институтом Академия в 1916 г. создала Национальный исследовательский совет во главе с лидерами научного сообщества США Р. Милликэном и Дж. Хейл. Совет мог широко привлекать научные силы страны к решению задач военного времени, например к разработке мер борьбы с немецкими подводными лодками, к усовершенствованию радиосвязи, созданию химического оружия, методов аэрофотосъемки, производства оптического стекла. Академия выполняла поручения военного, морского и других ведомств, а также проводила важнейшие теоретические исследования. Но Национальный исследовательский совет стал своего рода «мускульной рукой» для Национальной Академии наук, так как университетские профессора работали в его подкомитетах в качестве частных экспертов, а не как представители своих университетов. Это было не в малой степени связано с тем, что профессорский корпус в целом был против участия США в войне, а также участия университетов в военных исследованиях. Тем не менее успешная работа Совета ознаменовала становление американской модели союза науки, власти и большого бизнеса.²⁸ По мнению американских историков, эта модель представляла нечто среднее между английской и немецкой, на которой мы подробнее остановимся ниже.

Таким образом, ученым США каждый раз удавалось использовать переживаемый страной крупный военно-политический кризис для укрепления своих позиций в обществе и налаживания отношений с правительством. Практицизм американских властей побуждал их в минуты наивысшего напряжения наций обращаться к научному сообществу, идя навстречу их планам институционализации науки в общенациональном масштабе. При этом укреплялись и личные отношения представителей политических и интеллектуальных элит. Ученому сообществу США удалось в конечном счете обрести государственную поддержку при сохранении независимости и плюрализма финансирования. Это обеспечило и конкурентную среду, и отдаленность от бурных политических событий. Иная судьба была у научных учреждений, созданных властью в странах континентальной Европы.

*Трагический путь французской науки от элитаризма
к эгалитаризму и практицизму*

Во Франции создание научных учреждений также происходило в период стабилизации в стране после затяжного кризиса религиозных войн XVI в., но здесь институционализация науки изначально шла под покровительством властей.²⁹ Французской академии, основанной по инициативе кардинала Л. Ф. Ришелье в 1635 г., жестко регламентировали задачи, предписывая вопросы религии решать только с разрешения Церкви, а вопросы политики и морали излагать в согласии с требованиями властей и законами государства. Тридцать лет спустя усилиями министра Ж. Б. Кольбера была создана Академия наук (1666). Здесь власть также взяла на себя инициативу, так как в стране не было

²⁷ Gruber C. S. Mars and Minerva: World War and the Uses of the Higher Learning in America. Baton Rouge, 1975.

²⁸ Koistinen P. The Military-Industrial Complex: A Historical Perspective. New York, 1979.

²⁹ Копелевич Ю. Х., Ожигова Е. П. Научные академии... С. 264—278.

достаточного количества состоятельных людей, заинтересованных в науке и готовых финансировать исследования в надежде получить от них какую-либо пользу.

Все французские академии были королевскими, получая из казны небольшие субсидии на содержание немногочисленного персонала, на книги, приборы, издания и на выплату небольшого жалованья для трети академиков. Академики, как правило, занимали должности при дворе и в различных ведомствах, были профессорами учебных заведений, видными врачами или просто обеспеченными людьми. Они осознавали свою зависимость от двора и стремились среди множества возникавших научных обществ удержать за собой место высшего научного органа, сохранить монополию на разработку теоретических основ наук, на экспертно-патентную деятельность. Эта монополия академий и их близость к власти встречали все возраставшее недовольство со стороны людей, считавших себя также учеными и изобретателями, но не получивших одобрения со стороны титулованных ученых.

Это недовольство сильно сказывалось на всей духовной атмосфере предреволюционной Франции, представлявшей собой причудливую амальгаму сциентистско-просветительского мировоззрения с оккультными и мистическими представлениями. Критика религии и агрессивный скептицизм существовали вместе с верой в алхимию, астрологию, чудеса и знамения, каббалу и дьявола. Отношение к науке и ее институтам было крайне неоднородным. Если одни видели в ней гаранта прогресса, то другие полностью отрицали ее ценность. Очень популярным был антисциентизм Ж. Ж. Руссо, уверявшего, что все отрасли знания порождены пороками: астрономия — суеверием, физика — праздным любопытством, арифметика — жадностью и т. д., а сама наука — плод человеческой гордыни, так как человек, близкий к природе, якобы, знает больше любого мудреца.³⁰ Его последователи указывали на схоластику университетского образования, на абстрактность тем в академиях, разрабатываемых десятилетиями и не связанных с социальными потребностями, практикой и национальными языками. Труды академиков казались многим бесполезными причудами изошренного ума интеллектуалов. В учении Г. Бабефа среди занятий, полезных для будущей республики «равных», преподавательская и научная деятельность стояла на последнем месте и допускалась лишь в пределах, необходимых для обеспечения крестьянского и ремесленного труда.³¹

Королевская наука испытывала все усиливавшийся натиск политических движений, поднявшихся против абсолютизма, а заодно и против академий с их корпоративностью, элитарностью, претензиями на монополию истины. Неприемимые критики академий типа «друга народа» Ж. Марата, который не мог смириться с неудачей своей «научной» карьеры,³² выступали против оценочных норм в науке как подавлявших творческую индивидуальность. Многочисленные статьи, брошюры и памфлеты были направлены против «аристократов духа». Самим академикам стало сложнее сохранять старые принципы и независимость от настроений в обществе. Академии раскололись на сторонников и противников короля. Все это привело к тому, что в ходе кризиса, порожденного Великой французской революцией, под сомнение было поставлено само суще-

³⁰ Цит по: *Огурцов А. П.* Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993. С. 91.

³¹ Там же. С. 189.

³² *Цверева Г. К.* Марат как естествоиспытатель // *Природа*, 1988. № 4. С. 97—103.

ствование науки и даже предпринимались попытки ее ликвидировать как профессиональную отрасль, сделав общенародным делом.

Путь сотрудничества с новой властью выбрали многие академики: химики К. Л. Бертолле, А. Лавуазье, его ученики А. Фуркруа и Ж.-А. Ассенфрац, математики Ж. Кондорсе, Ж. П. Лагранж и др., выступая не столько как ученые, сколько как политики и администраторы. Астроном Ж. С. Байи, член трех академий, стал председателем Национального собрания и мэром Парижа. Но «союз ума и фурий революций» был недолог. В августе 1789 г., во время «порохового инцидента», когда А. Лавуазье был обвинен в попытках спрятать порох от народа, выяснилось, что представления многих ученых о целях революции отличаются от настроения народа. 17 июля 1791 г., после расстрела массовой демонстрации, требовавшей отречения Людовика XVI, Байи покинул пост мэра, а впоследствии был гильотирован.

Эгалитаристско-плебейские настроения стали почвой, на которой взращивалась политика в области науки. Поток свободной печати, возникновение множества любительских научных обществ и бюро патентов подрывали главенствующую роль академий. Общественные движения и свободная печать ополчились против ученых. Раздавались требования, чтобы Академия отчитывалась перед народом в своих расходах или чтобы содержала себя сама. Академии называли «гнездами контрреволюции». Революционные массы видели в Академии наук монархическое учреждение, а их лидер Марат именовал ее членов «современными шарлатанами», пропагандировал идеи о бесполезности академических ассоциаций и требовал их ликвидации для блага наук, так как якобы все открытия были сделаны людьми, не входившими в академии. Газеты также высказывались за упразднение академий, академиков уподобляли священникам и требовали создать некий демократический орган по руководству наукой.

В самих академиях поднимались голоса за перемены. Обострилась борьба внутри Академии наук, вакантные места не заполнялись, а многие академики эмигрировали. В 1790 г. в Учредительном собрании начались дебаты о будущем академий, в ходе которых было выдвинуто три предложения: сохранить, реорганизовать и ликвидировать. Но сперва было решено выработать новый устав. Его приняли, и академии просуществовали еще около трех лет, в течение которых время от времени выдвигались разнообразные проекты их реформирования.³³

В первые месяцы революционной войны 1792 г. основные научные силы не были привлечены к решению военных, экономических и технологических проблем. Процветали народные «изобретатели» и «народная наука», занятая изготовлением пик, деревянных пушек и получением пороха из навоза.³⁴ На фронт отправляли практически безоружных санкюлотов, так как все основные политические силы (роялисты, жирондисты и монтаньяры) были заинтересованы в поражении революционных войск и в гибели как можно большего числа неуправляемых парижан.

На фоне непрерывных поражений и активизации радикальных сил усилились позиции тех, кто требовал окончательной ликвидации прежних научных учреждений. В Конвенте их возглавляли академик А. Ф. Фуркруа и художник

³³ Дмитриев И. С. «Союз ума и фурий»: Французская наука в эпоху революционного кризиса конца XVIII столетия // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Л., 2003. С. 189—214.

³⁴ Там же. С. 185—188.

Л. Давид. Последний не мог простить, что академии не оценили его талант, и требовал их немедленного закрытия «во имя любви к искусству и особенно во имя любви к молодежи», отечеству, народу, революции и т. д.³⁵ За сохранение Академии боролся прежде всего Лавуазье, подчеркивавший, что, «если наукам не оказывать помощь, они приходят в упадок в государстве и трудно восстановить даже их прежний уровень».³⁶

Но все попытки сохранить прежние институты были тщетны. В 1792 г. было ликвидировано 22 университета. Самого А. Лавуазье сместили со всех государственных постов. Осенью 1793 г. распустили все академии и научные общества как пособников прежнего режима и остатки элитаризма в науке, как «заразу неизлечимой аристократии».³⁷ Это означало не только отмену королевских пенсий, общественное осуждение, увольнение и крах карьеры, но голод и массовые репрессии. Торжеством прикладной науки и символом равенства граждан была признана гильотина (топор не тупится, осужденный зафиксирован, и одинаковая смерть у аристократов и простых людей), сооруженная в 1792 г. на площади Согласия.

Научная политика периода террора была ярко выражена в словах: «При разумном правительстве не должно существовать никаких паразитических учреждений». Страна погрузилась в массовый террор, в котором участвовали многие ученые, попавшие во власть. Они старались удержаться там любыми способами, пресмыкаясь, лавируя, предавая друзей, убеждения и в конечном счете самих себя и свою науку. Академик и помощник военного министра Ж. А. Ассенфрац в петиции с требованием ареста жирондистов уверял: «Немного террора и просвещения, и мы настроим умы на свой лад».³⁸ Точные пропорции террора и просвещения указывал Ж. Марат, готовый для счастья народа отрубить миллион голов.³⁹ Его преемник в Конвенте и председатель якобинского клуба академик А. Фуркруа не только ничего не сделал для спасения от гильотины своего учителя А. Л. Лавуазье, арестованного 24 ноября 1793 г. и казненного после краткого судебного разбирательства 8 мая 1794 г., но и стал главным обвинителем Академии наук за неумение приспособиться к новым обстоятельствам. Существует миф, что именно на этом процессе и были произнесены слова: «Республика не нуждается в ученых!»

Рутинизация научного творчества шла параллельно с упрощенной фабрикацией смертных приговоров ученым. Из 48 членов Академии наук на гильотине погибло 6 человек; один окончил жизнь самоубийством в тюрьме, трое умерли или погибли в тюрьме, девять умерло от страха и голода, четверо были арестованы, а во внутренней или внешней эмиграции оказалось около 20 академиков.⁴⁰ Гибель интеллектуальной элиты означала и крах многих научных программ.

В годы якобинского террора впервые возникла идеологизированная наука. По инициативе М. Робеспьера религию заменяли культом природы и разу-

³⁵ *Дмитриев И. С.* «Союз ума и фурий»: ученые в эпоху Французской революции // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 23.

³⁶ *Огурцов А. П.* Философия науки эпохи Просвещения. С. 196.

³⁷ *Aucos L.* L'Institut de France: Lois, statuts et règlements concernant les anciennes Académies et L'Institut de 1635 á 1889. Tableau des fondations. Paris, 1889.

³⁸ *Карлейль Т.* История Французской революции. М., 1991. С. 410.

³⁹ *Марат Ж. П.* Избранные произведения. М., 1957. Т. 3. С.126.

⁴⁰ *Дмитриев И. С.* «Союз ума и фурий»: ученые в эпоху Французской революции. С. 23.

ма, в честь которых по проектам Л. Давида воздвигали статуи и алтари, устраивали праздники Братства и Верховного разума. После одного из представлений основатель сравнительной анатомии академик Вика де Азир умер от страха, повторяя в бреду два слова — «революционный трибунал». Любой научный проект имел шанс на успех, если обосновывался с позиций революционной целесообразности и практической значимости.

Реформу календаря и введение десятичной системы преподносили как меру для ликвидации остатков феодальной раздробленности. Необходимостью познания природы как модели переустройства общества обосновывали существование Национального натурального музея.

В противовес академическим ценностям выдвигались идеалы утилитарной и конформистской науки, ориентированной на применение научных результатов в промышленности и идеологически лояльной к режиму. Революционная власть требовала от ученых обеспечить перевооружение армии и создать научное объединение на демократической основе с неограниченным числом членов и открытыми заседаниями. Ученые должны были стать экспертами и консультантами различных государственных бюро и комитетов. Входя во власть, они превращались в чиновников, чувствуя себя ответственными перед начальством, а не перед своими коллегами и научным сообществом в целом. В эти годы начались политические карьеры Л. Н. Карно и Ж. А. Шапталя.

Научно-исследовательские функции в принципе могли исполнять и негосударственные частные учреждения, но это было невозможно в условиях разрухи и инфляции. Научные силы направляли прежде всего во вновь создаваемые образовательные учреждения для их ускоренной политехнизации и милитаризации. Образцами для них должны были стать Политехническая школа, Нормал школа, Лицей науки и искусств. Реформы подавались как создание новой республиканской науки.

В свою очередь, наука оказывала воздействие на стиль мышления политиков. Механистические законы и математика служили основой для борьбы против всякого индивидуального проявления. Доминировал чисто количественный подход, а граждане уподоблялись точкам на сферической поверхности. Все, выделяющиеся из средней массы, должны были быть удалены при помощи гильотины. Музейные коллекции и зверинец служили пространственно-временной моделью устройства республики и символом равенства: разные звери содержались в одних и тех же условиях — в клетках, их кормили в одно и то же время, и они все были на виду под постоянным контролем.

Крах якобинцев не смутил их сторонников среди ученых. Свергнутого М. Робеспьера все тот же А. Фрукруа теперь клеймил как тирана и гонителя науки.⁴¹ Ученые во власти приняли быстрые меры по объединению научных сил под контролем государства, создав Национальный институт наук и искусств, фактически выполнявший все функции упраздненных академий. Хотя Институт был сильно политизирован, формы работы (заседания, публичные собрания, выборы новых членов, конкурсы) во многом следовали традициям, которые сформировались в старых академиях. Институт выполнял различные поручения общественного характера, составлял для правительства справки о состоянии и развитии наук и искусств во Франции, разрабатывал предложения о совершенствовании образования. Власть теперь уверяла ученых: «Республи-

---

⁴¹ Цит. по: *Barthélemy G. Les savants sous la Révolution. Paris, 1988. P. 227.*

ка не уступит деспотизму в справедливости и щедрости. Она не станет делать для Института меньше, чем делали короли для старых академий». Вскоре действительным членом Института Франции стал Наполеон, при котором наука стала одним из главных приоритетов в политике. Его отношение к науке емко выражено в его приказе во время Египетского похода, когда он приказал в первую очередь беречь транспортные средства (ослов) и интеллектуальные ресурсы (ученых).

В результате коренной реформы образования науки, ранее ограниченные любительством, нашли свое постоянное место в политехнизированной и милитаризированной высшей школе, которая скоро стала местом подготовки будущих ученых и систематической разработки фундаментальных проблем. Наука стала профессией, а ученый — государственным служащим. В итоге Франция получила блестящую науку (Ж. П. Лагранж, П. С. Лаплас, Ж. Д. Кювье и др.) и лучшую систему образования.⁴²

Трагический для научного сообщества Франции кризис завершился формированием системы государственной поддержки научных исследований, созданием новых субсидируемых государством институтов, реорганизацией прежних академий, появлением профессионального слоя ученых и в конечном счете формированием науки с новой социальной ориентацией. На ее знаменах отныне было начертано «Прогресс и польза». На передний план выдвигались прикладные задачи, поощрялись прежде всего разработки, важные для развития промышленности, торговли, ремесел, техники, военного дела и т. д. Многие выступления выдающихся математиков, физиков, химиков революционной Франции пронизаны чувством необходимости переориентации науки, формирования нового образа науки в общественном сознании и выдвижения перед учеными новых приоритетов и принципиально новых социально значимых целей. Установилась тесная связь науки и образования.

Произошла трансляция научно-технических ресурсов, исследовательских норм, стандартов и методологий в новые образовательные структуры и научные общества. В итоге была создана конкурентно-коммуникативная среда в науке и образовании. Выход из кризиса в целом для науки был благополучен, но

---

⁴² Поведение французских ученых во время революции вызвало язвительные замечания со стороны мадам Л.Ж. де Сталь: «Ученые относят все, что не поддается логике расчета, к иллюзиям. Они сначала оценивают силу правительства — неважно, какого, — а затем, поскольку у них нет иных желаний, кроме как предаваться своим трудам в мире и спокойствии, приносят обет послушания тем, кто в данный момент оказывается у власти. И никто так не радуется сердцу абсолютного монарха, как те, кто глубоко погружен в поиск физических законов, оставив мораль любому, кто захочет ею воспользоваться» (Цит. по: *Дмитриев И. С.* «Союз ума и фурий»: ученые в эпоху Французской революции. С. 40). Однако в отличие от Сталь я не вижу ничего постыдного в том, что творческие люди оставались верны своему призванию, понимая преходящее значение форм и событий политической жизни. Как справедливо отмечал М. К. Петров относительно философии: «Дело не в том, служит или не служит философия, она заведомо служит, как и любая другая форма социально необходимой деятельности — от санитарно-погребальной до художественной, и дело даже не в том, кому именно или какому классу служит философия, что имеет первостепенное значение для выяснения партийности философии, а дело в том, как, в каких формах, с какими конечными целями и ощутимыми результатами осуществляется эта цель» (*Петров М. К.* Язык, знак, культура. М., 1991. С. 224). То же самое можно сказать о враче, парикмахере, учителе и т. д. Важно не кого они лечили, брили, учили, а как они это делали.

был трагичен для одних ученых и дал старт для блестящей карьеры других. Для выживания ученые должны были приспособляться к быстро меняющимся лозунгам и властям. Борьба научных идей нередко переводилась в политико-идеологическую плоскость. Возник феномен идеологически и политически корректной науки. Впервые было продемонстрировано, что свобода и террор растут из одного корня — веры в универсальность научных ценностей как парадигмы рациональной деятельности.

Двухвековой путь к имперской науке Германии

Итогом Тридцатилетней войны, разорившей Германию и сократившей численность ее населения почти в четыре раза, были сотни маленьких государств, правителям которых, как правило, было не до науки. В одном из них по инициативе Г. В. Лейбница в 1700 г. было создано Берлинское научное общество, преобразованное в 1745 г. в Академию.⁴³ Лейбниц надеялся, что Общество станет центром больших научных и технических начинаний, объединит вокруг себя лучших ученых раздробленной Германии, поможет стране выбраться из экономической отсталости и занять достойное место среди развитых стран. Но для курфюрста Бранденбургского Фридриха III, ставшего прусским королем Фридрихом I, более убедительными были аргументы его жены Софьи-Шарлотты, приводившей в качестве аргумента опыт других великих держав. Впоследствии его внук Фридрих II говорил, что дед создал свою Академию в подражание Лондонской и Парижской, так как его заверили, что великий государь должен иметь Академию, подобно тому как вновь испеченный дворянин обязательно заводит образцовую псарню.

Реальные условия милитаризованной Пруссии не способствовали выполнению планов Лейбница. Надежды на большие доходы в пользу Общества от различных предприятий и привилегии не оправдались, а от короля не доставалось почти ничего, кроме королевского статуса. Зависимость ученых от прусского короля не позволяла им как-то способствовать объединению Германии и оказывать влияние на развитие науки во враждовавших между собой государствах. В аналогичном положении были общества и академии Швейнфурта, Баварии, Гёттингена. Наука в основном развивалась в университетах, выпускникам которых трудно было реализовать свои творческие замыслы на родине. Это побуждало многих из них искать приложение своим знаниям и талантам за рубежом, чаще всего в Российской империи.

Начиная с первой половины XIX в. вновь созданные или реорганизованные университеты Германии становились центрами не только обучения, но и исследований. Для объединенной Германии характерно было предсказанное В. Гумбольдтом равновесие трех «опор», на которых базировалось научное развитие академий, университетов, исследовательских институтов.⁴⁴ Фундаментальная наука преимущественно развивалась в университетах, которые

⁴³ *Vierhaus R.* Die Organisation wissenschaftlicher Arbeit // Die Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin in Kaiserreich / Hg. J. Kocka. Berlin, 1999. S. 3—21.

⁴⁴ *Bruch R. v.* A slow farewell to Humboldt. Stages in the History of German universities, 1810—1945 // German Universities. Past and Future / Ed. M. Ash. Oxford, 1997. P. 3—27.

установили плодотворное сотрудничество с промышленными лабораториями в наукоемких областях производства, что обеспечило надежное финансирование из частных источников. К середине XIX в. Германия обошла Англию и догнала Францию по числу научных журналов, а вскоре существенно обогнала их.

Германия оказалась одной из первых стран, где был разрушен миф об ученых как служителях истины в белых одеждах, познающих мир, сидя в башне из слоновой кости. Германия, объединенная «кровью и железом» твердой рукой канцлера О. фон Бисмарка в результате военных побед и политических хитростей, стремилась не только закрепить свое с боем завоеванное место в числе великих держав, но стать доминирующей военно-политической и экономической силой в мире. Особую роль в реализации этих амбиций должна была играть немецкая наука — признанный лидер в мировом научном сообществе. Большинство престижных и важных научных журналов и справочников (включая такую специализированную литературу, как реферативные журналы) выходило в начале XX в. именно в Германии. Стремясь закрепить лидерство, учредители новых научных журналов в Германии всегда старались придать им международный статус. Немецкий язык был признанным языком общения ученых разных стран, а труды немецких ученых считались эталонами точности и оригинальности теоретических обобщений во многих отраслях знания.

В те годы Германия была не просто одним из великих государств, а ведущей индустриальной державой с новейшей технологией. Динамичным развитием и экономической мощью она в значительной степени была обязана плодотворному взаимодействию немецкой университетской системы (где впервые исследовательский талант стал основным критерием при подборе профессорско-преподавательского состава для высшей школы) со штатами новых промышленных исследовательских лабораторий в наукоемких областях производства, особенно в электронной и химической промышленности.

Германская империя славилась и многими институциональными нововведениями в науке, вызвавшими подражание во всем мире: разделение образования и научной работы, создание научных учреждений, финансируемых частной промышленностью и государством, и т. д.⁴⁵ Обучение в Германии и подготовка первых научных работ под руководством немецких наставников в их лабораториях и университетах стали нормой для многих будущих ученых континентальной Европы, которые с первых шагов в науке усваивали нормы и ценности научного сообщества имперской Германии. Ученые всех стран хотели учиться и работать в Германии или хотя бы посещать Германию, публиковать там свои труды, развивать контакты с немецкими коллегами. Немецкие университеты готовили выпускников, ориентированных на научные исследования.⁴⁶

На судьбе немецкой науки начала XX в. сильно отразилось создание в стране в 1911 г. мощной общегерманской организации — Общества кайзера Вильгельма (*Kaiser Wilhelm Gesellschaft*) во главе с известным историком раннего христианства А. фон Гарнаком.

Его главной целью стала мобилизация промышленного и финансового капитала на нужды науки. Этому обществу были под силу крупномасштабные,

⁴⁵ *Pfetsch F. R. Zur Entwicklung der Wissenschaftspolitik in Deutschland. 1750—1914. Berlin, 1974; Pfetsch F. Datenhandbuch zur Wissenschaftsentwicklung. Köln, 1982.*

⁴⁶ *Brocke B. vom. Die Entstehung der deutschen Forschungsuniversität, ihre Blüte und Krise um 1900 // Humboldt International. Der Export der deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert / Hg. R. C. Schwinges. Basel, 2001. S. 367—401.*

дорогостоящие научные предприятия. Правительство обеспечило поддержку научным сообществам и позволило ученым занять достойное место в империи. Общество Кайзера Вильгельма и его институты предоставляли возможность заниматься наукой вне университетов; в немецкой промышленности укрепилась традиция поддерживать продуктивно работающие научно-исследовательские лаборатории.⁴⁷ В конечном счете удачное сочетание университетской и академической наук, финансируемых за счет государства, промышленного и банковского капитала и платного обучения, стало основой процветающей науки Германии после двухвекового кризиса.

Это был период господства в академическом сообществе идеологии «мандаринов», разделявших ценности идеалистического гуманитарного образования и рассматривавших государство как их гаранта. Ее центральными элементами в области естественных наук были: предпочтение крупных проблем, требовавших интегрального или синтетического решения; приверженность фундаментальным исследованиям и негативное отношение к прикладным; скептическое отношение к узкой специализации; поддержка классического образования; подчеркнутая беспартийность и бескорыстное служение кайзеру, отечеству, народу.⁴⁸ Для «мандаринов» была характерна демонстративная аполитичность и стремление выступать от имени всего народа в целом. На самом же деле политическая и идеологическая мотивировка многих научных споров и столкновений в научном сообществе была очевидной. Общественно-политическим воззрениям придавали огромное значение в профессорской среде, и носители чуждых ей ценностей не могли рассчитывать на карьеру.

Сама наука Германии быстро стала имперской, превратившись в орудие наращивания военной мощи и оправдания претензий на мировое господство.⁴⁹ Этим объяснялся и все усиливавшийся национализм в научном сообществе Германии. С объединением Германии и последовавшей вскоре экономической депрессией наметился устойчивый вектор движения всей Германии от либерализма к расистскому, консервативному пониманию немецкой нации, к росту антисемитских настроений в профессорской среде. Все пороки бурного развития капитализма (разрушение прежнего образа жизни, стремительная урбанизация, связанная с ростом социального напряжения из-за беспощадной эксплуатации рабочих, массовой безработицы, преступности, проституции, профессиональных заболеваний, производственных травм) приписывали исповедуемому евреями материализму и механицизму. Только в период 1873—1914 гг. в Германии было опубликовано не менее пятисот публикаций по «еврейскому вопросу», в которых «немецкий идеализм» защищали от «еврейского материализма».⁵⁰ Восстание против ценностей либерализма сопровождалось широким распространением в научном сообществе идей антипозитивизма, антиредукционизма, потерей веры в прогресс и будущее процветание человечества. На грани веков менялся общественный менталитет и формировалась амальгама консер-

⁴⁷ *Heydenreuter R.* Die Finanzierung der deutschen Akademien // Finanzierung von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart / Hg. R. C. Schwinges, M.-C. Pfaffen & K. Jost. Basel, 2005. S. 493—520.

⁴⁸ *Ringer F. K.* The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890—1933. Cambridge (Mass.), 1969.

⁴⁹ *Heilbron J.* The Dilemmas of an Upright Man: Max Planck as Spokesman for German Science. Berkeley, 1986.

⁵⁰ *Wehler H.-U.* The German Empire: 1871—1918. New Hamp, 1995. P. 106.

ватизма, национализма, расизма и сциентизма (Э. Геккель, А. Плотц, В. Шалльмайер и др.), ставшая вскоре одной из причин новых кризисов как в обществе, так и в науке.⁵¹

Тесный союз «науки, государства и промышленности» позволил Германии быстро создать немецкую модель мобилизации науки, которая стала необходимой, как только провалились планы «блицкрига» и Германия была втянута в длительную войну на два фронта, в которой она была обречена на поражение из-за отсутствия многих природных ресурсов. Лишь помощь академической и университетской науки, прежде всего химиков и физиков, разработывавших новые виды синтетических заменителей и орудия, в том числе печально знаменитые отравляющие газы, позволили Германии продержаться до ноября 1918 г. Символом фундаментальной науки на службе немецкого милитаризма стал Институт физической химии и электрохимии КВГ, возглавляемый будущим лауреатом Нобелевской премии евреем Ф. Хаббардом, ставшим отцом «газовой войны».⁵²

«Трансплантированная наука» России

Созданная Петром Великим в Петербурге Академия художеств и наук (1724) была всецело государственным учреждением, изначально находилась под строгим контролем власти и должна была обеспечивать ее научно-техническое обслуживание.⁵³ Академия была организована в стране, где не было ни университетов, ни гимназий, ни школ. До начала XIX в. вся фундаментальная наука находилась в двух зданиях на Васильевском острове Петербурга и воспринималась многими в России как иностранный экзотический цветок. Это обусловило ряд кризисов в деятельности Академии в XVIII в., напрямую зависящей от расположения царствующих особ и их фаворитов.⁵⁴

В XIX в. усиливалась двойственность позиции государства относительно науки: с одной стороны, ее признавали источником экономического и военного могущества, с другой — с подозрением воспринимали ее демократические традиции и корпоративный дух, базировавшиеся на западноевропейской культуре.⁵⁵ Это привело к конфликту научного сообщества и власти в начале XX в.⁵⁶

⁵¹ Ploetz A. Die Tüchtigkeit unserer Rasse und der Schutz der Schwachen. Berlin, 1895; Schallmayer W. Vererbung und Auslese im Lebenslauf der Völker. Eine staatswissenschaftliche Studie auf Grund der neueren Biologie. Jena, 1903; Moose G. 1) The Crisis of German Ideology. New York, 1964; 2) The Culture of Western Europe. The nineteenth and twentieth Centuries. Boulder, 1988; Gasman D. The Scientific Origin of National Socialism. Social Darwinism in Ernst Haeckel and German Monist League. London; New York, 1971.

⁵² Szöllösi-Janze M. Fritz Haber. 1868 bis 1934. Eine Biographie. München, 1998.

⁵³ Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977.

⁵⁴ Копелевич Ю. Х. Санкт-Петербургская Академия наук и власть в XVIII веке // Наука и кризисы. СПб., 2003. С. 122—156; Колчинский Э. И. Академия наук и становление естественной истории в России // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII—XX веках. СПб., 2003. С. 83—116.

⁵⁵ Хартанович М. Ф., Микешин М. И. В преддверии реформ. Российская наука и университетское образование в дореформенной России // Там же. С. 255—268; Чумакова Т. В., Хартанович М. Ф., Микешин М. И. Наука и государство во второй половине XIX века // Там же. С. 269—290.

⁵⁶ Колчинский Э. И. В поисках новых форм организации Российской науки // Там же. С. 336—360.

Ученые, стремясь к государственной поддержке научных исследований, не желали мириться с игнорированием их интересов и ограничением активности со стороны бюрократии. Ощущение государственной важности своей научно-преподавательской деятельности, профессиональная репутация в своем сообществе, активная общественная позиция и использование в качестве экспертов способствовали высокой самооценке ученых в условиях абсолютизма и полицейского контроля над интеллектуальной жизнью. Возникал опасный разрыв между гражданским и профессиональным статусом ученых как членов научного сообщества и положением их как «слуг правительства» в качестве членов Академии наук или профессоров университетов.⁵⁷ Недовольство материальным положением было важной составляющей их оппозиционности. Они полагали, что их труд не оценен по заслугам, что свидетельствует о непонимании властями государственной значимости их деятельности.

Для профессоров «мистика науки» была связана в какой-то степени с осознанием своей «кастовости» и «корпоративности». Подобно масонам в век Просвещения, они воспринимали себя высокоморальными людьми, так как получили высшее образование, и распространение знаний считали священным долгом.⁵⁸ В конечном счете большинство российских профессоров сформировало отчетливую социально-культурную группу, которая в академической деятельности стремилась следовать своей вере в необходимость научно-технического прогресса и реформ.⁵⁹ Для ученых наука была не просто профессией, а жизненным призванием и уникальной «карьерой», придававшей им некую моральную трансцендентную значимость.

Ощущение своей незаменимости побуждало ученых претендовать на особую роль в решении проблем, возникших перед Россией в результате поражения в русско-японской войне и революции 1905—1907 гг.⁶⁰ Борьбу за политические свободы многие из них считали лучшим способом для обеспечения профессиональных интересов. Но, участвуя в либеральном движении, ученые втягивались в политику, их академические интересы отступали на второй план, заменяясь общественно-организационной деятельностью. Часть из них была убеждена, что правительство не способно решить назревшие проблемы, и, воспринимая себя носителями прогресса в отсталой стране, свое будущее они связывали с коренными социально-политическими и экономическими реформами. Их манили сладкие призраки свободы.

Революционные потрясения 1905 г. показали, что ученым не следует уповать на восставший народ, а их участие в Государственном совете в качестве депутатов от Академической курии похоронило последние надежды на реформы «сверху» в области науки и образования. Правительство по-прежнему не

---

⁵⁷ *Kassow S. D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley; Los Angeles, 1989; *Иванов А. Е.* Университетская политика царского правительства накануне революции 1905—1907 годов // Отечественная история. 1995. № 6.

⁵⁸ *Koselleck R.* Critique and Crisis: Enlightenment and Pathogenesis of Modern Society. Cambridge (Mass.), 1988.

⁵⁹ *McClelland J. C.* Autocrats and Academics: Education, Culture and Society in Tsarist Russia. Chicago; London, 1979. P. 65.

⁶⁰ *Иванов А. Е.* Первая русская революция и профессура высших учебных заведений. Всероссийский Академический союз: идеология, политическая деятельность // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. М., 1977. С. 102—126.

желало считать их равноправными партнерами в политике, решая любой вопрос в соответствии со своими интересами.⁶¹ Выход из создавшейся ситуации ученые отныне видели в самоорганизации науки и в укреплении связи фундаментальных исследований с промышленностью и сельским хозяйством. Они создавали частные вузы, научно-технические общества, фонды и лаборатории при поддержке промышленников, купечества и земства, расширяя социальную базу науки. Первая мировая война заставила их забыть о недовольстве правительством и вызвала всплеск патриотизма. По всей стране создавались научно-промышленные комитеты, в которых ученые вместе с промышленниками и политиками решали проблемы организации производства вооружения, а также снабжения армии всем необходимым.

Никогда до этого российская наука не была столь тесно связана с повседневными потребностями государства. Ученые встали во главе учреждений и промышленных предприятий, работавших на оборону. Возглавляемый академиком В. Н. Ипатьевым Химический комитет при Главном артиллерийском управлении организовал производство взрывчатых веществ и фармацевтических препаратов.⁶² Математик и судостроитель академик А. Н. Крылов в 1915 г. возглавил один из главных оборонных заводов — Путиловский. Для мобилизации ресурсов, необходимых для обороны, в 1915 г. была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС), в состав которой вошли ученые, инженеры, гуманитарии, военные, правительственные чиновники, работники оборонных предприятий.⁶³

Вскоре ученые стали понимать, что Россия, скорее всего, не сможет победить. Война разрушала материально-финансовую базу научных исследований, инфляция съедала выделяемые ассигнования. Не было денег на ремонт зданий, закупку оборудования и книг. Наблюдая поворот высшей школы к решению прикладных задач и нарастающую политизацию студенчества, ученые все активнее выступали за создание сети специализированных научно-исследовательских институтов, субсидируемых государством, но управляемых учеными. Последовательным пропагандистом этой идеи стал Вернадский, доказывавший «невозможность и невыгодность соединения научно-технической работы с современной высшей школой».⁶⁴ Вновь зазвучали слова о неразрывности науки и демократии. Послевоенное устройство академиком грезилось как союз европейских стран в условиях всеобщего разоружения и высоких этических норм. Экономическое и правовое устройство России должно было обеспечиваться всесторонним использованием научного знания. С такими демократическими мечтаниями они подошли к февральской революции 1917 г.

Отречение царя в феврале 1917 г. и приход к власти Временного правительства большинство научного сообщества встретило с воодушевлением.⁶⁵

⁶¹ *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial-Bildungsgeschichte. Köln u. a., 1998; *Куликов С. В.* Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX века: закономерности и «типы отношений» // *Власть и наука, ученые и власть. 1880-е—начало 1920-х гг.* Мат-лы междунар. науч. colloквиума / Под ред. Н. Н. Смирнова и др. СПб., 2002. С. 54—71.

⁶² *Дмитриев И. С.* Бензольное кольцо Российской империи. СПб., 2005.

⁶³ *Кольцов А. В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил. СПб., 1999.

⁶⁴ *Очерки и речи акад. В. И. Вернадского.* Пг., 1922. С. 31.

⁶⁵ *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006. С. 70—73.

Казалось, настало время воплотить все прежние планы развития науки как главного гаранта экономического и социального процветания страны. Но были среди ученых и те, кто в обстановке всеобщей эйфории негативно оценивал происходящие события и задавал вопрос, что они сулят России — «начало ее возрождения или гибели?»⁶⁶ Наряду с презрением к властям рос страх перед народными массами. Революция вновь оказалась не такой, как ожидали либералы, жаждавшие встретить прекрасную даму в белоснежных одеждах и с ужасом увидевшие безликую, «с широко раскрывающимися ртами» толпу, склонную к пьянству, грабежам, насилию и явно занявшую позицию «левее здравого смысла». Многие ученые испытывали тоску «без просвета впереди».⁶⁷

Тем не менее многие министерства отныне возглавляли ученые, которые стремились реализовать свои замыслы по реформированию науки. Были приняты конкретные шаги по демократизации Академии наук: введена автономность правления, и выбран президент, начали создавать исследовательские институты, ассоциации и т. д. Предполагалось создать Союз научных учреждений, председатель которого имел бы право прямо обращаться в Совет министров. При этом Союз не должен был осуществлять контроль над научными учреждениями. Его задача состояла лишь в обеспечении государственного финансирования научных исследований, а главным принципом его деятельности должна была стать автономия каждого коллектива и исследователя. В апреле 1917 г. под председательством А. П. Карпинского начало функционировать совещание представителей научных учреждений и вузов.

28 марта 1917 г. Общее собрание Академии наук решило создать «Свободную ассоциацию для развития и распространения положительных наук». Ее задачи состояли в привлечении внимания общественности и правительства к перспективам развития науки, пропаганде достижений науки и поиску средств для новых научных институтов. Но проекты, разработанные в ученых комитетах и комиссиях Временного правительства, были реализованы только при большевиках.

Кризисы XX века и мобилизационная система науки

Две мировые войны, великие революции в России и Китае, холодная война, крах колониальной системы и другие грандиозные события XX в. не раз ставили многие государства на грань выживания. Исход кризиса того или иного режима зависел в значительной степени от умения с максимальной эффективностью мобилизовать научные ресурсы. Осознание этой ситуации вело к формированию симбиоза государства и научного сообщества, в котором власти стремились использовать ученых для получения знаний, для развития экономической и военной мощи, для идеологического оправдания своей политики, для повышения международного престижа, а ученые получали от государства колоссальные материальные, финансовые и людские ресурсы.

---

⁶⁶ Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915—1922 гг. // Русское прошлое. 1991. Кн. 2. С. 132.

⁶⁷ «Интуитивное предвидение» Егора Ивановича Орлова. (Накануне и в первый год после Великой Октябрьской) // Природа. 1994. № 3. С. 94.

Вторая мировая война превратила науку в важнейший элемент безопасности государства и придала ей беспрецедентное политическое значение, прежде всего в Германии, СССР, США. Исход войны в немалой степени был предопределен отношениями между властью и научным сообществом, складывавшимися как в странах антигитлеровской коалиции, так и в странах, входящих в Берлинский пакт. Огромную роль наука играла в годы холодной войны.

*Немецкая наука между либерализмом и нацизмом*⁶⁸

Особенно интенсивно поиск новых отношений в системе «наука, общество и государство» шел в Веймарской республике. Неполные 15 лет ее существования (1918—1933) были периодом перманентного кризиса. Само слово «кризис» было неотъемлемой чертой того времени.⁶⁹ Интеллигенция беспрестанно говорила о кризисе основ мировоззрения, познания, морали, политики и даже всей западной цивилизации.⁷⁰ И это не случайно, так как от кризиса научное сообщество страдало в первую очередь. Если промышленники, финансисты, политики заботились о себе сами, рабочие отстаивали свои интересы в ожесточенной стачечной борьбе, а военные выводили войска на улицы, то преподаватели вузов и сотрудники научных учреждений были беззащитны в стране, переживавшей глобальный политический, экономический и финансовый кризис.

Социально-культурная среда прямо, иногда в самых грубых формах, воздействовала на науку. Ученые чувствовали себя заброшенными в море социально-политической демагогии, оккультизма, мистицизма и теософии.⁷¹ Под сомнение были поставлены принципы причинности, закономерности и рационализма. Ученых обвиняли в позитивизме, эмпиризме, механицизме, скептицизме, догматизме, в технократизме, в отрыве от повседневной жизни и т. д.⁷²

Агрессивная среда неизбежно влияла на мировоззренческие и морально-ценностные основы научного сообщества, поколебленные еще в годы первой мировой войны. В условиях усиления антисемитских и националистических настроений особенно подозрительными для радикальных политиков казались физика, химия, математика, где процент евреев среди ведущих ученых

---

⁶⁸ Трагический путь немецкой науки в период перманентного кризиса 1918—1945 гг. подробно рассмотрен в книге: *Колчинский Э. И.* Биология Германии и России в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. Биология между либерализмом, национал-социализмом и коммунизмом. СПб., 2006.

⁶⁹ *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск, 1993.

⁷⁰ *Ringer F.* Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890—1933. Cambridge (Mass.), 1969.

⁷¹ *Forman P.* Weimar Culture, Causality, and Quantum Theory, 1918—1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment // *Historical Studies in the Physical Sciences*. 1971. Vol. 3. P. 1—115; *Harwood J.* Weimar Culture and Biological Theory: A Study of Richard Woltereck (1877—1944) // *History of Science*. 1996. Vol. 34. P. 347—377; *Hardwig W.* Die Preussische Akademie der Wissenschaften in der Weimar Republik // *Die Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. 1914—1945. Berlin, 2000. S. 25—50; *Волкер М.* Наука в Веймарской Германии // *Науковедение*. 2000. № 2. С. 143—157.

⁷² *Stern F.* The Politics of Cultural Despair: A Study in the Rise of Germanic Ideology. New York, 1965. P. 160.

был особенно велик. Интенсивно шли процессы политизации и идеологизации науки, проявившиеся ярко в расовой гигиене и расовой антропологии, среди лидеров которых было немало крупных генетиков, антропологов, психиатров (Э. Баур, Ф. Ленц, Э. Рюдин, О. Рехе, Э. Фишер, О. Фершойер и др.).⁷³ Различиям в научных взглядах все чаще придавали националистическую окраску, что вело к пропаганде особых «арийских» наук в физике (Ф. Ленард, Й. Штарк), биологии (Э. Леман), математике (Т. Вален).⁷⁴

Все сильнее распространялось радикально-этическое неприятие ценностей буржуазной цивилизации, усиливался реакционный романтизм. Среди научной элиты произошел раскол на тех, кто поддерживал модернизацию и кто сравнивал ее с социальной деградацией.⁷⁵ Этот раскол проходил через многие университеты. Политический ландшафт академической среды представлял собой волнуемое море с преобладанием консервативных и праворадикальных, с вкраплениями либеральных и социал-демократических, настроений в отдельных университетах, а зачастую даже на отдельных кафедрах. Идеальный разброд в академической среде отражал растерянность научного сообщества.⁷⁶ В целом как консервативно-охранительные традиции, так и либеральные и даже марксистские новации в академическом сообществе в интеллектуальном плане оказались беспомощными перед вызовом времени. Их сторонники не смогли осмыслить феномен национал-социализма и выдвинуть приемлемую для общества идеологическую альтернативу.

В условиях галопирующей инфляции первых послевоенных лет попытки ученых получить деньги от правительства на спасение науки не сразу увенчались успехом. Ни парламент, ни правительство в Берлине не желали тратить на науку бюджетные средства. Они указывали, что университеты, а тем самым фундаментальная наука, были в ведении земельных властей. Федеральные власти не желали заботиться о науке, успехи которой не предотвратили военное поражение и которая не могла себя кормить во время кризиса, масштабы которого в глазах части общества были в значительной степени обусловлены ее же достижениями.

Тем не менее они вынуждены были вскоре пересмотреть свое отношение к ученым. В условиях либерализма профессорско-преподавательский корпус оставался серьезной социальной силой, хотя и не выступавшей самостоятельно на политической арене, но существенно воздействовавшей на общественное мнение. В симпатиях ученых нуждались различные политические партии, лидеры которых стали понимать, что поддержка науки в вузах имеет долговре-

---

⁷³ *Rüdin E.* Studien zur Entstehung und Vererbung geistiger Störungen. Berlin, 1916; *Baur E., Fischer E., Lenz F.* Grundriss der menschlichen Erblchkeitslehre und Rassenhygiene. Bd. 1—2. München, 1921; *Becker P. E.* Zur Geschichte der Rassenhygiene — Wege ins Dritten Reich. Stuttgart; New York, 1988.

⁷⁴ *Lenard Ph.* Über Relativitätsprinzip, Äther, Gravitation: Mit einem Zusatz betreffend der Nauheimer Diskussion. Leipzig, 1921; *Stark J.* Die gegenwärtige Krisis in der Deutschen Physik. Leipzig, 1922; *Lenard F.* Grosse Naturforscher: Eine Geschichte der Naturforschung in Lebensbeschreibungen. München, 1929; *Lehmann E.* Biologie im Leben der Gegenwart. München, 1933.

⁷⁵ *Harwood J.* Styles of Scientific Thought. The German Genetics Community. 1900—1933. Chicago; London, 1993. P. XV.

⁷⁶ *Evans R.* The German Unemployed. Experience and Consequences of Mass Unemployment from Weimar Republic to the Third Reich. New York; London, 1982. S. 10—22.

менное значение. Они осознали, что, хотя ученые не строят баррикад и их нищенское положение не влияет на политическую ситуацию сегодня, их недовольство властью может сказаться позже через разочарованность воспитанной ими молодежи, проходящей через университеты и технические вузы.

Со своей стороны, ученые не сидели сложа руки, а активно лоббировали проекты новых форм организации и финансирования науки, которые были бы не только удобны для них, но приемлемы и даже привлекательны для правительства, парламента, финансово-промышленных кругов и основных социальных слоев. Кризис в Веймарской республике преодолевался как путем самоорганизации научного сообщества, лидером которого были знаменитые химики и физики (Ф. Хабер, М. Планк и А. Эйнштейн), так и за счет усиления государственной поддержки. Ее удалось получить благодаря умелой защите интересов ученых под лозунгом «Наука есть заменитель военной мощи», который пришел на смену прежнему лозунгу «Союз науки и капитала». Принципиально новая форма финансирования научных исследований на конкурсной основе наиболее перспективных проектов была обеспечена созданием Фонда помощи немецкой науке (с 1929 г. Немецкое общество поддержки и содействия научным исследованиям), который возглавил министр культуры Пруссии Ф. Шмидт-Отт.⁷⁷ Несмотря на хронический финансовый кризис и международную изоляцию, руководителям Общества кайзера Вильгельма (А. фон Гарнаку и М. Планку) и Прусской Академии наук удалось добиться расширения государственной поддержки.⁷⁸ Росло число институтов Общества как за счет создания новых, так и за счет включения в его структуру ранее существовавших или преобразования их из прежних биологических станций, музеев, клиник.

Немецкая наука периода Веймарской республики — прекрасный пример научного знания, созданного в экстремальных условиях острого социально-экономического и политического кризиса при глубоком воздействии идеологии не только на интерпретацию вырабатываемых тогда теорий и концепций, но и на их содержание. За короткий период здесь было сделано немало оригинальных открытий в области физики, химии и биологии, определивших облик мировой науки, и созданы новые институциональные формы, сохранившиеся до наших дней. Стабилизация марки позволила руководству Общества перейти от выживания к планомерному развитию при поддержке федерального правительства, правительства земель и индустрии. Его умелая политика позволила укрепить независимость, расширяя многообразие финансовых источников и выстраивая сложные социально-политические отношения с властью, обществом и промышленностью.

Блестящие достижения немецкой науки в условиях перманентной нестабильности и кризиса на первый взгляд кажутся парадоксальными. Ведь только в области биологии и биохимии в эти годы было получено пять Нобелевских премий, и восемь премий были присуждены впоследствии за работы, выпол-

⁷⁷ Zierold K. *Forschungsförderung in drei Epochen. Deutsche Forschungsgemeinschaft: Geschichte—Arbeitsweise—Kommentar.* Wiesbaden, 1968. S. 4—174.

⁷⁸ 25 Jahre Kaiser—Wilhelm—Gesellschaft. *Zur Förderung der Wissenschaften* / Hg. M. Plank. Berlin, 1936; *Forschung in Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft und Struktur der Kaiser Wilhelm / Max—Plank—Gesellschaft.* Hg. R. Vierhaus & B. vom Brocke. Stuttgart, 1990. S. 197—349; *Grau C. Die Preussische Akademie und die Wiederanknüpfung internationaler Wissenschaftskontakte nach 1918* // *Die Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1914—1945* / Hg. W. Fischer. Berlin, 2000. S. 279—315.

ненные или начатые в этот период. Свои успехи в условиях перманентной нестабильности многие из лауреатов объясняли позднее удивительной атмосферой свободы, совместного научного поиска и причастности к великим открытиям, которую создавали в лабораториях Общества их руководители, а также возможностью нетитулованным сотрудникам конкурировать в получении грантов.⁷⁹

Но, создав новые формы организации науки, ее элита в целом не приняла республиканскую власть. Профессора высшей школы не были ультраконсерваторами, но их не устраивала и реальная демократия.⁸⁰ Еще негативнее новые порядки воспринимали студенты, которые все сильнее тяготели к крайне правому радикализму. Постепенно усиливались политизация профессорско-преподавательского корпуса и его дифференциация по партийным предпочтениям.⁸¹ Профессора, исповедовавшие консервативные ценности, неприязненно относились к модернизации, встречая в штыки всяческие реформы и нововведения в образовании и науке.⁸² Тяготясь международной изоляцией, ученые ратовали за «национальную революцию», призванную обеспечить «духовное возрождение немецкого народа».⁸³ Они продолжали грезить имперскими ценностями и мечтали о восстановлении порядка и сильной власти. И такая сила пришла.

Захват власти национал-социалистами в январе 1933 г. означал начало интенсивной подготовки Германии к крупномасштабной войне, в которой многие немецкие ученые, жаждавшие реванша и финансовых вливаний, намеревались принять активное участие.⁸⁴ Научное сообщество Германии в целом демонстрировало готовность содействовать целям и задачам национал-социализма и приняло основные составляющие его идеологии: народность, расизм, антисемитизм, милитаризм, пангерманизм и вождизм. В свою очередь многие теоретические понятия биологии (наследственность, раса, чистые линии, гибридизация, отбор и борьба за существование) стали существенными элементами языка Третьего рейха. «Союз» биологов и нацистов, провозгласивших лозунг: «Национал-социализм — это прикладная биология», был вполне естествен. Фундаментальным исследованиям в области медицины, биологии и особенно генетики нацисты оказывали значительную поддержку. Они казались им полезными и важными в идеологическом и практическом отношении. Этим умело пользовались генетики, физиологи, медики и психиатры, получавшие огромные средства на разработку фундаментальных проблем. Здесь были созданы массовые движения расовых гигиенистов, основаны новые фонды, кафедры, институты,

⁷⁹ *Macrakis K.* Surviving the Swastika: Scientific Research in Nazi Germany. Cambridge (Mass.), 1993. S. 44—46.

⁸⁰ *Sontheimer K.* Die Haltung der deutschen Universitäten zur Weimar Republik // Universitätstage 1966 der Freien Universität. Berlin, 1966. S. 35.

⁸¹ *Handbuch der Deutschen Bildungsgeschichte.* Bd. V. Die Weimarer Republik und nationalsozialistische Diktatur / Hg. D. Langewiesche & H.-E. Tenorth. München, 1989.

⁸² *Herf J.* Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge, 1984.

⁸³ *Breuer S.* Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993.

⁸⁴ Библиографический обзор публикаций до 1988 г. см.: *Mehrtens H.* Das «Dritte Reich» in der Naturwissenschaftsgeschichte: Literaturbericht und Problemskizze // Naturwissenschaft, Technik und NS-Ideologie. Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte des Dritten Reichs / Hg. H. Mehrtens & S. Richter. Frankfurt am Main, 1990. S. 15—87; *Mayer H.* Latest Results and Discederata in the History of Science and Technology during World War II // Science and War. Workshop. 1. Okt. 2002. Hyrosima, 2005. P. 3—9.

научные и популярные журналы по расовой биологии.⁸⁵ Не случайно У. Дайхман, автор книги «Биологи под Гитлером»,⁸⁶ признает, что правильнее было бы сказать «биологи при Гитлере» или даже «биологи с Гитлером». На его стороне было явное их большинство, особенно среди молодых ученых.⁸⁷

Иную позицию нацисты заняли по отношению к физикам, включая и союзников в борьбе за «национал-социалистическую революцию». От многих своих рьяных приверженцев, считавших, что за преданность им позволят определять научную политику Третьего рейха, нацисты сами избавились, отстранив их от высоких должностей или отправив на пенсию. Они недооценивали перспективы фундаментальных исследований в физике, сделав крен в сторону решения сугубо прикладных проблем, в результате чего, а также из-за изгнания физиков-евреев остался неиспользованным значительный инновационный потенциал.

Нацисты пытались ввести жесткую дисциплину, подчинив науку и образование политико-административному контролю. Были четко определены «фронты» борьбы с научной интеллигенцией: репрессии обрушились на ученых-демократов, коммунистов и социал-демократов, но прежде всего на евреев. С 1933 по 1939 г. представители этих групп почти поголовно были уволены с государственной службы, многие из них арестованы или принуждены к эмиграции.⁸⁸ Некоторые университеты, включая Берлинский, потеряли до 40 % своего профессорско-преподавательского корпуса.⁸⁹ В конечном счете к 1940 г. из Германии, Австрии и Чехословакии эмигрировали 15% ученых и инженеров, а всего около 2000 человек.⁹⁰ Оставшиеся должны были принести клятву на верность фюреру, немецкому народу и Третьему рейху. Над ними был установлен жесткий контроль со стороны партийных ячеек в университетах и институтах, а также осведомителей СС и СД.

Такая унификация, точнее «самоунификация», научных институтов и вузов проходила достаточно спокойно, руками их руководителей, как правило пунктуально выполнявших распоряжение властей даже в случаях несогласия с ними.⁹¹ Хотя для многих ученых этот период был крахом их надежд на сильную науку в сильной Германии, протесты против увольнения даже выдающих-

---

⁸⁵ Proctor R. *Racial Hygiene: Medicine under the Nazis*. Cambridge (Mass.), 1988; Weindling P. *Health, Race and German Politics between National Unification and Nazism. 1870—1945*. Cambridge, 1989; *Cleansing the Fatherland. Nazi Medicine and Racial Hygiene* / Ed. G. Aly, P. Chroust, Ch. Pross. Baltimore; London, 1994. P. XII—XIII; Proctor R. *The Nazi War on Cancer*. Princeton; New York, 1999.

⁸⁶ Deichmann U. 1) *Biologen unter Hitler. Vertreibung, Karrieren, Forschung*. Frankfurt am Main; New York, 1992; 2) *Flüchten, Mitmachen, Vergessen. Chemiker und Biochemiker in der NS-Zeit*. New York; Chichester u. a., 2001.

⁸⁷ *Handbuch der Deutschen Bildungsgeschichte*. Bd. 5. 1918—1945. Die Weimarer Republik und die nationalsozialistische Diktatur / Hg. D. Langewiesche & H.-E. Tenorth. München, 1989.

⁸⁸ Fischer K. *The Operationalization of Scientific Emigration Loss // Historische Sozialforschung*. 1988. Bd. 48. S. 99—121; *Die Emigration der Wissenschaft nach 1933* / Hg. H. Strauss. München, 1991.

⁸⁹ *Die Berliner Universität in der NS-Zeit*. Bd. 1—2. München, 2005.

⁹⁰ Ash M., Söllner A. *Forced Migration and Scientific Change after 1933 // Forced Migration and Scientific Change: Emigré German-speaking Scientists and Scholars after 1933* / Ed. M.G. Ash & A. Söllner. Cambridge, 1996. P. 6—7.

⁹¹ Beyrau D. *Bildungsschichten unter totalitären Bedingungen. Überlegungen zu einem Vergleich zwischen NS-Deutschland und der Sowjetunion unter Stalin // Archiv für Sozialgeschichte*. 1994. Bd. 34. S. 44.

ся ученых, например Ф. Хабера и А. Эйнштейна, являвшихся символом теоретической и практической мощи немецкой науки, были редким исключением. Напротив, немало было тех, кто с чистой или нечистой совестью занимал освобождавшиеся места. Многие ученые активно участвовали в рационализации иррациональных побуждений нацистов и нередко сами были инициаторами гонений на своих коллег. Так, нападки на В. Гейзенберга и других «врагов нации» и «белых евреев» стимулировали сами физики, руководившие при этом разными мотивами.⁹² Одни старались сохранить или повысить свой статус, другие — получить финансовую поддержку, третьи — низвергнуть конкурентов, четвертые — защититься от нападков. Условия тоталитарного режима диктовали определенный тип адаптации ради выживания или карьеры.

Однако в политике нацистов довольно скоро произошел поворот от идеологического романтизма к политической прагматике. То, что было важно в партийно-общественной риторике до 1933 г., оказалось вредно в новой государственно-партийной системе. Для правителей Третьего рейха становилось ясным, что неважно, какая у них наука — «еврейская» или «арийская», теоретико-догматическая или экспериментальная. Им нужна была современная физика и современная биология, способные обслуживать военную машину Третьего рейха и реализовать задачу генетического оздоровления нации и очищения ее от евреев. Поэтому нацисты, поменяв руководителей на высших этажах руководства науки в главных научных учреждениях и вузах, продолжали использовать на уровне руководителей кафедр и институтов и «белого еврея» физика В. Гейзенберга, и настоящего еврея биохимика О. Варбурга.

В Германии с приходом нацистов к власти была предпринята попытка централизовать научные исследования, превратив науку и высшую школу в инструмент национал-социалистической политики и идеологии.⁹³ Наука должна была помочь вторжению государства во все сферы общественной жизни, разработать селективные меры в области народонаселения, а в конечном счете поддержать «единство нации», завоевание «жизненного пространства» и сохранение Германией мирового господства. Создавались особые нацистские научные структуры типа фонда СС «Наследие предков» и Национал-социалистической академии наук, базировавшиеся на идеологии «почвы и крови», но и там за

---

⁹² *Beyerchen A.* Scientists under Hitler: Politics and the Physics Community in the Third Reich. New Haven, 1977. P. 123—198; *Cassidy D.* Uncertainty: The Life and Science of Werner Heisenberg. New York, 1991; *Weiner Heisenberg in Leipzig: 1927—1942* / Hg. Cr. Klein & G. Wiemers. Berlin, 1993; *Powers T.* Heisenbergs Krieg. Die Geheimgeschichte der deutschen Atombombe. Hamburg, 1993; *Walker M.* Nazi Science. Myth, Truth and the German Atomic Bomb. Cambridge, 1995. P. 41—64.

⁹³ *Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte.* Bd. V. Die Weimar Republik und die nationalsozialistische Diktatur / Hg. D. Langewiesche & H.-E. Tenorth. München, 1989; *Heiber H.* Universität unterm Hakenkreuz. T. 1: Der Professor im Dritten Reich. Bilder aus der akademischen Provinz. Bd. 2: Die Kapitulation der Hohen Schulen. Das Jahr 1933 und seine Themen. München; London; New York; Paris, 1991; *Jansen Ch.* Professoren und Politik. Politisches Denken und Handeln der Heidelberger Hochschullehrer 1914—1935. Göttingen, 1992; *Grüttner M.* Studenten im Dritten Reich. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1995; *Höpfner H.-P.* Die Universität Bonn im Dritten Reich. Akademische Biographien unter nationalsozialistischer Herrschaft. Bonn, 1999; *Eberle H.* Die Martin-Luther-Universität in der Zeit des Nationalsozialismus 1933—1945. Halle, 2002; «Kämpferische Wissenschaft». Studien zur Universität Jena im Nationalsozialismus / Hg. U. Hossfeld, J. John. O. Lemuth & R. Stutz. Köln; Weimar; Wien, 2003.

идеологической фразеологией чаще всего велись нормальные научные исследования, соответствовавшие мировым стандартам.⁹⁴ С преобразованием в 1937 г. Немецкого общества поддержки и содействия в Немецкое научно-исследовательское общество (Deutsche Forschungsgemeinschaft —ДФГ), возглавляемое «старым борцом» (член СА с 1922 г. и член НСДАП с 1925 г.), обергруппефюрером (бригадный генерал) СС Р. Менцелем, фактически была ликвидирована система конкурсного распределения грантов. Финансовую поддержку отныне оказывали только проектам, признанным важными для обороны или идеологии и лоббируемым кем-нибудь из национал-социалистического руководства. Здесь особую активность проявлял Г. Гиммлер.

Однако оказалось трудно создать централизованную систему организации науки в условиях национал-социалистического государства, представлявшего собой поликратический картель блоков власти, включая армию, большой бизнес, государственную службу и НСДАП, объединившихся в 1933 г. для утверждения сильной власти, подавления демократии и подготовки к реваншу.⁹⁵ Подобную структуру власти Ф. Нойман еще в начале 1940-х гг. назвал «бегемотом», подчеркивая плохую совместимость ее звеньев, жестко конкурировавших и конфликтовавших друг с другом.⁹⁶ Существовали и другие блоки власти (СС, СД, СА, империя Г. Геринга, министерство вооружений А. Шпеера и т. п.), которые вместе с армией постепенно становились главными в структуре власти, отесняя на второй план партийных функционеров. Но эти блоки, как и все организации во времена Третьего рейха, имели доступ к власти только благодаря поддержке фюрера, так как властные функции исходили только от него или были по крайней мере им опосредованы.⁹⁷ Но он далеко не всегда контролировал ситуацию, проявляя себя или как «господин в своих владениях», или как «слабый диктатор».⁹⁸ Роль Гитлера в создании ракет⁹⁹ и атомной бомбы хорошо иллюстрируют эти две ипостаси его воздействия на разработку важнейших типов современного оружия, где ошибка в выборе приоритетов в создании принципиально новых типов оружия (ракетного и атомного) предопределила поражение Германии.¹⁰⁰

Сферы деятельности блоков власти постоянно перекрывались, в том числе и в управлении наукой. В 1934 г. было создано Имперское министерство на-

---

⁹⁴ Eidenbenz M. «Blut and Boden». Zu Funktion und Genese der Metaphern des Agrarismus und Biologismus in der nationalistischen Bauernpropaganda R. W. Darrés. Berlin, 1993; Kater M. H. Das «Ahnenerbe» der SS. 1935—1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik der Dritten Reiches. München, 1997.

⁹⁵ Обзор литературы о природе власти в национал-социалистическом государстве см.: Kershaw I. The Nazi Dictatorship. Problems and Perspectives of Interpretation. 3 ed. London, 1993. P. 1—16.

⁹⁶ Neumann F. Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism. New York, 1942; Scientists, Engineers, and National Socialism // Science, Technology and National Socialism // Ed. M. Renneberg & M. Walker. Cambridge, 1993. P. 1—4.

⁹⁷ Kershaw I. Hitler. London, 1991. P. 1—15.

⁹⁸ Kershaw I. The Nazi Dictatorship. P. 59—79.

⁹⁹ Neufeld M. J. Die Rakete und das Reich. Werner von Braun, Peenemünde und der Beginn des Raketenzeitalters. Berlin, 1997; Peenemünde. Mythos und Geschichte der Rakete: 1923—1989. Berlin, 2004.

¹⁰⁰ Rose P. L. Heisenberg and the Nazi Atomic Bomb Project. A Study in German Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1998; Schaaf M. Heisenberg, Hitler und die Bombe. Gespräche mit Zeitzeugen. Berlin, 2001.

уки, воспитания и народного образования, которое возглавил также «старый борец» (член НСДАП с 1925 г.) Б. Руст. Под его началом оказалась огромная «империя» знания, включая науку, высшее и среднее образование, молодежные объединения и союзы. Помимо идеологической задачи нацификации и ариизации образования министерство должно было направлять усилия немецкой науки на нужды военной индустриализации и реализации программ расовой гигиены. Все научные учреждения, в том числе и КВГ, возглавляемое нацистами, президентом А. Фёглером и генеральным директором Э. Тельшовым, со всеми его институтами, перешли под контроль министерства. Под лозунгом «чистоты расы» Руст осуществил полное обновление немецкой интеллектуальной жизни в соответствии с национал-социалистическими стандартами, что в конечном счете привело к потере Германией лидирующей роли во многих отраслях естествознания из-за увольнения и эмиграции выдающихся химиков, физиков, математиков и инженеров. Подрастающее поколение ученых было воспитано в духе милитаризма, расизма и национализма, так, как провозгласил Руст: «Нам нужны новые поколения арийцев, или мы потеряем свое будущее».¹⁰¹ Но будущее немецкая наука потеряла как раз из-за реализации планов национал-социалистов, а сам Руст покончил жизнь самоубийством в день безоговорочной капитуляции Германии, 8 мая 1945 г.

Министерство не справилось с научным обеспечением военных программ, призванных принести победу Германии, хотя в ее распоряжении оказались научные ресурсы многих оккупированных стран Европы. Не помогли и попытки ввести планирование научных исследований в рамках «четырёхлетнего плана», предложенного Герингом, согласно которому двадцать пять институтов, работавших на бюджетном финансировании, планомерно создавали и внедряли стратегически важные научно-технические разработки.

Р. Менцель при помощи Б. Руста создал свою мини-империю внутри Имперского министерства науки, воспитания и народного образования, возглавляя с 1939 г. Научный совет министерства, контролируя через него Имперский научно-исследовательский совет и ДФГ, а следовательно, большинство средств, выделяемых на исследования. Он же был с 1937 г. вторым вице-президентом КВГ. Э. Шуман, поспешивший вступить в партию весной 1933 г., занимал влиятельную позицию в том же министерстве, а позднее стал главным советником Р. Менцеля в ДФГ и возглавлял исследовательский отдел в Главном командовании вермахта. К. Краух управлял «четырёхлетним планом» Г. Геринга, который в то же время работал в тесном контакте с СС и Имперским министерством вооружений, возглавляемым А. Шпеером. Такие управляющие среднего звена часто обладали значительной властью в науке национал-социалистического государства благодаря большому количеству начальников-покровителей.

Эти макро- и мини-империи определяли технократическое управление наукой Третьего рейха, которое, как полагали ученые, будет эффективно работать при тоталитарном режиме. Но особенность технократии при Гитлере заключалась в том, что рациональные средства и технократические принципы использовались для достижения как рациональных, так и иррациональных целей.¹⁰²

¹⁰¹ *Wistrich R. Wer war wer in Dritten Reich. München, 1983. S. 232.*

¹⁰² Это — неизбежное следствие противоречивости национал-социалистической власти в Германии, у которой изначально было два лика — «социальная реакция» и «социальная революция» (*Kerschaw I. The Nazi Dictatorship. P. 131—149.*)

Конструкторы нацистской Германии создали первые боевые ракеты, реактивные самолеты, непрерывно совершенствовали авиационные приборы и вооружение, но немногие новейшие разработки были внедрены в массовое производство. Физики были лишены серьезной государственной поддержки для создания немецкой атомной бомбы.¹⁰³

Важные в военно-техническом отношении научно-исследовательские проекты были подчинены СС, а на заключительном этапе войны в концентрационных лагерях создавались лаборатории, в которых весьма неэффективно использовали потенциал ученых-узников из военнопленных. Лагеря стали местом физиологических, биохимических и медицинских опытов над людьми, при этом многие немецкие ученые воспринимали эти эксперименты как занятие обычной, нормальной наукой.¹⁰⁴ В рамках генерального плана «Ост», предусматривавшего эксплуатацию научных ресурсов оккупационных стран, нашло отражение тесное и специфическое соединение академической науки и национал-социалистического планирования научных исследований и их применения для реализации нацистской политики уничтожения наций.¹⁰⁵ При этом не брезговали и прямым грабежом, как это было с похищением национал-социалистами в 1943 г. генетических материалов в советских институтах, организованных Н. И. Вавиловым.¹⁰⁶

В результате разрыва между технократическими методами и технократическими целями ученые и инженеры лишь способствовали нацистам рационально организовать хаос, ускорив тем самым самоуничтожение Третьего рейха. Национал-социализм в конечном счете не дал возможности техническим экспертам рационально управлять обществом. Они обладали властными полномо-

---

¹⁰³ *Hahn F.* Deutsche Geheimwaffen. 1939—1945. Flugzeugbewaffnungen. Heidenheim, 1963.

¹⁰⁴ *Müller-Hill B.* Murderous Science: Elimination by Scientific Selection of Jews, Gypsies, and Others, Germany 1933—1945. Oxford, 1985; *Schmuhl H.-W.* Rassenhygiene, Nationalsozialismus, Euthanasie. Von der Verhütung zur Vernichtung «lebensunwerten Lebens». Göttingen, 1987; *Bäumer Ä.* NS — Biologie. Stuttgart, 1990; *Fischer H.* Völkerkunde in Nationalsozialismus. Aspekte der Anpassung. Affinität und Behauptung einer wissenschaftlichen Disziplin. Berlin; Hamburg, 1990; *Weindlich P.* Epidemics and Genocide in Eastern Europe 1890—1945. Oxford, 2000; *Proctor R.* Racial Hygiene: Medicine under Nazis. Cambridge (Mass.); London, 1988; *Hansen F.* Biologische Kriegsführung im dritten Reich. Frankfurt am Main, 1993; *Cleansing the Fatherland. Nazi Medicine and Racial Hygiene* / Ed. G. Aly, P. Chroust & Ch. Pross. Baltimore; London, 1994; *Wetzell R.* Inventing of Criminal: History of German Criminology. 1880—1945. Chapel Hill, 2000; *Sucker U.* Das Kaiser-Wilhelm-Institut für Biologie. Seine Gründungsgeschichte, seine problemgeschichten und wissenschaftstheoretischen Voraussetzungen (1911—1916). Stuttgart, 2002; *Autarkie und Ostexpansion. Pflanzen und Agrarforschung in Nationalsozialismus* / Hg. S. Heim. Göttingen, 2002; *Die Rolle der Geisteswissenschaften im Dritten Reich 1933—1945* // Hg. F.-R. Hausmann. München, 2002; *Naturschutz und Nationalsozialismus* / Hg. J. Radkau & F. Uekörner. Frankfurt am Main, 2003; *Rassenforschung an Kaiser-Wilhelm-Instituten vor und nach 1933* / Hg. H.-W. Schmuhl. Göttingen, 2003; *Weikart R.* From Darwin to Hitler. Evolutionary Ethics, Eugenetic and Racism in Germany. New York, 2004.

¹⁰⁵ *Aly G., Heim S.* Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für neue europäische Ordnung. Hamburg, 1991; *Der «Generalplan Ost». Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik* // Hg. M. Rössler & S. Schleiermacher. Berlin, 1993.

¹⁰⁶ *Flitner M.* Sammler, Räuber und Gelehrte. Die politischen Interessen an pflanzen genetischen Ressourcen 1895—1995. Frankfurt am Main; New York, 1995. S. 115—121.

чиями в той мере, в какой им позволяли действовать различные блоки власти, разрабатывавшие решения, нуждавшиеся в одобрении фюрера.

Организация науки в Третьем рейхе оказалась неспособной к саморазвитию и даже самосохранению. Поликратический картель блоков властей, перекрывающихся, конкурирующих между собой и действовавших вразрез другу другу, сильно мешал, препятствуя систематическому развитию и внедрению специфических технологий и политик, не говоря о технологическом преобразовании в целом. В итоге было невозможно определить постоянные «государственные цели», за исключением таких самых общих, как территориальная и экономическая экспансия, расовая «чистота» населения и тотальный контроль над всеми слоями общества. Но даже эти цели не были достигнуты, несмотря на вторую мировую войну, полицейское государство, СС и геноцид.

Фактически Третий Рейх паразитировал на немецкой науке, используя ученых и структуры, унаследованные от Веймарской республики. Немецкая наука потеряла несколько поколений ученых в результате чисток, эмиграции и огромных жертв во второй мировой войне, а также последующей денацификации и «утечки мозгов».¹⁰⁷ А узкая практическая направленность науки не только обусловила отставание последней, но и привела к потере превосходства в оборонной технике. После войны немецким ученым пришлось пройти демилитаризацию и денацификацию, объясняя свое участие в политике национал-социализма, а затем более 40 лет развиваться по разным моделям организации науки в ГДР и ФРГ. Только после их воссоединения был осуществлен возврат к принципам, разработанным в Веймарской республике, но Германия уже никогда не доминировала «ни в науке в целом, ни в отдельных научных отраслях».¹⁰⁸

Советская модель мобилизационной науки¹⁰⁹

Захват власти большевиками большинство ученых России оценивали как небывалую в истории катастрофу и пытались протестовать. Однако вскоре они осознали, что само существование науки становится предметом торга с новыми властями и ее прежняя роль в жизни страны, возможно, будет оспариваться. В конечном счете руководители Академии наук и вузов пошли на профессиональное сотрудничество с новой властью. При этом они стремились, сохраняя автономию, получать финансовую и материальную поддержку от государства, участвовать в разработке и экспертизе законов, правительственных проектов и планов. В сотрудничестве были заинтересованы и коммунистические вожди, охваченные прометеевской верой в возможность построения нового общества

¹⁰⁷ Уолкер М. Наука при национал-социализме // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. С. 701—727.

¹⁰⁸ Уолкер М. Наука в послевоенной Германии // Наука и кризисы. С. 922.

¹⁰⁹ Вопросы выживания советской науки в период 1917—1945 гг. в последние годы не раз анализировались в коллективных монографиях: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. С. 346—549, 557—564, 728—772, 783—817; За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки / М. Хайнеманн, Э. Колчинский. СПб., 2002; Академическая наука в Санкт-Петербурге / Отв. ред. Ж. И. Алфёров. Ред.-составители Э. И. Колчинский и Э. А. Тропп. СПб., 2003. С. 361—512. Это дает возможность рассмотреть сложную историю развития науки в СССР в тезисной форме.

путем максимального использования научных достижений и модернизации экономики.

Тем не менее уже в годы гражданской войны кадровые потери были огромны. Примерно из 11 000-го корпуса преподавателей, профессоров и научных сотрудников умерло 25 %, а 25 % оказалось за границей.¹¹⁰ Так, из 42 академиков РАН умерли 15 человек, а также 11 почетных членов и 35 членов-корреспондентов. Арестам подвергались 7 академиков и 6 членов-корреспондентов. В годы красного террора были расстреляны 3 почетных члена и 1 член-корреспондент. Оставшимся в живых работать было очень трудно, постоянно ухудшались условия питания, пайки выдавались нерегулярно, трудно было привыкнуть к новым взаимоотношениям с властями, взгляды и цели которых не разделяла большая часть научного сообщества. Невосполнимый ущерб отечественной науке нанесли и прямые репрессии властей. В этих условиях многие академики эмигрировали. К концу гражданской войны за границей работало 9 академиков, из них только 2 вернулись обратно. Подобные кадровые потери не могли пройти бесследно для отечественной науки.

Для того чтобы найти общий язык с победившими в гражданской войне большевиками, ученые должны были «перевести» свои планы и проекты на язык, доступный и понятный их новым патронам, а большевики — сформулировать свои политико-идеологические и социальные ценности на языке, близком ученым. В этом случае стало возможным согласие в вопросе о приоритетных направлениях научной политики, о принципах создания научных учреждений и управления ими. Диалог состоялся, так как ученых и большевиков объединяло общее отношение к науке. Всячески приветствуя науку, обращенную к практике, большевики поощряли и движение научного сообщества в этом направлении. И в этом встречном движении было много сделано к началу НЭПа, когда ссылки на народный характер науки становились штампом в декларациях ученых. Их взаимодействие с властями шло под лозунгом «союз науки и труда», приемлемым для дореволюционного научного сообщества, члены которого всегда мечтали служить народу.

Временным выходом из кризиса стала сложная система научных учреждений, получавших поддержку из разных государственных источников при отсутствии единого координирующего органа. Важным этапом в установлении «союза науки и труда» было празднование 200-летнего юбилея РАН/АН СССР, из которого и власть, и академическое сообщество постарались получить максимум политических дивидендов.¹¹¹ Во главе Академии наук, провозглашенной высшим научным учреждением, оставались ее прежние руководители А. П. Карпинский и С. Ф. Ольденбург. Наряду с академической и вузовской наукой возникали разнообразные научные учреждения при ВСХН, наркоматах, губисполкомах, промышленных предприятиях и т. д. По отношению к научному сообществу власти проводили двойную политику: университеты были по-

¹¹⁰ Колчинский Э. И. Наука и эмиграция: судьбы и цифры // Зарубежная Россия. Кн. 2. 1917—1939. С. 165—169.

¹¹¹ О ходе, подготовке и проведении празднования юбилея и его последствиях для научного сообщества см.: Кольцов А. В., Колчинский Э. И. 200-летний юбилей РАН и политика // Науковедение. 2001. № 1. С. 22—39; Копелевич Ю. Х., Колчинский Э. И. За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. СПб., 2002. С. 226—234; Сорокина М. Ю. Двухсотлетний юбилей Академии наук // На переломе. Отечественная наука в конце XIX—XX вв. Нестор. 2005. № 9. С. 206—235.

ставлены под строгий административно-идеологический контроль, а для научных сотрудников созданы сотни исследовательских институтов, где решающий голос в выборе стратегии научного поиска принадлежал дореволюционным ученым. В итоге к 1928 г. сложилась достаточно сложная и только внешне централизованная система организации науки. Наряду с традиционной наукой большевики стремились создать собственную систему научных учреждений и подготовки научных кадров в рамках Коммунистической Академии и Института красной профессуры.¹¹²

В годы «великого перелома» и «культурной революции» в конце 1920-х гг. стала создаваться жестко регулируемая централизованная наука.¹¹³ Ее неотъемлемыми чертами вплоть до середины 1950-х гг. стали массовые репрессии и «шараги» в тюрьмах.¹¹⁴ Время потребовало новых лидеров научного сообщества (В. Л. Комаров, А. Ф. Иоффе, С. И. Вавилов, Л. П. Капица и др.), работавших в диалоге с властями, и новых лозунгов. Одним из них стал пропагандируемый властями лозунг «СССР — центр мировой науки», с удовлетворением воспринятый учеными, усматривавшими в нем доказательства сциентистской политики советского правительства. И они не ошиблись. СССР, осуществив максимальную концентрацию национальных ресурсов, раньше других стал целенаправленно использовать науку для создания мощного военно-промышленного потенциала. Это сопровождалось резким поворотом в научной политике: от

---

¹¹² Козлова Л. А. Институт красной профессуры // Социол. журн. 1994. № 1. С. 96—107; David-Fox M. Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks, 1918—1929. Ithaca; London, 1997; Берендт Л.-Д. Институт красной профессуры: «кузница кадров» советской партийной интеллигенции // Копелевич Ю. Х., Колчинский Э. И. За «железным занавесом». С. 166—197.

¹¹³ Cultural Revolution in Russia, 1928—1932. Bloomington, 1984; Fitzpatrick Sh. Power and Culture Front in Revolutionary Russia. Ithaca; London, 1992; Академическое дело. 1928—1931 гг. / Отв. ред. В. П. Леонов. СПб., 1993—1998. Вып. 1—2; Plaggenberg S. Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln u.a., 1996. (Рус. изд.: Плаггенберг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. И. Карташевой. СПб., 2000); Колчинский Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии. Дискуссии и репрессии 20-х—начала 30-х гг. СПб., 1999.

¹¹⁴ Первая «шарашка», созданная в области авиастроения, существовала с 1928 г. в московской тюрьме «Бутырка». Особое конструкторское бюро, укомплектованное арестованными авиационными инженерами, функционировало на базе завода № 39 им. В. Р. Менжинского. Эксперимент оказался удачным, так как заключенные за пять месяцев разработали новый тип самолета. Далее создавались целые научно-производственные комплексы в системе НКВД, например Судострой, теперь Северодвинск, на Крайнем Севере. Знаменитый авиаконструктор А. Н. Туполев был арестован в 1937 г. и помещен со всем своим бюро в «шарашку». «Враги народа» разрабатывали новые модели самолетов в ЦКБ-28, военных кораблей — в ряде «шарашек» в Ленинграде и Болошово. А. И. Берг и А. Л. Минц, ведущие советские радиоинженеры, работали в «шарашках» несколько лет. Там же трудились знаменитые авиаконструкторы Р. Л. Бартини, К. А. Калинин, В. М. Мясичев, В. М. Петляков, судостроители В. Л. Бжезинский, В. Л. Бродский и мн. др. К сожалению, до сих пор нет специальных исследований, посвященных реальному вкладу подобных «шарашек» в перевооружение страны. Но судя по отрывочным сведениям из биографий ученых, многие из которых стали академиками за заслуги в создании военных самолетов, кораблей, ракет находясь в заключении, «шараги» были важными центрами в разработке боевой техники и оружия. См., например: Соболев Д. А. Репрессии в советской авиационной промышленности // ВИЕТ. 2000. № 4. С. 45.

пролетарско-интернациональной к консервативно-государственной, которая далее трансформировалась в советский патриотизм и шовинизм. Отныне во всех правительственных документах рост науки рассматривался как важное условие безопасности страны и всячески декларировалась ее поддержка.¹¹⁵

Наращение военной угрозы позволило советскому правительству уже с 1934 г. начать кампанию по превращению страны в «осажденную крепость», где наука должна была обеспечить военно-технологическое преимущество в предстоящей войне.¹¹⁶ Число научных работников и научных учреждений возросло во много раз, что потребовало выделения на науку значительной части национального дохода и ресурсов. Вместе с тем огромный научный потенциал страны был уничтожен в годы сталинских репрессий.¹¹⁷ Под их жернова попало около 50 академиков и 60 членов-корреспондентов АН СССР. Более половины из них были расстреляны, убиты во время допросов, умерли в тюрьмах, лагерях, ссылках. Их судьбу разделили десятки тысяч различных научных учреждений и вузов. Около 70 человек, включая создателей первых космических кораблей С. П. Королева и В. П. Глушко, уже после арестов и многих лет заключения стали академиками и членами-корреспондентами. Тотальный контроль над идеологизированной наукой привел к доминированию в некоторых отраслях знания псевдонаучных построений (Т. Д. Лысенко, О. Б. Лепешинская).

Война прервала эти негативные тенденции, вывела советскую науку из состояния самоизоляции, восстановила научные контакты советских и англо-американских ученых и завершила формирование «большой науки» в СССР как важнейшего фактора национальной безопасности. Вторжение немецких войск в СССР в июне 1941 г. привело к катастрофическим экономическим трудностям и потребовало существенных изменений во взаимоотношениях научного сообщества и партийно-государственных структур. Смертельная угроза создала новые основы для сотрудничества между учеными и бюрократическим аппаратом ради защиты страны от реального и безжалостного врага. Возникла риторика ультрапатриотизма. Ее ключевыми фразами стали «Отечество в опасности» и «Все во имя победы».

Война заставила государственно-партийную бюрократию дать научному сообществу новые права как внутри страны, так и в международном общении. Ученые становились не только экспертами и советниками правительства, но и его партнерами, участвуя в выработке решений по научным, экономическим и даже политическим вопросам. Они играли важную роль в укреплении союзни-

¹¹⁵ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ЦК ВКП (б): 1922—1952 / В. Д. Есаков. М., 2000.

¹¹⁶ Козлов Б. И. Академия наук СССР и индустриализация России. М., 2003; Колчинский Э. И. Академия наук СССР и вторая мировая война // На переломе. Вып. 3; Отечественная наука в конце XIX—XX веков: источники, исследования, историография / Ред. Э.И. Колчинский и М.Б. Конашев // Нестор. 2005. № 9. С. 313—328; *Grunden W., Kawamura Yu., Kolchinsky E., Maier H., Masakutsu Ya.* Laying the Foundation for Wartime Research: A Comparative Overview of Science Mobilization in National Socialist Germany, Japan and Soviet Union // *Osiris*. 2005. Vol. 20. P. 79—106; *Kolchinsky E. I.* Science Mobilization in the Soviet Union // *Science and War* / Ed. Ichacawa. Hiroshima, 2006. P. 159—175 (на яп. языке).

¹¹⁷ Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201—235.

ческих уз, будучи полпредами нашей страны в Америке и Великобритании, создавая у интеллектуальной элиты Запада позитивный образ СССР, оплота демократии и социальной справедливости, заклятого врага фашизма. Военный союз с Великобританией и США предполагал также тесное сотрудничество с учеными этих стран в разработке нового оружия и новых военных технологий. В планах научных исследований остались только проекты, способные быстро повысить обороноспособность.¹¹⁸

При Государственном комитете обороны (ГКО), возглавляемом И. В. Сталиным, был создан Научно-технический совет (НТС), в который вошли наиболее крупные ученые, связанные с оборонными исследованиями. Позднее ГКО организовал научные советы по радиолокации, мерам защиты танков, геологическому и географическому обслуживанию Красной Армии, при которых формировались специальные институты и лаборатории. Председатель НТС Кафтанов был обязан прямо информировать Сталина о насущных нуждах ученых и их рекомендациях. В 1943 г. С. И. Вавиловым он был назначен руководителем научных исследований при ГКО. Научные советы, возглавляемые академиками и членами-корреспондентами, были организованы практически при всех наркоматах, некоторые ученые стали заместителями наркомов, а П. Л. Капица — даже членом правительства. В итоге члены Академии наук прямо или косвенно были вовлечены во все наиболее важные исследования. Признав науку необходимой для спасения страны, власть дала научному сообществу новые обязанности и права. В результате резко возрос социальный статус ученого, а административная верхушка научного сообщества сама стала частью высшей государственной элиты.¹¹⁹ С. И. Вавилов еще был беспартийным президентом АН СССР, но все последующие руководители были членами партии, а также были тесно связаны с Военно-промышленным комплексом, принимая активное участие в определении стратегии его развития.

К концу второй мировой войны в СССР окончательно утвердилась мобилизационная модель управления наукой. Во главе всей иерархической пирамиды стоял Генеральный секретарь ЦК КПСС, возглавлявший одновременно правительство и Государственный комитет обороны (ГКО), контролировавший все рычаги политической, исполнительной и военной власти.

Все взаимодействующие звенья этой модели были связаны огромным числом горизонтальных и вертикальных, прямых и косвенных связей, в значительной степени дублировавших друг друга, что определяло целостность и устойчивость системы, при которой межведомственная конкуренция была сведена к минимуму.

В годы «холодной войны» сложившаяся система взаимоотношений науки и государства была укреплена и ужесточена, но степень вмешательства партийно-государственного аппарата в науку предопределялась значимостью той или иной отрасли знаний для военно-промышленного комплекса. Задача победить в холодной войне требовала возврата к изолированности от научного сообщества Запада. В этой ситуации «железный занавес» и идеология «особости» со-

---

¹¹⁸ Кольцов А. В. Ленинградские учреждения Академии наук СССР 1934—1945 гг. СПб., 1977.

¹¹⁹ Korenjuk N. Die Akademie der Wissenschaften der UdSSR als elitäre Korporation // Im Dschungel der Macht: Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Dietrich Beyrau (ed.). Göttingen, 2000. P. 65—84.

ветской науки обусловили постоянное вмешательство партийно-правительственных органов в деятельность научного сообщества, что привело к доминированию псевдонаучных построений в отдельных областях научного знания. Это вызывало недовольство со стороны ученых. Не случайно именно среди них окрепло диссидентское движение, и в конечном счете они поддержали лидеров «перестройки».

Советская модель мобилизационной науки, сформированная для обеспечения ускоренной модернизации, позволила эффективно использовать экономические, людские и интеллектуальные ресурсы и одержать победу над нацистской Германией. Затем в течение нескольких десятилетий СССР удавалось вести на равных с США гонку вооружений благодаря жесткой централизации и максимальной мобилизации всех сфер производства, включая академическую, вузовскую и отраслевую. Эта система в значительной степени была разрушена в первые годы существования новой России, а становление новой системы растянулось на десятилетия.

Американский путь к «Большой науке»

В отличие от России и Германии США вышли из первой мировой войны окрепшими в экономическом и финансовом отношении, с устойчивым ростом промышленности, который ее руководители прямо связывали с успехами науки и техники.¹²⁰ Если кризисы, переживаемые Россией и Германией, были следствием первой мировой войны и революций, то США сами породили экономический кризис западного капитала на рубеже 1920—1930-х гг., ставший для них национальной катастрофой и вызвавший Великую депрессию.¹²¹

Первые резкие сокращения бюджета в государственной системе науки начались в 1932 г. при республиканской администрации и продолжились при новой демократической. Многие учреждения потеряли около половины своего бюджета и штата сотрудников. В эти годы законодательная и исполнительная власть сокращала ассигнования на науку, объявляя ей «выходной» и вводя мораторий на научные исследования. Избрание Ф. Д. Рузвельта президентом США в 1932 г. вызывало двойственные чувства у ученых. Они понимали, что для развития науки нужна мощная всесторонняя поддержка, и его концепция активной позиции правительства в экономической жизни страны импонировала им. В то же время существовали опасения, что вмешательство государства нарушит свободу научного поиска, а сама наука займет не главное место в планируемых реформах.

Вскоре обозначилось дифференциальное отношение нового правительства к разным отраслям. Лучше всего чувствовали себя представители сельскохозяйственной науки, защищаемой мощным фермерским лобби. Фундаментальные исследования в области физики и химии и работы, связанные с промыш-

¹²⁰ LaFollette M. Making Science Our Own: Public Images of Science, 1910—1955. Chicago, 1990.

¹²¹ О науке США в годы Великой депрессии см.: Александров Д. А., Колчинский Э. И. Наука и кризисы XX века: Россия, Германия и США между двумя мировыми войнами // Наука и безопасность России / Отв. ред. А. Г. Назаров. М., 2000. С. 316—323; Александров Д. А. Великая депрессия и наука США // Наука и кризисы. С. 577—664.

ленностью, страдали в первую очередь. Промышленникам предлагалось самим нести груз ответственности за технические науки, а не уповать на федеральные средства. Взявшись за реорганизацию отдельных научных учреждений, новая администрация обратилась за советом к самим ученым, которые предложили реформировать науку, более считаясь с ее интересами, «нежели с планами правительства».¹²² Научное консультативное бюро во главе с президентом Массачусетского университета К. Комптоном, созданное распоряжением президента США Рузвельта по инициативе руководства Национальной Академии наук и Национального исследовательского совета, было призвано изучить функции и взаимоотношения различных научных организаций и определить место науки в правительственной деятельности. Предложенная бюро «Программа возрождения научного прогресса» была направлена на координацию научно-технических усилий в восстановлении национальной индустрии. Она предусматривала экстренные гранты и выделение особых бюджетных субсидий на фундаментальную науку. Однако этого не удалось добиться из-за раскола в самом научном сообществе, так как многие учреждения, в первую очередь Национальная академия США во главе с У. Кэмбеллом, рассматривали деятельность бюро Комптона как покушение на их права.

Недовольство правительства реализацией программы, подготовленной бюро, привело к его ликвидации в конце 1935 г. Некоторые его функции взял на себя созданный Комитет по связям с правительством и научным консультациям, но в 1939 г. и он был распущен, а Академия возобновила прежнюю практику, когда правительственные запросы посылались в ее специальные комитеты. Научное сообщество и правительство США оказались еще не готовы совместно решать проблемы, обозначившиеся в условиях глобального социально-экономического кризиса, в треугольнике науки, государства и общества. Ситуация в США разительно отличалась от положения дел в Веймарской республике, где ученые разных ведомств и научных учреждений, несмотря на политические разногласия и ведомственные интересы, выступили единым фронтом в выработке новой научной политики и создании новых форм финансирования науки. Более консолидированно действовало и научное сообщество РСФСР/СССР в годы гражданской войны и НЭПа.

К счастью для американских ученых, экономическая депрессия продолжалась недолго, и уже в середине 1930-х гг. положение в науке и университетах постепенно начало исправляться. С обозначившимся выходом из депрессии отпала и необходимость в специальном правительственном органе, занятом научной реформой. Совет закрыли, а часть его функций возвратили Национальной академии наук, занявшей снова пассивную роль правительственного советчика, свойственную ей до кризиса. Однако большинство ученых, возглавляемых все тем же К. Комптоном и лауреатом Нобелевской премии Р. Миллиkenом, стремились всячески дискредитировать саму идею моратория на научные исследования. Объединившись с крупными промышленниками, они, используя средства массовой информации, постарались апеллировать к чувствам и разуму налогоплательщиков. Со всей мощью научного авторитета, аппарата статистики, экономики и ссылок ученые доказывали: «Наука создает рабочие места». Немаловажным фактором для успеха этой кампании было участие в ней промышлен-

---

¹²² Dupree A. H. Science in the Federal Government: A History of Policies and Activities. Baltimore, 1986. P. 350.

ников, в том числе таких гигантов американского бизнеса, как А. Слоан, президент Дженерал Моторс.

Тем не менее общественное мнение явно склонялось в пользу гуманистического поворота в исследованиях. Сочетание «физика и смерть» противопоставляли сочетанию «психология и жизнь», со всеми воображимыми последствиями.¹²³ Социальные и гуманитарные науки, а вместе с ними и биология как наука о жизни в глазах общества получали заметное преимущество над науками физико-химическими. В результате государство стало активнее участвовать в разработке и финансировании научных программ в области биологии и медицины.

Упрочение грантов как стержня американской системы финансирования науки также пришлось на трудные годы начала 1930-х гг. Даже деятельность таких благотворительных фондов, как Рокфеллеровский фонд и корпорация Карнеги, претерпела заметные изменения в стратегии при распределении грантов. Преимущество отныне отдавали наукам о жизни, что с удовольствием восприняли и представители точных наук. Это имело две явные причины — идеологическую и финансовую. Кроме того, что всестороннее познание человека казалось более уместным, чем изучение элементарных частиц, последнее было значительно дороже.

В годы кризиса на смену равномерной поддержке государством разных дисциплин пришла новая стратегия — всестороннее изучение жизненных процессов физико-химическими методами. Концентрация усилий в этих направлениях стала фактически научной политикой, направляющей развитие науки, а ее основным орудием стали гранты, выделяемые обычно на трехгодичные проекты отдельным ученым или небольшим группам ученых. Только проекты, соответствовавшие намеченным целям программы, получали финансирование.

Великая депрессия 1929—1933 гг. в США окончательно выявила неспособность прежней государственной организации науки обеспечить интенсивное использование ее исследований для возрождения экономики страны и быстрого преодоления последствий кризиса. Тем не менее неудача ученых и политиков в выработке форм взаимоотношений, которые бы удовлетворили обе стороны, обеспечив и свободу исследований, и государственные интересы, в перспективе не была трагедией для американской науки. Путь поиска новых форм взаимодействия науки, государства и общества в США оказался долгим, но зато выработанная вскоре модель этого взаимодействия была более эффективной, чем в Германии и СССР, и сохраняется поныне.

Уроки Великой депрессии не прошли для ученых даром. Они поняли, что отношения науки, правительства и общества не заданы заранее и навечно, что прогресс науки и ее поддержка обществом не гарантированы без активной и постоянной работы ученых в политике. При этом все большее значение в их глазах приобретал эффективный менеджмент науки и эффективная научная политика, развиваемая самими учеными. Неудачи с администрацией Рузвельта в период депрессии лишь укрепили их уверенность, что именно федеральное правительство должно нести ответственность за науку. Ученые многому научились, оставив свои предубеждения против активной государственной политики в области экономики и науки. Все выгоды альянса науки и правительства, вы-

---

¹²³ Kohler R. *Partners in Science: Foundations and Natural Scientists, 1900—1945*. Chicago, 1991.

званного к жизни второй мировой войной, уже не были упущены учеными и не были растрчены в разногласиях между ними.

Война стала мощным катализатором становления в США системы государственных органов руководства наукой.¹²⁴ Еще до вступления в антигитлеровскую коалицию правительство США предприняло ряд организационных мер по мобилизации национальных научно-технических ресурсов. Созданному в 1940 г. Национальному комитету оборонных исследований во главе с В. Бушем было дано право использовать для оборонных исследований не только правительственные лаборатории, но и (по контрактам) неправительственные учреждения. В июне 1941 г. для повышения эффективности координации работ военно-оборонного характера было создано Управление научными исследованиями и разработками, которому было поручено разработать проекты военного значения и ликвидировать разрыв между исследованиями, разработками и производством современного оружия, координируя научно-технические разработки в военных ведомствах и НАСА, а также военно-медицинские исследования.

В исполнительный комитет управления вошли выдающиеся ученые, которые и выступали инициаторами новых разработок и решали вопросы о распределении среди организаций отобранных для реализации проектов.¹²⁵ Среди проводимых управлением работ особое место занимает «Манхэттенский проект», связанный с созданием первой атомной бомбы, на который была потрачена огромная для того времени сумма в 2 млрд. долларов. Значительные изменения внесла война и в научные исследования военных ведомств США, управлявших армией, военно-морскими и военно-воздушными силами. Созданные в них научно-исследовательские подразделения эффективно действовали во время войны и были сохранены после ее завершения. Распределяя миллиардные средства на оборонные исследования, Буш позволил университетам играть в них значительную роль и составить конкуренцию крупным корпорациям.

К концу второй мировой войны наука США дала миру свое самое страшное произведение — атомную бомбу. Начался ядерный век. Это не только необратимо изменило мир, но и придало науке беспрецедентное политическое значение, превратив ее в один из важнейших элементов безопасности государства. Распад антигитлеровской коалиции и начало холодной войны сделали науку инструментом политической борьбы между сверхдержавами. В конфронтации Востока и Запада научные исследования приобрели новое идеологическое и политическое звучание, повлиявшее на развитие науки во всем мире. В разработке новых форм взаимоотношений науки и власти в условиях разгоравшейся холодной войны научные сообщества США претерпевали существенные метаморфозы в кадровой, институциональной и исследовательской политике, сказавшиеся на мировоззренческо-этических ценностях научного поиска.¹²⁶

Вначале часть ученых США попыталась вернуть автономность научных исследований в условиях сохранения и усиления правительственной поддерж-

---

¹²⁴ Dupree A. H. The Great Instauration of 1940: The Organization of Scientific Research for War // Twentieth-Century Sciences: Studies in the Biography of Ideas / Ed. G. Holton. New York, 1972. P. 443—467; Hooks G. Forging the Military-Industrial Complex: World War II's Battle of the Potomac. Urbana, 1991.

¹²⁵ Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах / Под ред. Д. М. Гвишиани, С. Р. Микулинского. М., 1972.

¹²⁶ Leslie S. W. The Cold War and American Science. The Military-Industrial-Academic Complex at MIT and Stanford. New York, 1993.

ки фундаментальных исследований и подготовки научных кадров.¹²⁷ Подготовленный В. Бушем по поручению Рузвельта доклад «Безграничные рубежи» предусматривал создание Национального научного фонда, который бы финансировался правительством при минимальном вмешательстве в его дела и минимальной отчетности фонда перед правительством. Однако эти рекомендации не были воплощены в жизнь. Хотя после ожесточенных дискуссий фонд был образован, но с узкими компетенциями и с незначительным бюджетом. Главными источниками поддержки фундаментальных исследований в стране стали Комиссия по атомной энергии и Управление военно-морских исследований.¹²⁸ По их контрактам реализовывались тысячи проектов в сотнях различных университетов и так называемых национальных лабораторий. Минимальные бюрократические преграды при выдаче субсидий на проведение исследований стимулировали заинтересованность ученых в их получении, обострили конкуренцию внутри научного сообщества и способствовали в целом повышению интенсивности и эффективности научных разработок. Особое место здесь заняло соперничество между научными ведомствами армии, военно-морских и военно-воздушных сил в развитии стратегического ракетно-ядерного оружия и в контроле над его разработками.

Послевоенные реформы науки в США превратили ее в неотъемлемую часть военно-промышленного комплекса и вызвали «охоту на ведьм», инициированную в разгар холодной войны сенатором Дж. Маккарти. Маккартизм наглядно показал, что научное сообщество подвергается сильному идеологическому и политическому давлению со стороны власти и в демократических странах.¹²⁹ Не только политики, но и многие ученые стремились реформировать науку, чтобы победить в холодной войне. Эксцессы эпохи маккартизма оказали огромное влияние на ученых и на их взаимоотношения с государством, которое было объято страхом перед экспансией коммунизма и преследовало ученых за их прошлые взгляды, политические убеждения или высказывания, отличавшиеся от преваляровавших в те годы. Под воздействием военно-промышленного комплекса шла деформация науки и всех ее демократических институтов.¹³⁰ Об этой угрозе говорил еще в 1961 г. Д. Эйзенхауэр в своем прощальном обращении к нации.¹³¹

¹²⁷ *Reingold N.* Vannevar Bush's New Deal for Research, or the Triumph of the Old Order // *Historical Studies in the Physical and Biological Sciences*. 1987. Vol. 17. N 2. P. 299—344.

¹²⁸ *Kevles D. J.* The Physicists: The History of a Scientific Community in Modern America. New York, 1978; *Sapolsky H.* Academic Science and the Military: The Years since the Second World War // *The Sciences in the American Context* / Ed. N. Reingold. Washington, 1979. P. 379—899; *Sapolsky H.* Science and the Navy: The History of the Office of Naval Research. Princeton; New York, 1990.

¹²⁹ *Schrecker K.* No Ivory Tower. McCarthyism and the Universities. New York; Oxford, 1986; *Badash L.* Scientists and the Development of Nuclear Weapons: from Fission to the Limited Test Ban Treaty, 1939—1963. Atlantic Highlands, 1995; *Wang J.* American Science in an Age of Anxiety: Scientists, Anti-Communism and the Cold War. Chapel Hill, 1998; *Needel A.* Science, Cold War and the American State: Lloyd V. Berkner and the Balance of Professional Ideals. Washington, 2000.

¹³⁰ *Fulbright J. W.* The War and Its Effects: The Military-Industrial-Academic Complex // Ed. H. Schiller. Super-State: Readings in the Military-Industrial Complex. Urbana, 1970. P. 171—178.

¹³¹ *Eisenhower D.* Farewell Address // *The Military-industrial Complex*. New York, 1972. P. 207.

Угроза потери свободы творчества и даже «дело Оппенгеймера» не удержали многих ученых от стремления включиться в исследования, связанные с обслуживанием военных ведомств. Они охотно участвовали как в разработке оружия массового уничтожения, включая биологическое, так и в поиске способов его применения, как это было в Корее.¹³² Маккартизм не смог заставить большинство американских ученых служить холодной войне, но он способствовал тому, что многие ученые всецело подчинили свои научные интересы ее задачам.

В отличие от нацистской Германии и СССР ученые США никогда не преследовались государством (тем более не расстреливались) за свои научные убеждения. Но они теряли работу или подвергались чистке за свои политические взгляды, угрожавшие, якобы, безопасности США, поэтому американские левые, в том числе и в науке, вынуждены были замолчать. Немногие из американских ученых, которые были советниками правительства в 1950—1970-х гг., придерживались либеральных или левых взглядов в годы второй мировой войны или сразу после нее. Лишь часть ученых, связанных с разработкой ядерного оружия в 1945 г., добровольно ушла в те области науки, где не требовали проверки на благонадежность. Другие же старались изначально избегать работ, где нужно было представлять сведения о благонадежности.

К середине 1950-х гг. в США уже было воспитано новое поколение американских ученых, которое принимало новые формы взаимоотношения науки и государства и отнюдь не тяготилось тем, что правительство предопределяло направления научных исследований. Научное сообщество функционировало уже в новых условиях милитаризированной экономики, и прежде всего в ней. Ученые могли находить средства для своих исследований, подготовки смены и содержания семьи. В условиях, когда значительная часть бюджета выделялась на военные расходы, существовало немного возможностей для выбора других направлений исследований. Антикоммунизм в Америке в период холодной войны сказался на кадровой, институциональной и исследовательской политике, но он не привел к изменению самой науки, что произошло с некоторыми ее отраслями в СССР. Тем не менее превращение науки в неотъемлемую часть военнопромышленного комплекса и особенно маккартизм наглядно показали, что научное сообщество подвергается идеологическому и политическому давлению со стороны власти и в демократических странах. Не только политики, но и многие ученые способствовали реформе науки ради победы в холодной войне.

Суть происшедших изменений в американской науке точно отражена в первых строчках знаменитой книги Стюарта В. Лесли «Холодная война и американская наука: Военнопромышленный и академический комплекс в МИТ и Стэнфорде». Он писал: «К лучшему или худшему, но холодная война преобразовала американскую науку. В десятилетие, последовавшее за второй мировой войной, военное ведомство стало самым крупным и единственным патроном американской науки, доминируя в физических и технических науках, имея огромное значение для естественных и социальных наук».¹³³

---

¹³² *Endicott S., Hagermann E.* The United States and Biological Warfare. Secrets from the Early Cold War and Korea. Bloomington; Indiana, 1998.

¹³³ *Leslie S. W.* The Cold War and American Science. P. 1.

Во всех случаях образование новых форм взаимодействия науки и государства являлось трудным процессом, когда было необходимо найти общий язык между учеными и политиками. В конечном счете наука не только выживала, но и укрепляла свое положение. Правда, в СССР ей пришлось для этого пожертвовать независимостью, жизнью многих ученых и, как выяснилось позднее, потенциалом своего развития. Система же взаимодействий науки и государства, установившаяся в США после Великой депрессии, несмотря на некоторые изменения, в целом сохраняется до настоящего времени.

Ученым Германии, СССР и США удавалось в годы второй мировой войны доказывать свою необходимость в обеспечении обороноспособности страны. Проекты в этих областях встречали понимание самых атактистических и тоталитарных режимов. Это заставляет по-новому взглянуть на проблему свободы научного творчества в условиях политической диктатуры. Из естественных наук биология Германии и СССР в наибольшей степени испытала воздействие жесткого административно-государственного управления и оказалась восприимчивой к различным политическим и идеологическим влияниям. Чрезмерная восприимчивость биологии к идеологическим и политическим влияниям породила множество мифов о «мягко» и «жестко» идеологизированных науках, о «героях и злодеях науки», о биологах — «жертвах», «пособниках» и «инициаторах» преступлений тех или иных режимов, об ученых «под Гитлером», «при Гитлере», «с Гитлером».

И в Германии, и в СССР ученые активно включались в экстренную модернизацию экономики, в быстрое и коренное преобразование социальной структуры общества, в подготовку новой элиты во всех сферах общественной жизни, во внедрение коллективистских форм поведения, что вело к повышению роли технократов в выработке общенациональной политики и т. д.¹³⁴ При этом степень свободы отдельных ученых и отраслей знания зависела в значительной мере от государственной значимости проводимых исследований. Не вся наука в этих странах была репрессирована, некоторые отрасли весьма успешно развивались в результате мощной финансово-материальной поддержки со стороны государства. Вопреки многим мифам ученые далеко не всегда были жертвами тоталитарных режимов, а иногда искренне поддерживали поставленные перед ними цели и задачи.¹³⁵

«Пролетарская», «диалектическая», биология в России и «расовая», «арийская», биология в Германии — примеры попыток диалога науки и власти на базе общей идеологии в периоды кризисов. Биологи обеих стран знали, сколь опасна выжидательная позиция. Они активно занимались научной политикой: выступали с проектами и предложениями, боролись за свой статус, вели переговоры, шли на компромиссы, совершали сделки, обзаводились патронами среди новой политической элиты, используя их для решения организационных и финансово-административных вопросов.

Ученые, убеждавшие власти поддерживать науку, должны были вести диалог с ними с использованием понятных им идеологем: «индустриализация»,

¹³⁴ Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Hg. D. Beyrau. Göttingen, 2000.

¹³⁵ Колчинский Э. И. В поисках «советского» союза философии и биологии. Дискуссии и репрессии в 1920—начале 1930-х гг. СПб., 1999.

«реорганизация», «модернизация», «милитаризация», «нацификация», «ариизация». История науки в СССР и Третьем рейхе свидетельствует, что диалог ученых с государственными лидерами возможен даже при различии политических взглядов, если у них есть общая исходная платформа — вера в усовершенствование общества, достижимое усилиями науки и техники. В конечном счете технократия и утилитарные соображения определяли и научную политику государства, и поведение самого научного сообщества.¹³⁶

Несмотря на специфику взаимоотношений науки и государства или, точнее, науки и власти в каждой стране, существовали некоторые общие алгоритмы. Наука страдает не только тогда, когда государство отказывается ее поддерживать, но и от его чрезмерного внимания. Необходимо в каждом конкретном случае искать оптимальные взаимоотношения между государственным регулированием и финансированием научных исследований и участием научного сообщества в определении адресатов этой финансовой поддержки и основных направлений научного развития. Однако их становление требует огромных усилий со стороны научного сообщества и затягивается нередко на многие десятилетия.

В период различного рода революций новая власть и общество нередко стремились реформировать науку следующими способами: а) избавиться от неудобных по тем или иным соображениям ученых; б) привлечь на свою сторону тех ученых, которые ей необходимы по политическим или сугубо практическим соображениям; в) воспитать новых ученых, близких властям в социально-политическом плане; г) сократить или трансформировать неудобные научные институты; д) создать новые институты; е) сформировать «идеологически корректную науку», отличающуюся от мировой.

Чтобы выжить в этих условиях и сохранить науку, ученые не могли пассивно ждать помощи от государства. Успех сопутствовал тем, кто постоянно стремился к диалогу с властями, объясняя им важность фундаментальных исследований и в конечном счете их практическое значение как для государства, так и для общества в целом. Особенно восприимчивы были правители к обещаниям ученых создать перспективные технологии и новое оружие, обеспечить захват новых территорий и их быстрое освоение, рост военного могущества и международного влияния, финансово-экономическое процветание, разрешение социально-политических конфликтов, успокоение общества и т. п. Немалое значение имело и то, что в роли главных радетелей за науку в Германии, СССР и США выступали ученые, чьи достижения получили признание во всем мире, так как поддержка таких ученых со стороны правительства способствовала росту его политического престижа как внутри страны, так и за рубежом (например, Н. И. Вавилов, В. И. Вернадский и И. П. Павлов — в СССР; О. Варбург и В. Гейзенберг в Третьем рейхе).

Опыты кризисов во взаимоотношениях науки и власти свидетельствуют о том, что самый жестокий режим готов был к компромиссу с учеными, допуская с их стороны идеологическое и даже политическое инакомыслие в тех случаях, когда считал, что выгода от эксплуатации их знаний или использование международного авторитета превышает дискомфорт от отсутствия беспрекословного послушания и от непривычных нелюбезных высказываний. Научное же со-

---

¹³⁶ Naturwissenschaft, Technik und NS-Ideologie. Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte des Dritten Reichs / Hg. Mehrtens & S. Richter. Suhrkamp, 1990.

общество в целом было готово принимать любую идеологическую риторику, быть «идеологически корректным». Для достижения своих целей ученые старались убедить власти в необходимости финансировать научные проекты, подогревая их утилитаристские настроения. В тех случаях, когда государственный бюджет становился единственным источником финансирования научных исследований, конкуренция внутри научного сообщества за покровительство власть предержащих неизбежно резко обострялась, а лоббирование научных проектов во властных структурах становилось необходимым для выживания. Неизбежны были этические и политические компромиссы.

XX в. убедительно показал, что для развития науки была важна не столько политическая свобода, сколько мощная поддержка со стороны государства при условии невмешательства его в профессиональную деятельность ученого. Но такие взаимоотношения в принципе недостижимы. Свобода в профессиональной деятельности, без которой рано или поздно приходят в упадок не только фундаментальные, но и прикладные науки, возможна лишь при наличии множественных независимых источников финансирования, что, однако, чревато распылением средств и отставанием в стратегически важных направлениях, как это произошло с США при создании водородного оружия и освоении космического пространства в 1950-е гг. Поэтому весьма непросто создать такие оптимальные формы сотрудничества правительства и научного сообщества в распределении имеющихся материальных и людских ресурсов и в координации научных исследований с учетом как общенациональных интересов, так и мировых тенденций научного поиска.

В поиске новых форм взаимоотношений науки и государства каждая из сторон старалась с максимальной выгодой для себя использовать неустойчивость кризисных ситуаций. Государство при этом руководствовалось сиюминутными утилитарными соображениями военно-оборонного, социально-экономического или идеолого-политического порядка, а научное сообщество в целом старалось остаться в русле мировой науки. Национальные науки России / СССР и Германии в XX в. развивались относительно успешно, так как сумели адаптироваться к тоталитарной социально-культурной среде. Обе страны в XX в. пережили радикальные изменения в политике и идеологии, с одной стороны, и важные нововведения в организации науки, с другой. Связь между тем и другим не является ни простой, ни непосредственной. Институциональные инновации были ответом на смешанное профессиональное, экономическое и политическое давление. Именно потому, что эти три фактора присутствовали всегда, ни один из них не доминировал.

Когда существовавшие организации, например Академии наук в России, Германии и США, Общество кайзера Вильгельма в Германии, Институт Карнеги и Рокфеллеровский фонд в США, старались адаптироваться к новым политическим обстоятельствам, их значительная институциональная инерция гарантировала, что они будут изменены, а не радикально трансформированы. Каждый режим имел возможность создавать новые организации, но последние также должны были приспособливаться к уже существующим институтам и требованиям международного научного сообщества и в результате никогда не становились настолько новыми, насколько ожидалось. Научные организации и научная политика России, Германии, США и других стран были столь часто новаторскими и эффективными именно потому, что они находились под постоянным влиянием различных сил и часто под значительным давлением. В ре-

зультате получились научные организации, которые подвергались воздействию почти всех режимов, но не определялись полностью ни одним из них.

Веймарская республика не создала долгоживущих демократических институтов, так же как Третий Рейх — фашистских, а СССР — коммунистических. Великая депрессия в конце 1920-х гг. в США не прекратила научные исследования, а «экономические чудеса» в послевоенной Германии и Японии не дали ученым всех тех средств, которых они желали. Давление международного сообщества не могло остановить ни репрессии против российских ученых, ни изгнание «неарийских» ученых в первые годы национал-социалистского правления.

Философы и историки науки часто спорят, какие факторы играют главную роль в ее развитии — внешние или внутренние, социальные или когнитивные. Исследование выживания науки в кризисные времена позволило установить разные способы их взаимодействия — как продуктивные, так и деструктивные.

Выводы

1. Кризис никогда не был полным крахом национальной науки, т.к. менялись только ученые и научные учреждения, а исследования велись в соответствии со стандартами мировой науки.

2. Наука проявляла во все времена удивительную живучесть, адаптируясь и выживая в самой неблагоприятной социально-политической среде, демонстрируя готовность принять любую идеологическую риторику и служить новой власти в обмен на финансовые, материальные и людские ресурсы.

3. Ученые могли существовать без политических свобод, но без свободы профессиональной наука быстро приходила в упадок.

4. Сильное государство стремилось иметь передовую науку, а власть, не уверенная в своем будущем, не желала вкладывать средства в проекты, не сулящие быстрой прибыли. Лучшими способами увлечь правительство и общество научными проектами являлись военные потребности государства и национальные амбиции.

5. Страна, не желавшая кормить свою науку, рано или поздно начинала кормить чужую науку, импортируя технологии, товары и лицензии, а ее ученые развивали экономики других стран.

6. Переход к исключительно само- или частно-финансируемой науке в крупном государстве в кризисные годы был совершенно невозможен, но наука страдала не только без помощи государства, но и от его чрезмерного внимания.

7. Существенные различия в конфигурациях отношений власти и науки в экстремальных условиях открывали многие варианты сравнения науки в различных государствах, переживавших кризисные времена. Выполнение этой задачи позволит перейти от общих утверждений о влиянии социально-культурных и политико-идеологических факторов на науку к изучению конкретных механизмов этого влияния в разные исторические периоды и в разных странах.

VI. ПЕТЕРБУРГСКИЕ УЧЕНЫЕ В ИСТОРИИ РОССИИ

Э. П. КАРПЕЕВ, Т. М. МОИСЕЕВА

О ПОДГОТОВКЕ К ТРЕХСОТЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ М. В. ЛОМОНОСОВА

19 ноября 2011 г. исполнится 300 лет со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова. Празднование этого юбилея, по нашему убеждению, должно стать и станет великим праздником *современной* русской культуры, поскольку последствия ломоносовской культуротворческой деятельности сказываются и поныне, несмотря на два с лишним века, прошедших с того времени. В дооктябрьский период такое понимание вклада Ломоносова в русскую культуру наиболее ярко и выразительно высказал академик А. Н. Пыпин, который писал: «Если придавать преобразованиям Петра решающее значение в новом повороте нашей гражданской и умственной жизни, то Ломоносов впервые дал этим преобразованиям тот глубокий внутренний смысл, при котором они могли стать действительно новым поворотом в развитии *русской* (курсив Пыпина. — Э. К. и Т. М.) мысли». И далее он отмечает, что для этого было недостаточно всей преобразовательной деятельности Петра, «все это было отголоском новой европейской мысли, отвергшей средние века, но все эти нововведения вступали в жизнь (России. — Э. К. и Т. М.) как бы механически, становясь рядом с ее прежним содержанием, отвергая в нем, что было в нем совершенно устарелого, но не указывая ясно того общего начала, на котором впредь могло и должно было быть построено *органически новое мировоззрение* (курсив наш. — Э. К. и Т. М.), нужно было уразуметь и указать это новое начало, и это было сделано Ломоносовым».¹

Нельзя не отметить, что Пыпин был первым, кто воспринял такой масштаб деятельности Ломоносова. До него Ломоносова знали и ценили главным образом как великого русского поэта — «отца русской литературы» (В. Г. Белинский) и только впоследствии, когда в периоды подготовки к очередным Ломоносовским юбилеям, о которых речь пойдет ниже, находили новые, неизвестные ранее, естественнонаучные произведения, понимание роли Ломоносова в развитии русской культуры значительно расширилось. В Музее М. В. Ломоносова в последние десятилетия все шире стала пропагандироваться мысль о том, что Ломоносов стал зачинателем новой для русской культуры рациональной

¹ Пыпин А. Н. Ломоносов и его современники // Вестник Европы. 1985. № 3.

линии развития, на основе которой в России только и могли появиться такие науки, как физика, химия, физическая химия и ряд других. И верно писал Пыпин о Ломоносове, что он «был первый настоящий ученый человек в области естествознания, явившийся в русском обществе, — ученый, для которого наука была ⟨...⟩ не отрывочным специальным знанием ⟨...⟩ а, напротив, знанием, освещенным философской мыслью, которое становилось поэтому целым мировоззрением».² Новое мировоззрение, отвергаемый до этого научный рационализм легли в основу преобразования древнерусской культуры в культуру Нового времени, что, по мнению академика Д. С. Лихачева, стало решающе важным моментом в истории отечественной культуры и науки. Благодаря Ломоносову наша страна смогла включиться в мировой научный процесс и внести в него и свою весьма весомую лепту. Значение Ломоносова для современности станет еще большим, если учесть, что без основанных им в России естественных наук наша страна не смогла бы добиться того технического прогресса, который позволил ей стать в ряд мировых держав и отразить попытки ее колонизации!

Готовясь к трехсотлетию юбилею М. В. Ломоносова, мы не можем не обратиться к истории празднования других юбилеев ученого, когда подготовка к ним сыграла большую роль в изучении ломоносовского наследия, в расширении понимания его роли в истории нашей страны, ее науки и культуры. К тому же в их тематике и проведении отразились не только этапы понимания роли Ломоносова в отечественной культуре, но и попытки использовать его наследие в идеологических целях.

Столетие со дня рождения Ломоносова прошло незаметно. Надвигавшаяся война с Наполеоном заняла все мысли русского общества настолько, что идее о праздновании юбилея, естественно, не нашлось места. Позднее, вероятно еще и потому, что только что совершилось освобождение крестьян, вызвавшее воодушевление русской общественности, возникло желание отметить столетие со дня смерти великого русского деятеля культуры. Отметить это событие прежде всего, понятно, захотела Академия наук, где всегда чтит память своего великого сочлена. С этой целью была создана Ломоносовская комиссия, которая лишь в январе 1865 г. начала приготовления к юбилею. Важным научным событием этого празднования стал выход в свет в Петербурге в 1865 г. подготовленного академиком П. С. Билярским обширного тома собранных им архивных материалов о жизни ученого («Материалы для биографии Ломоносова»), не потерявших своего значения и до нынешнего времени. Что же касается торжественной части празднования, то Академия намеревалась отпраздновать юбилей достаточно скромно, ограничившись торжественным заседанием в Большом зале своего здания.

Как известно, первые издания сочинений Ломоносова (в том числе и два прижизненных) содержали главным образом его поэтические и драматургические сочинения. Вероятно, именно поэтому в русском образованном обществе его воспринимали как поэта, и очень мало было известно о нем как ученом; неудивительно, что независимо от планов Академии желание отметить юбилей возникло и у представителей русской общественности. В марте 1865 г. группа петербургских литераторов во главе с поэтом Аполлоном Майковым обратилась к министру внутренних дел с прошением, в котором излагались мотивы намечаемого празднования и была предложена его программа. В ней предлага-

---

² Там же. № 4.

лось: 1) устроить поминальное богослужение в Александро-Невской лавре и на могиле Ломоносова; 2) провести по подписке (т. е. с предварительной записью желающих в нем участвовать и с внесением ими денег) обед в зале Дворянского собрания; 3) организовать сбор средств: на учреждение двух Ломоносовских стипендий в Московском университете и в Московской духовной академии, преемнице Славяно-греко-латинской академии; на создание юбилейной медали и премии «за лучшее сочинение о Ломоносове для простого народа», из которого бы «русский простолюдин мог ясно уразуметь, до какой степени он может подняться при терпении и энергическом стремлении к самообразованию»; 4) устроить по специальной программе спектакль в Мариинском театре, и, наконец, 5) учредить «Ломоносовское» общество любителей русской словесности и науки.

В прошении, которое было подано императору, подчеркивалось, что «имя Ломоносова есть русское народное знамя в области мысли, слова, науки».³ Александр II его утвердил, отменив лишь последний пункт программы. После этого в периодической печати была начата кампания по пропаганде предстоящего празднования. Майков опубликовал в «Сыне Отечества» статью под заглавием «Несколько слов по поводу столетней памяти Ломоносова», где попытался показать его заслуги перед русской наукой и культурой и познакомил читателей с программой. По мысли инициаторов, этот юбилей должен быть всесловным праздником, объединяющим русских людей в духе «Православия, самодержавия и народности». Аналогичные статьи печатались и в ряде других газет Петербурга. В результате этой газетной кампании празднование юбилея Ломоносова приобрело столь широкий размах, которого до этого никогда не видела Россия. К нему стали готовиться во многих городах страны, особенно в Архангелогородской губернии. Со своей стороны, Св. Синод призвал провести поминальные богослужения во всех храмах страны, а в Петербурге такое богослужение было отмечено особой торжественностью. Заупокойную литию совершал митрополит Петербургский и Новгородский Исидор «в сослужении с шестью архимандритами и четырьмя иеромонахами», а соборную панихиду затем служили еще большим составом клира. На могиле Ломоносова также была совершена лития и провозглашена ему вечная память. Отношение Церкви к ученому выразил митрополит Исидор, сказавший, что он был «истинным православным христианином и тем показал образец истинного ученого ученым и писателям нынешнего времени». (Церковь словно забыла, что отношения Ломоносова с духовенством отнюдь не носили идиллического характера.)

Общество, отметив приверженность Ломоносова православию, затем обратилось к празднованию «самодержавия и народности» этого юбилея. 7 апреля был устроен обед в Дворянском собрании, в котором приняли участие и выступили со стихами и речами ряд видных литераторов того времени — А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Ф. И. Фет, И. А. Гончаров и др. По отзыву газетного хроникера, в выступлениях на обеде звучала мысль о единстве народа с русским царем, которое «является драгоценным задатком нашего благоденствия».

В статье о юбилее 1865 г., откуда мы в основном заимствуем приведенные здесь сведения, П. Н. Берков обращает внимание на речь В. И. Ламанского во

³ Берков Б. Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. // Ломоносов. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1946. Т. II.

время обеда в Дворянском собрании, которая стала неожиданностью для многих.⁴ В ней Ламанский, отдавая должное гению Ломоносова, отметил и заслуги иностранных ученых, подчеркнув при этом, что «русская мысль чужда узкой национальной исключительности, что под русским народным знаменем возможна согласная умственная деятельность разных народностей».⁵ Это заявление, с одной стороны, было актом признания великой роли Ломоносова, с другой — как шаг к соответствующей трактовке личности Ломоносова с государственных позиций в будущем. В то же время это яркое выступление послужило источником для более глубокого изучения творчества ученого и понимания его личности.

В Академии наук юбилей был отмечен 6 апреля торжественным заседанием, на котором в присутствии более тысячи человек выступили академики Я. К. Грот с докладом «Очерк академической деятельности Ломоносова» и А. В. Никитенко. Доклад Грота затем был выпущен отдельной брошюрой. В Москве юбилей праздновался значительно скромнее и ограничился заседаниями в Московском университете и в Обществе любителей российской словесности. Кроме двух русских столиц юбилей был отмечен еще по меньшей мере в 25 городах страны, причем особенно торжественно и многолюдно — на родной земле Ломоносова. Начавшись 5 апреля Божественной литургией в Куростровской церкви, в которой Михаил Васильевич был крещен, и речами, в которых выступавшие рассказывали о жизни и заслугах Ломоносова, празднование переместилось в Архангельск. Здесь 6 апреля в Архангельском кафедральном соборе началась Божественная литургия, которую совершал епископ Архангельский и Холмогорский Нафанаил с участием двух архимандритов и всего духовенства города. Затем от собора к памятнику Ломоносову двинулась многочисленная процессия представителей всех сословий и учащихся учебных заведений города. По прибытии на площадь был совершен молебен и провозглашена вечная память всему царствующему дому, Св. Синоду, всему епархиальному синклиту и, наконец, «отцу русского слова и русской науки, боярину М. В. Ломоносову», а также многая лета «всем трудящимся в пользу просвещения России». После этого были произнесены речи, в одной из которых было сказано о прощении на высочайшее имя разрешить открыть подписку на сооружение памятника Ломоносову в родной его деревне. Празднование закончилось пением оды Ломоносова «Да хвалит дух мой и язык...» и обедом для приглашенных на празднование крестьян.

Несмотря на то что не все из задуманного было выполнено, юбилей 1865 г. имел особое значение в истории русской культуры и ломоносововедении. Он стал по существу первым в нашей истории праздником науки и практически первым этапом в разработке биографии М. В. Ломоносова и в создании предпосылок для всестороннего изучения его творческого наследия. В связи с юбилеем В. И. Ламанским, П. П. Пекарским, П. С. Билярским, А. А. Куником и др. были выявлены, подготовлены и изданы архивные материалы. Впоследствии на основе этих материалов были опубликованы работы о Ломоносове А. С. Будиловича и П. П. Пекарского.⁶ Труд П. П. Пекарского фак-

⁴ Ламанский отличался борьбой с «немецкой партией» в Академии наук.

⁵ Берков Б. Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. С. 228.

⁶ Ломоносоведение // Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. Редактор-составитель Э. П. Карпеев. СПб., 1999. С. 99.

тически стал первой научной биографией ученого и отправной точкой в ломоносоведении.

Нельзя не отметить, что различные общественные группы пытались использовать юбилей Ломоносова в своих целях. Так, славянофилы подчеркивали народное начало, а «почвенники» — связь народа с образованными сословиями. К этому юбилею отрицательно отнеслись представители революционно-демократического течения. Близкий к кругу Н. Г. Чернышевского П. А. Бибииков в своем неприятии юбилейного славословия дошел до подчеркивания негативных черт Ломоносова, пытаясь тем самым поставить под сомнение вообще это празднование.

Следующим значительным событием для изучения наследия Ломоносова стал юбилей 1911 г., когда отмечалось 200-летие со дня его рождения. К празднованию юбилея начали готовиться заранее. По предложению академика А. А. Шахматова в Академии наук в апреле 1909 г. была создана Юбилейная комиссия. Ее председателем стал непреременный секретарь Академии наук академик С. Ф. Ольденбург, а членами — В. И. Ламанский, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Н. И. Бекетов, В. И. Вернадский и Б. Б. Голицын. Была составлена программа подготовки к юбилею, в которой намечалось закончить начатое по предложению М. И. Сухомлинова издание сочинений Ломоносова, издать ряд научных сборников, создать словарь языка Ломоносова и мн. др. Кроме того, предполагалось устроить в юбилейные дни при Академии наук выставку, учредить Ломоносовский институт и соорудить между Университетом и зданием Академии памятник Ломоносову.

В 1910 г. Юбилейная комиссия пополнилась новыми членами, в число которых вошел и исследователь естественнонаучного наследия Ломоносова профессор недавно созданного в Петербурге Политехнического института Б. Н. Меншуткин. Академия объявила о премиях за ученое жизнеописание Ломоносова и за сочинения, освещающие его деятельность в различных областях знания. Предстоящее празднование побудило многих ученых искать новые документы, имеющие отношение к Ломоносову. В 1910 г. Ольденбург предложил издать также хронологическую канву деятельности Ломоносова — «Труды и дни Ломоносова». За год до годовщины Юбилейная комиссия решила попросить президента Академии великого князя Константина написать кантату в честь Ломоносова, а за сочинение музыки к ней взялся некий А. С. Танеев, однофамилец композитора С. И. Танеева. Наряду с этим возникли споры о месте сооружения памятника и о территории под Ломоносовский институт. Все эти хлопоты отвлекли комиссию от работы по поиску архивных документов и углубленному изучению творчества Ломоносова.

На 7 ноября 1911 г. решением Св. Синода по всем церквам российской империи была назначена заупокойная служба и панихида по Ломоносову, а во всех духовных учебных заведениях Синод предложил в этот день устроить посвященные ему чтения.

8 ноября в зале Дворянского собрания состоялось торжественное заседание Академии наук, начавшееся вступительным словом августейшего президента и исполнением написанной им торжественной кантаты. Затем были заслушаны доклады Б. Н. Меншуткина «Ломоносов как естествоиспытатель», А. И. Соболевского «Ломоносов в истории русского языка», П. И. Вальдена «Ломоносов как химик» и В. И. Сиповского «Литературная деятельность Ломоносова». Заседание закончилось чтением адресов от учреждений и обществ.

В рамках юбилейных торжеств была организована выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Из выдвинутой Юбилейной комиссией программы удалось издать лишь написанное Меншуткиным жизнеописание Ломоносова.

В Петербурге и Архангельске, других городах России были изданы Ломоносовские сборники. Директор мужской гимназии в Уфе И. М. Белорусов подготовил «Словарь Ломоносовского языка» — первый опыт анализа языка ученого (который не был издан), Г. З. Кунцевич — «Библиографию сочинений М. В. Ломоносова». Обе эти работы были премированы, а труд Кунцевича был опубликован в 1918 г. Неудача постигла идею создания Ломоносовского института.

Юбилей 1911 г. был торжественно отпразднован на родине Ломоносова. Накануне во всех церквях Архангельска были отслужены всенощные, а 8 ноября — заупокойные литургии и панихиды по «в Бозе почившем Михайле Васильевиче». В 12 часов 8 ноября состоялась панихида в Архангельском кафедральном соборе. Перед ее началом протоиерей В. А. Смирнов произнес Слово, в котором всячески подчеркивал христианские добродетели Ломоносова, через всю жизнь которого, по мнению Смирнова, прошла великая вера в Бога. Панихиду служил епископ Архангельский и Холмогорский Михей «с сонмом городского духовенства». По окончании панихиды состоялось торжественное шествие к памятнику Ломоносова с возложением венков, выступлениями и исполнением государственного гимна. В городской думе состоялось чествование памяти Ломоносова для учащихся низших школ и духовного училища, а во всех учебных заведениях — торжественные акты. Юбилей был отпразднован также в селе Ломоносове, в Холмогорах, в Кеми, в Шенкурске и ряде других мест.

К сожалению, юбилейная программа и на этот раз была реализована не в полном объеме. Не была воплощена идея Ломоносовского института, не решился вопрос с установлением памятника, не удалось подготовить хронологию жизни и творчества Ломоносова. Из задуманных в программе жизнеописаний увидела свет лишь работа Б. Н. Меншуткина. Тем не менее юбилей стал заметным событием в стране. Было выпущено несколько сборников научных статей, многие из которых не утратили своего значения и сегодня. С размахом была подготовлена и проведена в Академии художеств выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». На ней были представлены книги, научные приборы и инструменты, графика, живопись, скульптура, произведения декоративно-прикладного искусства, бытовые предметы. Экспонировались и личные вещи ученого, предоставленные его потомками — Раевскими, Волконскими, Орловыми, Ностицем. Выставка состояла из семнадцати разделов, каждому из которых был посвящен том сводного каталога, изданного в 1912 г. Каталог выставки с описанием материалов, многие из которых были утрачены, является ценным источником для выявления наследия Ломоносова и в наши дни.

Помимо Академии наук 200-летие со дня рождения М. В. Ломоносова отмечалось как на родине ученого — в Архангельске, Холмогорах, в родном селе, так и во многих университетах — Московском, Петербургском, Харьковском, где были подготовлены и изданы Ломоносовские сборники. Чтения, посвященные Ломоносову, на разных уровнях проводились и в гимназиях.

В преддверии 200-летнего юбилея были подготовлены и популярные биографии ученого «для народного чтения», иллюстрации «сценок из жизни Ло-

моносова», которые печатались в журналах, в частности в «Ниве»; был подготовлен спектакль и снят первый художественный фильм о жизни ученого.

Юбилейные мероприятия 1911 г. стали новым этапом в ломоносоведении. В программе празднования проявилась определенная преемственность юбилея 1865 г., которая прослеживается и в организации празднования последующих юбилеев.

Наиболее крупными, по-настоящему государственными, праздниками стали: юбилей 1961 г., когда отмечалось 250-летие со дня рождения М. В. Ломоносова, и юбилей 1986 г., посвященный 275-летию ученого. Торжественно отмечалось в 1965 г. и 200-летие со дня смерти М. В. Ломоносова.

Тогда частично были воплощены нереализованные идеи 1911 г. В 1961 г. издана «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова», в 1983 г. закончено издание 11 томов Полного собрания сочинений ученого, написан ряд книг, посвященных разным сторонам его деятельности. В 1986 г. на Менделеевской линии был открыт памятник Ломоносову. Проводилась большая просветительная работа: подготовлен иллюстрированный альбом о М. В. Ломоносове, написана популярная биография ученого, сняты научно-документальный и художественный фильмы, подготовлен цикл радио- и телепередач. Непосредственное участие в юбилейных мероприятиях принимал музей М. В. Ломоносова, созданный по инициативе президента АН СССР С. И. Вавилова в 1947 г. как центр изучения и пропаганды жизни и творчества ученого. Следуя завету своего основателя, музей принимал участие не только в подготовке и издании Полного собрания сочинений ученого, но и сборников статей и материалов «Ломоносов», в которых публиковались материалы ведущих ученых, в том числе и музейных сотрудников. Именно в музее была составлена «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова», велась исследовательская работа по иконографии ученого, итоги которой были опубликованы в 1961 г. в книге М. Е. Глинки «М. В. Ломоносов. (Опыт иконографии)», было подготовлено издание «Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь».

С самого основания в музее велась активная работа по увековечиванию памяти М. В. Ломоносова, введения в научный оборот его наследия. Сразу после организации музея стал подниматься вопрос о воссоздании химической лаборатории М. В. Ломоносова. Автором проекта был организатор и первый руководитель музея архитектор Р. И. Каплан-Ингель. Идею не удалось воплотить в жизнь, но собранные материалы позволили в 1986 г. подготовить проект по созданию музейного комплекса, включающего химическую лабораторию. В 1987—1988 гг. на месте лаборатории были проведены археологические раскопки, найденные материалы поступили в музей. Задуманный комплекс так и не был создан в 1980—1990-е гг. Тем не менее в музее продолжается научная работа по истории химической лаборатории, по ее оборудованию, функционированию. Важной частью этой работы является составление свода физико-химических терминов, введенных и использовавшихся Ломоносовым.

Первые шаги по возобновлению изучения языка Ломоносова были приняты в музее при составлении словника к краткому энциклопедическому словарю «Ломоносов» в середине 1980-х гг. Именно тогда в музее стало формироваться и понятие «ломоносоведение». Первая в нашей стране энциклопедия ученого «Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь», изданная в 2001 г., как бы подвела определенную черту в изучении в двадцатом столетии жизни и творчества М. В. Ломоносова. В преддверии 300-летнего

юбилея великого русского ученого наметились новые перспективы в ломоносоведении.

В 2004 г. при президиуме Санкт-Петербургского научного центра была создана Ломоносовская комиссия, которая наметила обширную программу мероприятий по подготовке к празднованию юбилея — программу, направленную на увековечивание памяти русского гения фактически на государственном уровне. Уже сейчас достаточно объемно начата работа в академических учреждениях Санкт-Петербурга по изучению наследия Ломоносова.

Представляется, что главным научным событием предстоящего юбилея станет так называемый «Словарь языковой личности М. В. Ломоносова», который готовится в Институте лингвистических исследований РАН. Это будет уникальное издание, поскольку в нем будут соединены три основных языка ученого — русский, немецкий и латинский. Создатели словаря надеются, что в этой работе удастся проследить становление русских естественнонаучных терминов и понятий и выявить источники и способы их формирования. Нет сомнения, что выход в свет словаря станет событием в ломоносоведении и в истории русской науки и культуры.

Библиотека Академии наук начала работу по изучению книг из библиотеки Ломоносова, полученных в 1960-е гг. из Хельсинского университета. В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук выявлены и будут изучаться материалы, касающиеся Ломоносова, которые ранее не публиковались. В Институте российской истории ведется исследовательская работа об исторических трудах М. В. Ломоносова в контексте русской исторической науки XVIII в. В Государственном оптическом институте собраны новые сведения о Ломоносове-оптике. В подготовку к празднованию включаются и другие учреждения культуры.

Хочется надеяться, что к 300-летию ученого разработанная Ломоносовской комиссией при президиуме СПбНЦ РАН юбилейная программа, которая включает и нереализованные ранее идеи, будет воплощена в жизнь и, более того, 2011 г. станет национальным праздником русской культуры и науки, достойным памяти великого россиянина.

VII. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е. А. ИВАНОВА, С. А. КУГЕЛЬ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНОГО СОВЕТА ПО НАУКОВЕДЕНИЮ И ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СПБНЦ РАН

Совет по науковедению и организации научных исследований входит в структуру Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию Санкт-Петербургского научного центра Российской Академии наук.¹

Первой академической структурой, координирующей исследования в области науковедения, в нашем городе стала секция «Эффективность использования научных кадров и совершенствования их подготовки», которая была образована при Междуведомственном координационном совете АН СССР в Ленинграде в 1988 г. Основными задачами Секции являлись: разработка концепций и методов исследования научного потенциала, научных кадров и эффективности их использования, а также изучение новых форм организации науки. Деятельность Секции была направлена на анализ состояния и составление прогноза динамики квалификационно-отраслевой структуры научных кадров Ленинграда, на разработку методов и процедур демократизации управления наукой, подготовку методик и изучение эффективности аттестации научных кадров и аспирантов. В своей работе Секция опиралась на базовые организации: Ленинградский отдел Института истории естествознания и техники АН СССР, Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина. В состав Секции входило 25 человек, среди них член-корреспондент АН СССР (ныне академик) Ю. С. Васильев (председатель Секции), академик АН СССР В. Л. Свидерский, академик АН СССР К. Я. Кондратьев, в то время еще член-корреспондент АН СССР, а ныне академик А. А. Фурсенко и др.

В число основных мероприятий, проведенных Секцией в 1988—1989 гг., входили: обсуждение в институтах ЛНЦ АН СССР и ведущих технических вузах города итогов социологического исследования «Социальные аспекты повышения эффективности труда и улучшения быта ученых»; анализ методик и про-

---

¹ *Иванова Е. А.* О деятельности Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию СПбНЦ РАН // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2004. СПб., 2005. С. 173—192.

цедур аттестации в ленинградских академических институтах, вузах и НПО; обобщение опыта подготовки аспирантов по новым научным направлениям в этих организациях, а также изучение новых концепций и методов повышения эффективности деятельности научных кадров за рубежом. Совместно с социологами Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР Секцией было подготовлено и проведено социологическое исследование «Факторы эффективности деятельности ученых в фундаментальных и прикладных исследованиях» и подготовлены аналитические записки «Структура и динамика научных кадров ЛНЦ АН СССР в 1960—1988 гг.» и «Социальные проблемы перестройки науки».

Совместно с Секцией социологии науки Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации (ССА) и Ленинградским отделом Института истории естествознания и техники АН СССР секция «Эффективность использования научных кадров и совершенствования их подготовки» регулярно проводила семинар по социологическим проблемам науки. Вместе с Институтом государства и права АН СССР был проведен круглый стол «Демократизация в науке». Начали налаживаться связи с зарубежными центрами, изучающими социальные проблемы научных кадров.

При Секции была создана лекторская группа, которая подготовила спецкурс по социологии науки для аспирантов вузов Ленинграда на 1989/1990 учебный год. В спецкурс были включены темы: наука и общество, роль науки в перестройке, наука как социальный институт, коммуникации в науке, личность ученого и мотивации научной деятельности, научный коллектив, молодой специалист в научном коллективе, этические проблемы современной научной деятельности и социальная ответственность ученого, проблемы развития новых научных направлений и внедрения научных результатов в практику.

Планы по созданию структур, дающих образование в области науковедения и социологии науки, через некоторое время реализовались в создании на базе Санкт-Петербургского государственного морского технического университета межотраслевой кафедры социологии науки и техники. Обращение к председателю Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию В. Г. Кинелеву в поддержку создания этой кафедры было подписано заместителем председателя Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, председателем Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам академиком А. А. Фурсенко. Работа Секции строилась не на пустом месте. В Ленинграде в 1960—1980-х гг. действовал общегородской семинар секции социологии науки Ленинградского отделения Советского национального объединения истории естествознания и техники и Советской социологической ассоциации. В работе семинара принимали участие и члены АН СССР: академики Н. П. Бехтерева, М. М. Шульц, А. М. Уголев, члены-корреспонденты С. Р. Микулинский, М. В. Костенко.²

В 1991 г. Секция была преобразована в Экспертный совет по проблемам науковедения и региональной научной политики. В связи с изменениями, происходившими в стране и в науке, появились новые направления работы: создание банка данных «Ученые Ленинграда», изучение проблем трудоустройства ученых в условиях неполной занятости, проведение консультаций для сотрудников вузов, работающих по программе «Народы России: возрождение и разви-

---

² Кугель С. А. Записки социолога. СПб., 2005. С. 32—34.

тие», сравнительный анализ новых и традиционных форм организации при проведении гуманитаризации науки и образования.

В 1992 г. было принято решение о передаче состоявшего при Президиуме Академии наук Междуведомственного координационного совета в состав Санкт-Петербургского научного центра в качестве Междисциплинарного координационного совета. Число советов уменьшилось, были созданы шесть объединенных советов, в том числе Объединенный научный совет по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. В его структуру и вошел Экспертный совет, но уже с новым названием — Совет по науковедению и организации научных исследований. Председателем Совета стал член-корреспондент РАН (с 2000 г. — академик) Ю. С. Васильев, его заместителем — профессор С. А. Кугель. Они возглавляют Совет до настоящего времени. Состав Совета несколько раз обновлялся, и в каждом составе были широко представлены не только академические институты, но и ведущие вузы города. С 1997 г. ученым секретарем Совета является И. И. Великорецкая.

В составе Совета по науковедению и организации научных исследований все эти годы работают три секции: по методологическим проблемам науковедения (руководитель — проф. В. И. Котенко); по социолого-науковедческим аспектам интеграции научных учреждений и высшей школы в регионе (руководитель — Р. Н. Ивановский) и по науковедческим аспектам медико-биологических наук (руководитель — Г. А. Корчагина).

Формы деятельности Совета в 1992—2005 гг. были такими же, как и у Объединенного научного совета:

- проведение заседаний Совета;
- выполнение исследовательских проектов;
- экспертная деятельность;
- проведение конференций, школ и иных организационно-научных мероприятий по тематике Совета;
- подготовка и выпуск научных изданий;
- проведение аналитических работ и подготовка докладов в федеральные и региональные органы управления по проблемам организации развития науки.

В 1992—1994 гг. на заседаниях Совета по науковедению и организации научных исследований обсуждались следующие проблемы: роль средств массовых коммуникаций в формировании общественного мнения населения о науке; значение научных фондов, оказывающих финансовую поддержку ученым, и их влияние на развитие науки в России; социальные проблемы, исследование которых связано с медицинскими науками; качество жизни населения Санкт-Петербурга.

Особенностью деятельности Совета является пристальное внимание к наиболее острым и актуальным проблемам развития научных исследований. Приведем несколько примеров такого рода заседаний в сложные для российской науки 1990-е гг. Большое внимание ученых города, интересующихся актуальными проблемами науки, привлекло заседание Совета, состоявшееся 17 марта 1995 г. На этом заседании было заслушано два доклада. О библиометрических методах оценки научных исследований сделал доклад к.т.н. О. М. Зусьман. В своем докладе он описал деятельность Научного информационного центра Гарфильда (США) по анализу, оценке, сбору данных о научных публикациях и привел цифры, характеризующие вклад ученых Российской Академии наук и вузов России в общее количество публикаций российских ученых, учитывае-

мых этим центром. Докладчик отметил спад публикаций ученых России в 1993 и 1994 гг. Выступление проректора по науке СПбГЭТИ (ЛЭТИ) профессора А. И. Викторова (ныне председатель Комитета по науке и высшей школы Санкт-Петербурга) было посвящено проблемам развития научных исследований в вузах города. В своем выступлении он дал анализ системы финансирования научных исследований в вузах города, сложившейся после шокового перехода к рыночной экономике, выделив значение научных программ, которые созданы специально для поддержания науки в вузах и финансируются Министерством науки и образования России. Докладчикам было задано много вопросов, состоялось оживленное обсуждение. В 1997 г. на заседании Совета было проведено обсуждение «Закона о науке и научно-технической политике Санкт-Петербурга», докладчиком был в то время первый заместитель председателя Законодательного собрания Санкт-Петербурга С. М. Миронов (ныне председатель Совета Федерации). В 1999 г. с докладом о перспективах развития высшей школы в России и Санкт-Петербурге выступил президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбГПУ) академик Ю. С. Васильев. В 2000 г. одно из заседаний Совета, проведенное совместно с Советом по социально-экономическим проблемам СПбНЦ РАН, было посвящено весьма актуальной проблеме — статистической и социологической оценке научного потенциала Санкт-Петербурга. С докладом выступила начальник Отдела науки Петербургкомстата Е. Э. Казначей. В 2003 г. на заседаниях Совета были заслушаны доклад профессора СПбГПУ Р. И. Ивановского «Естественно-научные порталы, их роль и значение в современной системе образования» и доклад доцента Санкт-Петербургского государственного университета М. А. Вуса «Проблема информационной безопасности в образовании и науке». В 2005 г. на заседании Совета выступил профессор университета Северной Айовы (США) Фрэнсис Дэгни с докладом «Использование деконструкции при обучении критическому мышлению».

Регулярно проводились и заседания секций Совета. Председателем секции Совета «Науковедческие аспекты медико-биологических наук» в 1994—1996 гг. был член-корреспондент РАМН Н. Р. Деряпа. В эти годы на заседаниях секции обсуждались проблемы гигиенической диагностики в современной медицине, проблемы и перспективы социальной педиатрии, состояние подготовки научно-педагогических и врачебных кадров в Ленинграде—Санкт-Петербурге, антропологические основания экологического образования. На заседании 17 мая 1995 г. был обсужден доклад к.э.н. В. В. Петуховой «Состояние реформирования здравоохранения в России (на примере Санкт-Петербурга)», в котором были подробно проанализированы плюсы и минусы перехода на страховую медицину. В этом же году 1 декабря состоялось заседание секции, на котором был заслушан доклад профессора И. В. Полякова «Адаптационные механизмы сохранения здоровья населения», в котором докладчик привел данные о демографической ситуации в России, отметив, что впервые зарегистрирована естественная убыль численности населения страны и происходит уменьшение средней продолжительности жизни.

С 1997 г. и до последних дней жизни председателем этой секции Совета является профессор Т. В. Карсаевская. В 1997—2000 гг. на заседаниях секции обсуждались: перспективы развития медицинской генетики на пороге XXI в., роль медицины в решении глобальных проблем современности, радиация и здоровье населения Санкт-Петербурга, психосоциальные проблемы больных

наркоманией, методологические проблемы медицинского образования в педагогическом вузе, проблемы медицинской социологии, культурологические аспекты экологического образования, социокультурные аспекты современной педиатрии. Отметим некоторые темы заседаний секции последних лет. В 2001 г. с докладом «Глобализация и некоторые актуальные инфекции» на заседании секции выступил заведующий кафедрой эпидемиологии Медицинской академии последипломного образования (МАПО) профессор С. С. Першин. В 2002 г. обсуждались доклады профессора Российского государственного педагогического университета Г. А. Корчагиной «Социальная востребованность науки об укреплении здоровья населения» и старшего научного сотрудника Института цитологии РАН к.б.н. О. И. Подгорной «После программы „Геном человека”». В 2003 г. одно из заседаний прошло в музее Военно-медицинской академии (ВМА), где с докладом «Музей ВМА — главный хранитель исторических традиций российской медицины» выступил начальник музея, профессор А. А. Будко. В этом же году одно из заседаний было посвящено обсуждению доклада старшего научного сотрудника Центра междисциплинарных исследований по проблемам окружающей среды РАН д-ра физ.-мат. н. И. Г. Малкиной «Системный подход в психологии и биологии (концепции и модели)».

По результатам обсуждений на заседаниях Совета или его секций принимались решения и рекомендации, которые направлялись в зависимости от обсуждаемой темы в городские или федеральные органы управления, в Комиссию по работе с научной молодежью Президиума СПбНЦ РАН, в Совет ректоров Санкт-Петербурга, в методические советы вузов. Иногда докладчикам рекомендовали подготовить популярные статьи в газеты.

Среди конференций, проведенных Советом по науковедению, отметим несколько наиболее крупных. В 1990 г. в Ленинграде проведена Международная конференция «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов».³ После десятилетнего перерыва была возобновлена традиция проведения подобных конференций, проходивших в 1960—1970-е гг. В условиях перестройки и ожидания обновления во всех сферах общественной жизни ученые-науковеды активно обсуждали вопросы организации научных исследований, проблемы общественных отношений в науке, проблемы демократии, плюрализма, самостоятельности и мобильности в научной работе, соотношения когнитивной иерархии и социальной стратификации в научном сообществе, взаимодействия научной сферы и политической власти, этики науки. В конференции приняли участие ученые различных научных специальностей, в сборнике тезисов докладов представлены сообщения более 200 ученых. В то же время конференция показала, что круг ученых, специализирующихся на изучении науки, не очень велик, интерес к науковедческой тематике снизился, а социология науки все более отстает от переднего края мировой науки. Настоятельней всего ощущалось отсутствие специального образования в области науковедения и социологии науки.

В июле 1996 г. была проведена конференция «Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования».⁴ Инициаторы конференции стреми-

³ Проблемы деятельности ученого и научных коллективов в условиях перестройки. Тез. докл. Междунар. конф. по науковедению (22—25 мая 1990 г., Ленинград). I часть, II часть. Л., 1990.

⁴ Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования. Тез. докл. Междунар. науч. конф. (1—3 июля 1996 г.). СПб., 1996; Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования. СПб., 1997.

лись ознакомить научных работников и профессорско-преподавательский состав вузов с концепциями и реальным опытом взаимодействия науки и высшей школы в различных регионах мира, развеять бытующие мифы и стереотипы, осмыслить отечественный опыт в этой области, с тем чтобы иметь основания для выработки стратегии развития научно-образовательного комплекса России при переходе к рыночным отношениям, найти эффективные механизмы сближения науки и образования. Важно отметить, что конференция проходила в период формирования федеральной целевой программы «Государственная поддержка высшего образования и фундаментальной науки на 1997—2000 гг.». Поэтому большой интерес к конференции проявили не только специалисты всех отраслей науки — представители естественных, технических, социально-экономических и гуманитарных наук, — но и представители федеральных и региональных органов управления.

В 2001 г. Совет участвовал в проведении первой всероссийской конференции «Науковедение и организация научных исследований в России в переходный период».⁵ В 2003 г. Совет совместно с Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники РАН провел вторую всероссийскую конференцию «Науковедение и организация научных исследований в России в переходный период».⁶

Большое внимание в своей работе Совет уделял исследовательским проектам. В них принимали участие многие члены Совета. В 1992—1994 гг. по заказу Министерства науки России под руководством С. А. Кугеля проводилось исследование по научному потенциалу Санкт-Петербурга и институциональным изменениям в науке. Результаты исследования вошли в объемные отчеты, переданные в Министерство науки РФ. Сокращенный вариант был издан в 1997 г.⁷ В эти же годы проводилось исследование интеллектуальной миграции в России.⁸

В 1992 г. по инициативе Совета совместно с СПб. филиалом ИИЕТ РАН были начаты работы по теме «Исследования механизмов воспроизводства научной элиты». При этом ставились задачи изучения особенностей научной элиты и ее структуры в современной России, роли научной политики в сохранении и воспроизводстве научной элиты, выявления факторов миграционной активности научной элиты, изучения социальных механизмов воспроизводства научной элиты, информационных мостов с работающими по контракту и учеными-эмигрантами, создания стимулов и возвратных механизмов. По результатам исследований было подготовлено несколько изданий.⁹ Результаты некоторых социологических опросов, проведенных Советом, были изданы в виде бюллетеней «Общественное мнение ученых».¹⁰

⁵ Науковедение и организация научных исследований в России в переходный период (9—11 октября 2001 г.). Ч. I. СПб., 2002; Ч. II. СПб., 2002.

⁶ Науковедение и организация научных исследований в России в переходный период. Мат-лы конф. (24—26 июня 2003 г.). СПб., 2004.

⁷ Институциональные изменения в российской науке: организационные и социально-психологические аспекты. СПб., 1997.

⁸ Интеллектуальная миграция в России. СПб., 1993.

⁹ Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 1. СПб., 1993; Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Кн. 1. Ч. 2. СПб., 1994; Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Кн. 2. Ч. 2. СПб., 1994.

¹⁰ Общественное мнение ученых. СПб., 1994; Общественное мнение ученых: индикаторы научной элиты, научные коммуникации, проблемы и перспективы научной деятельности. СПб., 1995.

Новым элементом научной инфраструктуры города стала созданная Советом Международная школа социологии науки и техники. На упомянутой уже конференции 1990 г. идею создания в России такой школы высказал профессор Стюарт Блюме. Он работал в отделе динамики науки Амстердамского университета и был руководителем исследовательского комитета социологии науки Международной социологической ассоциации.¹¹

В работе школы реализован принципиально новый подход к проблеме образования, выражающийся в соединении обучения и научного исследования. Слушатели участвуют в эмпирических социологических исследованиях. В процессе обучения проводятся свободные обсуждения, дискуссии по интересам, «круглые столы», экскурсии в ведущие научные учреждения Санкт-Петербурга. Существенно важной в обосновании деятельности школы являлась и другая задача: Международная школа социологии науки и техники представляет собой форму, способ рефлексии, самопознания науки и техники. Знания в области социологии науки, социологии техники (а это основные курсы, читаемые в школе) оказались в высшей степени востребованными научно-технической интеллигенцией.

Учредителями школы являются: Санкт-Петербургский научный центр РАН, Санкт-Петербургский союз ученых, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. В течение всего периода существования школу финансировали в различные периоды Российский гуманитарный научный фонд и Российский фонд фундаментальных исследований. Школу поддерживают также Комитет по науке и высшей школе Санкт-Петербурга, Совет ректоров вузов города, крупнейшие вузы города.

Школа знакомит слушателей с новейшими достижениями не только в области социологии науки, но и в области других социологических дисциплин (социологии маркетинга, социологии девиантного поведения, социологии конфликтов), а также осуществляет повышение квалификации специалистов, научных работников и преподавателей вузов в области социологии науки и техники, научно-технологической политики, социологии высшей школы. Профессора читают лекции по тем темам, по которым они внесли существенный вклад в мировую науку.

Сообщество ученых, сотрудничающих со школой, разнообразно по своей профессиональной ориентации и квалификации. Объединяет их интерес и забота о путях развития науковедения. В работе школы в качестве преподавателей принимали участие ведущие ученые академических институтов и профессора вузов России (из Санкт-Петербурга, Москвы, Орла, Новгорода), среди которых лауреат Нобелевской премии академик Ж. И. Алфёров, академики Н. Н. Никольский, Ю. С. Васильев, С. Г. Инге-Вечтомов, член-корреспондент РАН И. И. Елисеева, профессора В. Ж. Келле, Е. З. Мирская, И. А. Майзель, А. С. Кармин и др., а также крупные зарубежные исследователи — директор Института социологии Академии наук Венгрии профессор П. Тамаш, профес-

---

¹¹ Кугель С. А. Ученые Ленинграда—Санкт-Петербурга (60—90-е годы). Статьи разных лет. СПб., 1998. С. 204.

сор С. Эрли (Великобритания), профессор М. Кайзер (Норвегия), профессор Д. Уинер (США), доктор Э. Кауконенн (Финляндия), профессор Ю. Д. Райкович (Югославия), профессор Я. Рабкин (Канада) и др.

На каждой сессии школы обсуждается круг актуальных проблем, связанных с определенной тематикой. Так, одна из первых сессий школы была посвящена темам «Наука в системе социальных институтов в условиях кризиса» и «Самоорганизация науки в условиях социальных перемен: традиции и инновации». Ежегодно проводится одна или две сессии школы (летняя и осенняя). На сессиях школы также рассматривались темы: «Наука, технология, общество: социальные аспекты взаимодействия на рубеже веков» (1997); «Социологический образ науки и технологий» (1998); «Национальные системы профессиональных коммуникаций в науке и технологии, экономике и политике» (1999); «Роль фундаментальных социологических исследований в преподавании гуманитарных дисциплин и становлении в России гражданского общества» (1999); «Наука, технология и образование в России в условиях глобализации и трансформации общественной жизни» (2000); «Адаптация ученых России и стран Восточной Европы к новым социально-экономическим условиям» (2001); «Высокие технологии и качество жизни населения» (2002); «Особенности воспроизводства интеллектуального потенциала России в переходных условиях» (2002); «Факторы риска и проблемы безопасности: социально-экономические, технологические, экономические, медико-биологические аспекты» (2003); «Новые научные направления и личность ученого» (2004); «Роль российских и зарубежных научных фондов в интернационализации науки. Мобильность ученых: плюсы и минусы» (2005).

Основу обучающихся в школе составляют студенты и аспиранты вузов России. Российские слушатели приезжают на сессии школы из Москвы, Новгорода, Воронежа, Екатеринбурга, Тольятти, Красноярска, Новосибирска. Кроме того, поскольку школа осуществляет функцию образовательного учреждения широкого профиля, в ней повышают квалификацию преподаватели вузов из Санкт-Петербурга, Тольятти, Красноярска, Великого Новгорода. Некоторые слушатели участвуют в работе школы на протяжении всех лет ее существования и «переросли» свой первоначальный статус, став преподавателями.

Годы работы Международной школы социологии науки и техники показали, что она является жизнеспособным организмом, в ее существовании заинтересованы десятки исследователей (социологов, науковедов, экономистов, биологов, математиков, физиков) и студентов. Материалы каждой сессии школы ежегодно публикуются в сборнике «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», в который включаются статьи не только преподавателей школы, но и ее слушателей.¹²

---

¹² Программы учебных курсов Международной школы социологии науки и техники. Ч. I. СПб., 1993. Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Мат-лы V сессии Международной школы социологии науки и техники. Международный ежегодник. Вып. 9. Ч. 1, 2. СПб., 1995; Мат-лы VI сессии Международной школы социологии науки и техники. Вып. 10, вып. 10 (дополнительный). СПб., 1996; Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. 11. СПб., 1997; Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. 12. СПб., 1998; Мат-лы XI сессии Международной школы социологии науки и техники. Международный ежегодник. Вып. 13, 14. СПб., 1999; Вып. 15. СПб., 2000; Вып. 16. Т. 2. СПб., 2001; Вып. 17. СПб., 2002; Вып. 18. СПб., 2002; Вып. 19. СПб., 2003; Мат-лы XIX сессии Международной школы

Многолетняя плодотворная деятельность Совета по науковедению и организации научных исследований позволила Санкт-Петербургу оставаться одним из немногих центров науковедения и социологии науки в России.

социологии науки и техники / Под ред. проф. С. А. Кугеля. Вып. XX. СПб., 2005; Мат-лы XX сессии Международной школы социологии науки и техники / Под ред. С. А. Кугеля. Вып. XXI. СПб., 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

I. АКАДЕМИЧЕСКИЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ЧАСТЬ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- В. П. Леонов.* Библиотека и наука: к выходу в свет первого тома «Летописи библиотеки Российской Академии наук» 3

II. АКАДЕМИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Б. В. Ананьич, В. М. Панях.* Историческая наука в Академии и академических учреждениях Петербурга 15

III. БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ — ИСТОЧНИК РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ ГУМАНИТАРИЕВ

- Ю. А. Петросян.* Отечественная османистическая текстология: исследование и публикация турецких рукописей из петербургских коллекций 48

IV. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ГУМАНИТАРИЕВ

- В. Н. Плешков.* «Единственный русский адмирал из Мэна». Судьба и карьера адмирала Егора Тета 63
- Л. А. Руховец.* Математика как инструмент исследований в гуманитарных и общественных науках 73

V. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

- Э. И. Колчинский.* Наука и кризисы: некоторые результаты сравнительного анализа 86

VI. ПЕТЕРБУРГСКИЕ УЧЕНЫЕ В ИСТОРИИ РОССИИ

Э. П. Карпеев, Т. М. Моисеева. О подготовке к трехсотлетнему юбилею М. В. Ломоносова 136

VII. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е. А. Иванова, С. А. Кугель. О деятельности Научного совета по науковедению и организации научных исследований СПбНЦ РАН 144

Научное издание

ТРУДЫ
ОБЪЕДИНЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ
2005

*Утверждено к печати
Санкт-Петербургским научным центром
Российской Академии наук*

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректор *Ф. Я. Петрова*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Подписано к печати 29.12.06.
Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 13. Тираж 500 экз. Тип. зак. № 1087. С 47

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-02-026475-X

9 785020 264755

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-40-64

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
(код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
(код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»);
(код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, пр-т Независимости, 72; (код 10-375-17) 292-00-52,
292-46-52, 292-50-43
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
(код 3832) 30-09-22
142292 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»);
(13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
(код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65

194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 297-91-86

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16;

(код 812) 323-34-62

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36

450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

2 Зак. № 1087

3 Зак. № 1087

4 Зак. № 1087

5 Зак. № 1087

6 Зак. № 1087

7 Зак. № 1087

8 Зак. № 1087

9 Зак. № 1087

10 Зак. № 1087

11 Зак. № 1087

12 Зак. № 1087

13 Зак. № 1087